

Да Нирвакин

АИРВАТ

Повесть о беззаветно
преданной любви

Издательство «Беркхаус»

Пятигорск

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н 68

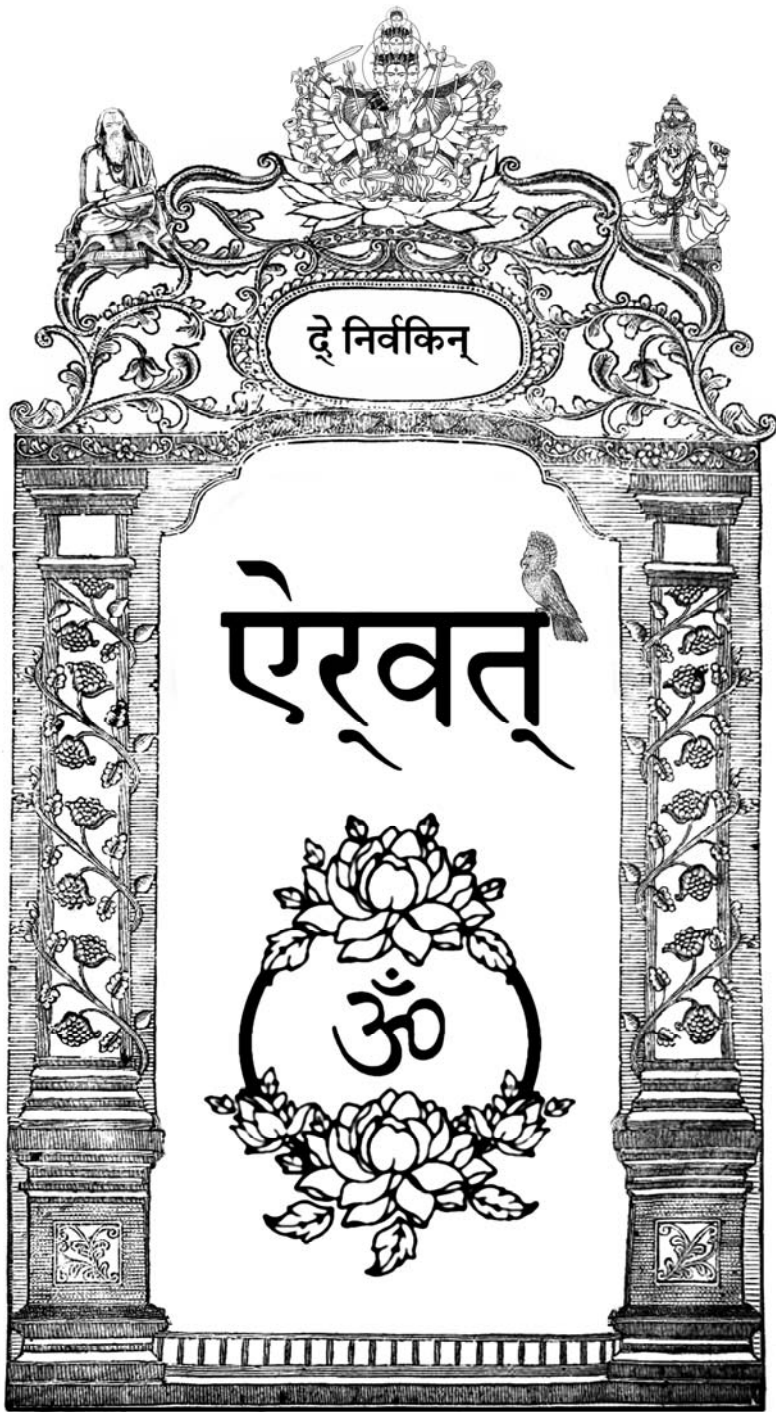
**В повесть «Аирват»
вошли четыре эпизода
из философского романа
Дэ Нирвакина «София. В поисках
мудрости и любви»**

Нирвакин Дэ

Н 68 Аирват. Повесть о беззаветно преданной любви /
Д. Нирвакин. — Пятигорск: «Беркхаус», 2017. — 225 с.

Аирват — мистический остров запредельной любви, на который не ведет ни одна дорога. Но, подобно этой книге, Аирват-двипа может находиться где угодно и когда угодно. Каждый стремится туда попасть. Каждый стремится к свободе, к осуществлению заветной мечты. Но что такое любовь? Что такое свобода? Где пролегает грань между добром и злом, светом и тенью? Что происходит во снах? Что объединяет их с реальностью? Почему люди оказались так беззащитны перед мировым злом? На эти вопросы никто не ответит вместо нас самих. Мы сами являемся причинами и следствиями того мира, в котором мы живем.

© निर्वकिन् दे , 2017
© Нирвакин Дэ, 2017

दे निर्वकिन्

एवत्

ॐ

यस्याः स्वरूपं ब्रह्मादयो न जानन्ति तस्मादुच्यतेऽज्ञेया ।
यस्या अन्तो न विद्यते तस्मादुच्यतेऽनन्ता ।
यस्या ग्रहणं नोपलभ्यते तस्मादुच्यतेऽलक्ष्या ।
यस्या जननं नोपलभ्यत तस्मादुच्यतेऽजा ।
एकैव सर्वत्र वर्तते तस्मादुच्यत एका । एकैव विश्वरूपिणी
तस्मादुच्यते नका ऽत एवोच्यतेऽज्ञेयानन्तालक्ष्यार्जका नकेति ।

Первое свойство Ее — в непостижимости

*Брахмо-причины, той самой, что не познается,
Невообразима Ее беспредельность,*

та самая, что бесконечной длиною зовется,

Тончайшая сила Ее неувовима,

та самая, что незримо на вещи влияет,

Сущность Ее невыразима,

та самая, что души бессмертием наделяет.

Единословной Ее называют,

ибо Она пребывает повсюду на свете,

И многословной Ее называют,

ибо Она отражается в каждом предмете.

Неведомо-беспредельная-незримо-нерожденная-

едино-и-многословная, так Ее называют.

Джанануптра — царь без царства в мире без людей

Он различал какие-то неясные звуки. Далеко, на самом дне ушной раковины, раздавался тихий разговор или молитва на удивительно певучем наречии. Голос вопрошал о своей судьбе и молил о помощи. Пытаясь разобрать, что угнетало душу молившегося человека, Евгений вслушивался в иноземную речь — и лицо его неожиданно побледнело, когда в потоке слов стали встречаться знакомые выражения.

Если бы он спал, то ничего необычного в этом, наверное, бы не было — раньше в сновидениях он часто говорил на иностранных языках, которых никогда не изучал. Иногда он даже представления не имел, как эти языки назывались, в какой части света на них говорили

или, возможно, с их помощью общались лишь странные существа в его воображении.

Но в том-то и дело, что он не спал, глаза его были открыты. Он просто лежал в полутьме коморки на цокольном этаже, глядя на каменную стену прямо перед собой. Ему думалось, что эта слуховая галлюцинация прекратится сама собой — надо лишь перестать к ней прислушиваться. Невыносимо устав от бормотания внутри своей головы, он закрыл глаза и постарался заснуть. Поначалу голос стих и даже совсем прекратился. Евгений ушел в сладкую дрему. Как вдруг — до него снова донеслась незнакомая речь, на этот раз очень четко, словно кто-то находился прямо за стеной.

Наверняка в соседнем помещении, за кирпичной кладкой, молился представитель азиатской диаспоры, однако сон так крепко сковал Евгения, что он даже не пошевелился. На спящем лице у него не дрогнул ни один мускул, хотя хотелось улыбнуться. Было забавно, насколько пылко молился этот парень, бежавший из теплой солнечной страны в заснеженную и промозглую Россию. Если бы он был умнее, то оставался бы дома, тогда, глядишь, и жаловаться на судьбу не пришлось бы.

Спустя еще четверть часа протяжных завываний Евгений захотел узреть эту редкостную азиатскую непосредственность своими глазами. Он решил хотя бы постучать ему в стенку, чтобы тот сбавил громкость, но

открыть веки не получалось — они то ли онемели, то ли слиплись ото сна. От невозможности приоткрыть веки, зрачки его закатились вверх, так глубоко, что на пару минут он заглянул в кромешную тьму, которая находилась где-то внутри него. Заглянул туда, куда никогда не заглядывало его сознание, где его самого уже не было — по ту сторону самого себя. Именно так, по-другому и не скажешь!

Он провалился в какую-то абсолютную космическую темноту, которая обитала между пор его тела, кровеносных сосудов, клеточных органелл, петелек нуклеотидов и атомных флуктуаций. Или, быть может, это он обитал на одной из ее возможных граней среди неисчислимых пересеченных поверхностей, плотно сжатых и упакованных одна в другую. Он подумал, что эта непроглядная чернота, возможно, вмещала в себя всю огромность бесконечных миров и вселенных.

Оказавшись в запредельной темноте самого себя, он уже не мог определить направление, куда смотрит. Ему казалось, что он продолжает смотреть куда-то вперед, хотя его зрачки под веками были развернуты назад в сторону сетчатки. Поскольку он лежал боком на кровати, то сторона, которая в темноте казалась ему правой, в действительности была низом, а сторона, казавшаяся ему левой, была верхом. То, что он сейчас воспринимал за нижнее направление у себя под ногами, в пространстве полуподвального помещения было ле-

вым направлением, а то, что воспринимал за верхнее направление над головой, было, соответственно, правым.

Так вот оно что! Почему же раньше он не замечал этого? Ведь в сновидениях всегда действовала такая непривычная система координат: вперед-назад — назад-вперед; вправо-вниз — влево-вверх; вниз-влево — вверх-вправо. Выходит, всякий раз, когда сознание его опрокидывалось в сновиденческое пространство, имеющее для каждого направления дополнительные координаты, он видел события, происходящие не в четырехмерном, а восьмимерном пространстве-времени. Его сознание начинало перемещаться во сне подобно электрону, спин которого равен двум. Обернувшись один раз кругом, он, стало быть, совершал движение, которое в обычном состоянии имело бы 720, а не 360 градусов. Но самое поразительное заключалось в том, что для входа в эту потустороннюю реальность не требовалось никаких дополнительных приспособлений, сама природа сознания уже содержала все необходимое для восприятия другой, нематериальной действительности.

Если в пространстве сновидения переднее направление могло быть заодно задним, а верхнее — заодно правым, то и стрела времени могла здесь быть заодно прямой и обратной. Так что предстоящее можно было воспринимать как уже — тут, в сновидении — с ним произошедшее, тогда как многие события прошлого час-

тично забывались либо становились совершенно неизвестными ему величинами. Вместе с тем, каждое последующее действие в сновидении могло быть отображением все более и более отдаленных воспоминаний, и если бы он проспал достаточно долго, то как бы затем определил, где и когда находится? Разве не могла оказаться личность, с которой он себя отождествлял, давно умершей, либо, напротив, еще не появившейся на свет?

Ему хотелось еще немного поразмышлять об этом. Здесь, по ту сторону самого себя, он видел то, что обычно было от него скрыто его же собственным существованием. Он видел непрерывную протяженность времени, необозримую его высоту, которая для всякой разумной сущности была своя, видел его бездонные океанические глубины и его необъятную широту, объединявшую мифологические образы отдаленных эпох, память всего живого. Ему нужно было еще немного времени, чтобы все это запомнить и осмыслить, но больше времени у него не было — оно было целиком здесь, в этой темноте. Да, оно было здесь все время, всегда... Тут глазницы его раскрылись, и пространство стало заливаться белым светом.

***

Он с трудом приоткрыл дрожащие веки, осторожно впуская в себя потоки ярких красок. Ему казалось, что он видит акварельное небо над ровными горными склонами, покрытыми цветками курунджи. До него доносилось журчание воды, растекающейся по влажным каменным плитам среди рододендронов и папоротников. Под зеленью травы виднелись заросшие бордюры и башенки-виманы с углублениями для жертвоприношений, которые были осыпаны свежими лепестками карены. Ему захотелось рассмотреть поближе этот удивительный сад релаксации, войти в него полностью, даже если это было не его сновидение, даже если он не должен был здесь находиться.

Влекомый этим безрассудным желанием, он подался вперед. Его кожа стала очень вязкой, черты лица — более эластичными; словно маска, они медленно растягивались и расширялись. Каждый изгиб морщинок на лбу, вокруг глаз и рта раскалял его кожу докрасна, как при сильном солнечном ожоге. Ему приходилось напрягать каждую мышцу на шее, чтобы протиснуться через непонятную преграду. Может быть, это была горная порода, засыпавшая вход в пещеру, из которой он хотел выбраться, а может быть, кирпичная кладка в стене. Наконец, после того, как лицо перестало растягиваться и гореть, он сумел вытянуть шею и осмотреться.

Но прежде, чем понять, где он находится, он увидел перед собой молившегося человека, того самого,

который не давал ему заснуть... Им оказался он сам! Вернее, он выглядел точно так, как если бы это было его собственное зеркальное отражение. Этот странный человек настолько умело пародировал его, что выражение их лиц было практически одинаковым. Поначалу даже почудилось, что между ними вообще не существует никаких различий. Впрочем, двойник был чуть моложе и смуглее. Он был одет в восточную одежду, сохранявшую следы тонкой вышивки и роскошного орнамента. В его глазах читалось изумление, граничащее с подлинным ужасом.

— Откуда ты взялся? — решил спросить у него Евгений, сам премного удивившись изменению своего голоса, который прозвучал как скрежет гигантских каменных глыб.

— О, великий *Пурусинх*, ты явился! — только и вымолвил двойник, упав оземь. — Ты отозвался на зов последнего из рода *Раджхаттов*.

— Хм-м-м, — раздалось в ответ задумчивое эхо.

Евгений все еще не понимал, что происходит. Он знал, что видит очень странное, как будто вывернутое наизнанку сновидение. Вместо того чтобы смотреть сон своими глазами, он смотрел на свое ментальное тело как бы со стороны. Вполне возможно, в пространстве-времени его сновидения появились неучтенные координаты, и он, его сознание, попало в еще более запутанное, скажем, шестнадцатимерное состояние. Но, если

так, кем он сейчас был? Точнее говоря, кем был тот самый *Пурусинх*, которым он сейчас был?

Он попытался заглянуть себе под ноги, но его движения все еще были скованными. Покрутив головой, он ощутил внутри чудовищный жар, впрочем, это было не самое страшное. Краем глаза он заметил, что его руки и грудь — дымятся! Они потрескались, обнажая под сухой лопнувшей кожей огненные потоки вулканической лавы! Евгений вскочил на ноги, принялся тушить и охлопывать себя в клубах дыма.

Когда дым рассеялся, он громко кашлянул, высунув язык наружу, провел рукой по вздувшимся венам на шее и выдохнул с некоторым облегчением. Он посмотрел на свои руки — они почему-то выглядели безобразно большими и... когтистыми. Судя по ним, ангельской внешностью этот *Пурусинх* не блистал, более того, он был настоящим монстром! За спиной Евгения продолжала дымиться пустующая ниша. Очевидно, еще минуту назад там стояло каменное изваяние, в которое непостижимым образом вселилась душа Евгения. На это указывали разломанные, все еще раскаленные куски украшавшего статую рельефа. Выбираясь обратно из космической черноты, его сознание, скорее всего, перепутало направления двух зеркальных поверхностей и всплыло в иной реальности. Как бы то ни было, он вошел в каменное тело *Пурусинха*, и сейчас стоял перед своим собственным двойником в облике ужасного бо-

жества. И, надо признать, ему это нравилось. Многое доводилось ему повидать в сновидениях, но ничего подобного с ним еще не приключалось.

— Так это твое бормотание раздавалось у меня в голове?

В горле *Пурусинха* все пересохло, однако каменный скрежет в голосе прекратился, так что больше ничто не мешало ему вести разговор. Как много хотел бы он узнать от своего астрального двойника! Как много хотел обсудить с ним на древнем наречии. По отдельным словам можно было предположить, что это была одна из разновидностей ведического языка, незамутненной письменностью, надуманными правилами и попытками установить одно значение для каждого слова, один смысл для каждого корня, тогда как у них были тысячи значений и тайных смыслов.

— Царь Северных гор, прости *Джананутру* за мольбы его! — не поднимаясь, отозвался двойник. — Долгие месяцы продолжалась аскеза моя и моления мои, дабы внять твоему совету. И вот, когда ты явился в ужасающем великолепии своем, трепет сковал сердце *Джананутры*, и он не смеет смотреть тебе в лицо. Если я досадил тебе своей молитвой, ты вправе покарать меня смертью.

— Покарать смертью, это всегда успеется! — рассмеялся Евгений, которому совсем не хотелось кого бы

то ни было карать, тем более, самого себя. — Раз вы-
звал меня, рассказывай, *Джананутра*, в чем твои беды.

Евгений почему-то был уверен, что видит самого
себя со стороны, а значит, и так знает все, что могло
терзать душу *Джананутры*. Но все оказалось не так,
как он себе представлял.

— Что может быть хуже, чем царство без царя и
царь без царства? — вопрошал *Джананутра*. — Боль
страданий омрачила весь мир после печальной кончины
моей любезной матери *Наянадхары*, верховной жрицы
Нагарасинха.

— *Нагарасинх*? — это слово разом воскресило в
душе Евгения столько незабываемых впечатлений! —
Ты хочешь сказать, что ты наследник верховной жрицы,
что ты царь *Нагарасинха*?

— Царь, навечно изгнанный из *Нагарасинха*, —
подтвердил *Джананутра*, спокойно поднявшись перед
Пурусинхом.

Чтобы не выдавать свое волнение, сильное смущен-
ие и радость, *Пурусинх*, то есть Евгений, затронул
когтистыми руками седую львиную бороду. Для него
это было самой невозможной невозможностью и самой
неожиданной неожиданностью — спустя столько лет
оказаться в давно забытом сновидении и встретить
здесь повзрослевшего сына. Как могло его подсознание
все это запомнить, зачем оно вновь направило его сю-
да?

— Так почему же тебя изгнали, *Джананутра*, царь *Нагарасинха*? Может быть, ты был недостойным царем?

— А разве не видно? — *Джананутра* приподнял руки, подбородком указывая на себя.

— Ах да, ты *человек*... — понимающе закивал *Пурусинх* и улыбнулся довольно мило, если учесть, что его пасть обрамляли острые, как сабли, клыки.

— Последний из рода ягуаров родился человеком. Возможно ли опуститься ниже? Царь *Нагарасинха* стал шутком и посмешищем, нынче он собирает яблоки и сажает огурцы для пропитания своего живота. В самом деле, было бы очень смешно, если бы скверные времена не настали в подлунном мире. Нечестивцы и темные силы правят по обе стороны океана, и никто уже не верит в Светозарную Истину.

— Не говори «никто», *Джананутра*, ибо *никто* не может верить или не верить во что-либо, и когда говорят «никого нет», еще продолжают думать о ком-то, — ответил ягуароподобный *Пурусинх*. — Были дни, когда хранители *Майятустра-дхьяны* безраздельно правили этой страной. Они обладали величием и славой, и где они теперь?

— Как ты можешь радоваться этому? Ведь хранители *Майятустра-дхьяны* сдерживали еще большее зло и коварство, пока их не уничтожил *Парамаджана*! — от произнесения этого имени *Джананутра* сжал кулаки. — Одни говорят, что он был ягуаром, другие говорят —

человеком. Одни говорят, что я его сын, рожденный от противоестественной связи, а другие распространяют вздорные слухи о том, что я был зачат и выношен моей матерью непорочно.

Внезапно царь *Джананутра* выдохся. Он упал, как подкошенный, скрывая в песчаной земле свои слезы. Даже сам *Пурусинх* не знал, чем его можно утешить, и тогда он протянул ему руку и сказал:

— Встань, сын человеческий, в этом нет твоей вины. Всякая причина порождает множество следствий. Мы являемся причинами всех миров, и мы же — следствия этих причин. Развоплощение *Майятустры* стало причиной гибели хранителей *Майятустра-дхьяны*, а также причиной твоих несчастий, но это стало и причиной твоего рождения. Что бы там ни говорили полулюдины — они никогда не постигнут этой тайны.

— Тебе известна тайна моего рождения? — спросил *Джананутра*, поднимая голову.

— В тайне твоего рождения сокрыта первопричина этого мира, а в ней содержится тайна всех миров. Если не установлена первопричина существования всего сущего, борьба со злом будет порождать другое зло, но если первопричина установлена — зло теряет свою силу.

Истощенный аскезой и многодневным чтением мантр, царь *Джананутра* ухватился за лапу *Пурусинха* и поднялся, все еще не веря своим глазам, в которых

отражался прославленный первопредок ягуаров. Он больше не ужасался этих острых клыков, которыми вождь *Пурусинх* пожирал полчища врагов, и этих длинных когтей, которыми древнее божество пробивало насквозь грудные клетки даймонов *Сатананты*, разрывая падшие души в пламенеющие клочья. *Джананутра*, никогда не знавший своего отца, догадался, что это был он — его отец, дела и поступки которого всегда казались ему превыше всякого разумения. Он ощутил, что внутренняя сущность *Пурусинха* и его отец были одной и той же личностью. Временами он его ненавидел, а временами... временами считал единственным доступным подтверждением существования *Всевышнего*.

Обдумывая свою догадку об отце, *Джананутра* внезапно прервался и решил спросить напрямую:

— Мне ведь тоже не известна тайна моего рождения. Если нам не известны даже причины, которыми являемся мы сами, как установить первопричину всего сущего? Как возможна борьба со злом, не порождающая другое зло? Так для чего ты пришел, *Парамаджана*, неужели для того, чтобы окончательно погубить *Нагарасинх* и всех его обитателей? Ведь ты не можешь придти, ничего не разрушая.

Евгений не ожидал такого каверзного вопроса от *Джананутры*. Во всяком случае, не сейчас, не в такой обстановке. Ему было совершенно неизвестно, что происходило в *Нагарасинхе* последние десятки циклов, как,

впрочем, и то, что творилось в голове у царя *Джананутры*. Первое впечатление, что они были с ним похожи, практически идентичны друг другу, оказалось обманчивым.

— Ты очень умен, *Джананутра*, но понять определенные вещи, можно только в определенное время и в определенном месте, а некоторые вещи можно понять только в других мирах. Однажды я помог йогину *Ашмара* изгнать даймона *Майятустру*. Вовсе не для того, чтобы свергнуть династию *Раджхаттов*, не для того, чтобы разрушить *Нагарасинх*, а для возникновения последовательности событий в совершенно другом мире, который здесь считается несуществующим и воображаемым. Эти события настолько запутаны, что я не могу тебе их описать. Для этого потребовались бы многие вещи и образы *рупа-дхарни*, не существующие в вашем мире. Однажды и ты узнаешь о вещах, которые не могут быть выражены в словах, и тогда тайна твоего рождения сама откроется в тебе.

— Мир людей? Ты пришел из мира людей? — с оживлением спросил *Джананутра*.

— Он совсем не такой, каким его описывают здешние сказки, — усмехнулся вождь *Пурусинх*, предвидя следующий вопрос. — Давай лучше поговорим о твоём мире, как долго я тут не был! Сколько же тебе лет?

Впервые царь *Джананутра* по-дружески улыбнулся и пригласил *Пурусинха* пройти по цветущему саду,

который в действительности был древним святилищем и некрополем династии ягуаров. Они покинули храм *Пурусинха* и пошли по песчаной тропинке среди запущенных клумб и широколиственных деревьев, увитых лианами. Встречались здесь и царские усыпальницы, и фонтаны, которые, впрочем, давным-давно превратились в небольшие озера, заросшие водяными лилиями. Из глубины сада, где находился алтарь *Пурусинха*, они вышли к пустынному дворцу с рядами сиротливых арок.

— С тех пор здесь и обитаю, — подытожил *Джананутра* короткий рассказ о своей жизни, о том, как он стал царем и как был изгнан из *Нагарасинха* темным магом *Нишакти*.

— Тебя, в самом деле, тяготит то, что ты вынужден выращивать растения и питаться ими в этом саду? — спросил *Пурусинх* царя *Джананутру*. — А что если я скажу тебе, что предок ягуаров *Пурусинх* в одной из вселенных занимается тем же самым?

— Ты, верно, шутишь? — изумился царь *Джананутра*. — Зачем *Пурусинху* сажать огурцы, ведь он наделен могуществом и силой, которой никто не обладал до наступления эпохи великого затмения?

— А известно ли тебе, *Джананутра*, откуда брались силы *Пурусинха*, из каких глубин произрастало его могущество? Знаешь ли, почему эти овощи *шакти* и космическая энергия *Шакти* звучат одинаково?

Приподняв одну бровь, *Пурусинх* дотронулся до зелени, которую *Джананутра* выращивал на грядках возле заброшенного дворца.

— В преданиях об этом ничего не сказано...

— Ха-ха-ха! — весело рассмеялся *Пурусинх*. — Мы с тобой и есть предание, *Джананутра*, и если в преданиях об этом ничего не сказано, то лишь потому, что мы не захотели об этом сказать. Поистине, передавая предание не тогда и не тем, кому надо, можно легко сделаться предателем. Вспомни, разве тебе не доводилось слышать притчу о Царе, в саду которого росло Дерево?

Даже во сне Евгений не сомневался, что притча о божественном Древе встречалась и пересказывалась во всех возможных и невозможных мирах.

— То есть в одной вселенной сознание *Пурусинха* выращивает плоды и питается ими, чтобы совершать в *тонких материях* великие подвиги и быть могущественным творцом *тан'матры*? — рассуждал *Джананутра*. — Но как может растительная сила *шакти* трансформироваться в космическую энергию *Шакти*?

— В этой способности заключены все чудеса *сиддхов*, — *Пурусинх* сложил руки за спиной, продолжая шагать среди грядок. — Приглядишься к этим плодам и нежным побегам, в них зреют и нарождаются поколения богов, народов, земных царей и героев, необходимые для поддержания множества миров. Что станется

со всеми этими побегам и плодами, если не будет у них садовника? Их быстро затянет сорное семя, не так ли? Оно станет отнимать и присваивать себе их растительную силу. К сожалению, такое иногда случается.

Грустно вздохнув, *Пурусинх* положил огромную руку на плечо *Джананутры*, а затем продолжал:

— Ухаживание за этим садом релаксации напоминает мне управление страной, а управление страной похоже на поддержание множества миров. Видишь вон тот каменный забор? Он ограждает сад от диких шакалов и хищного тигра. Протекающий здесь ручей питает влагой фруктовые деревья, которые без него, безусловно, увянут. Под сводами этого дворца ты можешь укрыться от непогоды, а забытое в дальнем углу изваяние может однажды ожить и рассказать тебе обо всем этом, — усмехнулся *Пурусинх*.

— Но все же управлять страной, ухаживать за садом релаксации и поддерживать множество миров — не одно и то же, — возразил ему *Джананутра*.

— Ну, конечно! Тем не менее, для совершения любых правильных действий нужна мудрость, а этому невозможно научиться...

— Отчего же невозможно? Разве мудрость наших предков не передается нам через писания древних риши? — взволнованно спросил *Джананутра*.

Несомненно, царь *Джананутра* провел много дней и ночей за чтением книг и священных табличек в своем

уединенном жилище. Из них, по всей вероятности, он узнал мантры, которыми призывали первопредка ягуаров. По ошибке или нет спящий Евгений оказался в шкуре *Пурусинха* — это было уже не важно. Важным было то, что он в это втянулся, и некая сновиденческая сила производила теперь над его сознанием странный опыт. Более того, он так вжился в кошмарный образ *Пурусинха*, что в глубине души стал допускать, что его мышление соприкасалось через это тайнодействие с более развитой духовной сущностью, нежели был он сам. По крайней мере, некоторые мысли возникали у него в голове настолько спонтанно, будто они уже были кем-то раньше обдуманы.

— Если весь день наблюдать за солнцем, а ночью за звездами, то может сложиться впечатление, что они вращаются непосредственно вокруг тебя, — намекнул *Пурусинх*. — Точно так же читателю книги мнится, что средоточие знаний и мудрости находится непосредственно в ней самой. Но эта кажимость, *Джананутра*, не должна сбивать тебя с толку, ведь это мы вращаемся вокруг Северных гор, а мир движется вокруг солнца. Путь звезд проходит вокруг *сварги*, а все *сварги* этой вселенной движутся подобно *чакри-дхам* — как частицы крови вокруг сердца...

— По-твоему, книги тоже описывают круги вокруг истинной мудрости? — не вытерпел *Джананутра* про-

странного объяснения. — Где же тогда средоточие мудрости?

— А где средоточие времени или пространства? Оно всюду и нигде, но для живой души оно, прежде всего, вот здесь, — и ягуар поднес когтистую лапу к сердцу *Джананутры*. — До наступления великого затмения не было ни одной священной книги, поэтому самые древние риши познавали полноту божественной мудрости без книг. Не было в том мире ни лжи, ни корысти, не было тогда ни просветления, ни просвещения, ибо все было светом, и сознание каждой сущности было светло.

— Если это действительно так, для чего же тогда пишут книги, для чего их читают? Ответь мне!

— С тех пор, как тень *Сатананты* вошла в сердце живой души, частичка тьмы отражается и в каждой книге, вызывая искаженные толкования. И все же, открывая книги, мы можем открывать внутренние слои самих себя в поисках того внутреннего света, который был сокрыт от нас завесой тьмы. Прочитывая книгу, ты можешь почувствовать себя мудрее, но это еще не означает, что тебе передалась та же самая мудрость, которой обладал риши. Мудрость — то, что *запечатано* тобой самим внутри тебя самого, таково значение слова *мудра*; читать — значит раскрывать слои *читта* внутри своего сознания *читта*. Таково подлинное искусство мантры, преданное забвению.

— Не понимаю тебя! — вновь возразил ему *Джананутра*. — Так много книг было написано мудрецами, а ты говоришь о забвении.

Пурусинх покачал головой, понимая смятение *Джананутры*, который, видимо, страстно любил чтение. А впрочем, чем еще ему оставалось заниматься в этом захолустье?

— До появления книг мудрецы вчитывались не в буквы, а в звуки, — отвечал *Пурусинх*. — Они видели не плоские значения слов, а многомерные цели, к которым устремляются эти значения. Тысячи раз тобой была пропета одна и та же строка, чтобы она вошла в мое сознание, а мое сознание вошло в твой мир. Если бы кто в совершенстве овладел искусством мантры, то в одном слове он бы прочел тысячу книг, одной строкой вошел бы в тысячи миров и сознаний.

— Многомерные цели — те, которые никто не видит? — предположил *Джананутра*. — В детстве матушка рассказывала мне, как *Парамаджана* сумел попасть из нефритового лука в змею, которую никто не видел.

— О, та змея, отравлявшая источники вод, была известна одному кентавру, нашедшему нефритовый лук. Выходит, он тоже видел ее, не так ли? — хитро прищурился ягуар. — Ты можешь потратить все стрелы, думая, что поражаешь ими незримые цели, постигая Высшую Реальность или Космическое Сознание, но в ре-

зультате никуда не попасть. Незримую цель не видят не потому, что она обладает особой природой незримости, а потому, что никому не приходит в голову, что она может быть целью и что в нее можно попасть.

— Возможно, ты не согласишься со мной, но неисчислимое множество циклов *Майятустра* был богом *Нагарасинха*. Так неужели даже боги умирают? Неужели даже они становятся чьей-то целью? Разве даймон *Майятустра* был хуже темного мага *Нишакти*? Зачем ты убил его, и кто теперь защитит этот мир? — вопрошал царь *Джананутра*. — Как долго мечтал я о встрече с тобой, однако сейчас сердце мое терзают сомнения. В нашем мире ты бы мог обмануть кого угодно, как я могу доверять тебе после того, что ты сделал с хранителями *Майятустра-дхьяны*?

— Даже простые смертные не уходят бесследно, а боги подавно. Владыко *Майятустра* стал карликом, каким он и был до наступления эпохи великого затмения, — неохотно ответил *Пурусинх*. — Говорю тебе, царь *Джананутра*, незаменимых богов не бывает. Высшие сущности могут быть целью, но всякая достигнутая цель становится только средством. Так ты можешь отличать богов, именуемых *всевышними*, но которые служат лишь средством, от недостижимого *Всевышнего*, не становящегося средством, а потому не подверженного дурным влияниям заблудших *джив*. Только живая душа незаменима в подлунном мире, если в ней живет со-

страдание и любовь, тогда уже одним своим существованием она наделяет свойством несокрушимости высшие принципы *дхармы*.

— Если все зависит от благодетели смертных, а не от имен богов, почему же ты низверг *Майятуству*?

— Боги, как бы их ни называли существа, благотворно влияют на развитие сознания. Потому что без них ограниченное, слабое и несовершенное существо мнит себя всемогущим и совершенным. Такое восхождение сознания всегда ведет к нисхождению. Имена богов создают иллюзию, что один бог сменяет другого, что боги рождаются, живут и умирают, подобно смертным *дживам*. Но в действительности они никуда не исчезают. Иногда они переходят на темную сторону, иногда их используют как прикрытие для совершения преступлений. Бывают даже боги, имена которых забыли, и все же им продолжают молиться.

Различные *имена* богов — это и есть *семена* богов, а различные *семена* и есть божественные *семейства*, благодаря которым происходит смена одних богов другими. Через них в сознании живых существ отражаются различные уровни понимания Божественного Имени, вот почему то, что для одного является пониманием, для следующего уровня сознания становится заблуждением. Как в этом саду релаксации не найдется двух совершенно равных по высоте деревьев, двух одинаковых травинок, так же среди народов и *джива-саттв* не най-

дятся двух сознаний в совершенно равной степени постигших Божественное Имя.

— Не хочешь ли ты сказать, что нет никакой разницы, какому богу поклоняться, коль скоро все боги одинаково отражают наше незнание о *Всевышнем*? И разве смертные *дживы*, говорящие об исключительной истинности своего бога, не совершают при этом ошибку? — спросил царь *Джананутра*, указывая на грядку овощей. — В этих плодах *шакти* великое множество семян, и я не вижу между ними никаких особых различий, чтобы одно семя было больше или, наоборот, намного меньше другого.

Взглянув на огурцы, которые *Джананутра* выращивал на грядке, Евгений вспомнил старинную загадку: «*Без окон, без дверей — полна горница людей*». Было так странно, что образ из народной потехи отражал в себе суть философской беседы о богах и уровнях сознания, как будто обо всем было известно давным-давно.

— Разница существует, — немного задержавшись с ответом, произнес *Пурусинх*. — Нищий и царь могут родиться одинаковыми, но неодинаковой окажется их судьба. Тот и другой может стать злодеем, тот и другой может оказаться святым, но даже в этом случае их пути будут различны. Не все семена, *Джананутра*, дают хорошие всходы, некоторые подвержены тяжелой болезни, и они могут заразить остальных — вот тогда все они в равной степени окажутся непригодными к даль-

нейшему росту. Чтобы сад благоухал и приносил эти плоды, нужны различные семена от различных корней.

— Разве существование различных племен, богов, языков не ведет к войнам? Не лучше ли иметь одного бога над всеми и один над всеми язык?

— Мудрый садовник знает, на какой почве и на каком удалении должны расти плоды, а глупый сеет без разбора. Причина войн, о которых ты говоришь, не в различии языков и богов, а в глупости низших существ, обладающих непомерной властью. Ты, в самом деле, готов уничтожить всякое растение и всякое дерево в саду, чтобы питаться одними огурцами? — расхохотался *Пурусинх*, запрокидывая ягуароподобную голову с алой пастью и языком. — Ты недостаточно добр, *Джананутра*, чтобы уничтожить весь этот мир, и ты недостаточно зол, чтобы развязать хотя бы одну войну. Только зверь может развязать войну, и только бог — предотвратить, но ты человек, царь *Джананутра*. Как думаешь, что это значит?

— Что человек не властен над своей судьбой?

— Ни да, ни нет. Возможности человека ограничены сверху и снизу, чтобы он мог побеждать. Поэтому мудрый садовник не уничтожает весь сад и все деревья в нем, потакая глупому совету как избавиться от всех вредителей.

Так они поднялись с царем *Джананутрой* по мраморным ступеням и остановились под изящной аркой,

украшенной завитками из меланита. В синем небе над фиолетовыми холмами бледнела огромная пинковая луна. Евгений никогда не видел ее такой красивой и близкой. Он подумал, что это, возможно, был самый прекрасный сон, который он когда-либо видел, и что он, возможно, никогда больше сюда не вернется. Он хотел помочь *Джананутре*, как помог однажды йогину *Ашмара*. Нет, вовсе не потому, что *Джананутра* был изгнанным царем в безлюдном мире, а потому, что к этому подталкивали иные, пока неведомые ему события, которые должны были произойти в его сознании.

— Если я тебя правильно понял, — продолжал тем временем царь *Джананутра*, — мудрости можно научиться даже в этом саду, собирая яблоки и пропалывая грядки? Быть царем для этого совсем не обязательно, хотя нельзя быть настоящим царем, не имея для этого достаточной мудрости.

— Подобно царю, садовник всегда оказывается перед выбором — он выбирает самые полезные плоды, самые здоровые деревья, самые красивые цветы, чтобы они могли расти. Он оберегает посевы от саранчи и сорной травы. Но все не так просто. Если садовник возьмет от земли слишком много, она истощится, слишком обильные урожаи загнивают, не оставляя доброго семени. В сезон дождей избыток воды — в жару наступает засуха, бывает, и ледники спускаются с гор, *Джананутра*. Все это приводит к тому, что сорное семя вы-

тесняет благие побегии в одном из миров. Племена и земные цари, одолеваемые демоническими наваждениями, забывают о совести, теряют всякую веру в *Высшее*, находящееся вне возможности их восприятия. И тогда прискорбные дела начинают твориться. Сорная трава одурманивает разум, ее начинают называть самым благородным растением, дарующим свободу и радость жизни.

— То, что ты говоришь, *Пурусинх*, лучше всего объясняет мне причины распространения по обе стороны океана учения о *Свабуджа Вишване*, — произнес царь *Джананутра*, глядя на синеющие тучи, показавшиеся вдали за Северными горами.

— *Свабуджа Вишвана*, высшая свобода? — переспросил *Пурусинх*, чтобы удостовериться в том, что правильно понял царя *Джананутру*.

— Всепроницающая сила, сошедшая в подлунный мир для достижения полной Свободы Вселенной. Так разъясняют учение всеведающего *Калиманаса* его последователи.

— Что же ты раньше молчал об этом учении? В нем корень зла, питающий темного мага *Нишакти*.

— Наш мир стремительно изменяется, однако нет никакой уверенности в том, что это происходит под воздействием воли *Свабуджи*. Мне трудно поверить, что некая высшая душа или дэймон знает о настроениях каждого, обо всех тайных и явных желаниях огромного

мира, целой вселенной, — пояснил свои сомнения царь *Джананутра*. — В конце концов, темный маг *Нишакти* мог просто выдумать *Калиманаса* и вселенское учение *Свабуджи*, чтобы изгнать меня из *Нагарасинха*.

Евгений еще раз взглянул на молодое лицо *Джананутры*. Какие же несчастья он перенес, и что ему предстояло испытать в будущем? До этой встречи Евгений ни разу всерьез не задумывался над тем, как власть способна изменять сознание человека, перед каким выбором она его постоянно ставит.

— Но ведь и *Майятустра* мог управлять мыслями всех обитателей *Нагарасинха*.

— Не мыслями обитателей всего мира, не помыслами всей вселенной, — нахмурился *Джананутра*.

— Да, пожалуй, это было бы уже слишком, — согласился *Пурусинх*, поглаживая когтями свою бороду. — Даже бесконечноголовый *Сатананта* не управляет всеми событиями в тех вселенных, через которые прошла его тень. Существует *Свабуджа* или нет, должен признать, он — великий мечтатель.

— Все мечтают о чем-то, — заметил царь *Джананутра* печально. — Без мечты ничего не рождается и не возникает. Не бывает без нее никакого дела — ни злодеяний, ни подвигов, только великие мечты и делают нас великими.

Он пригласил ягуара к невысокому столику, на котором стояли свежие фрукты и кувшин с манговым со-

ком. Они расположились друг напротив друга, сидя на индигово-синем ковре с великолепным золотистым орнаментом, который, впрочем, был изрядно потерт под ножками стола. В тени между арок сказочного дворца пробежал теплый ветерок, теребивший цветы в терракотовых вазонах, а на открытом воздухе в саду установилась невыносимая тропическая жара.

— До сих пор вспоминаю времена, когда каждый сановник нашептывал царю: *«Перестань мечтать, Джананутра, не витай в облаках! Не помышляй о лучшем — сделаешь только хуже»*. Но понял я, о чем мечтают говорящие *«перестань мечтать»*. Они мечтают лишь об одном: чтобы ты ничего не делал. Так они обретают свою способность к воровству, к осуществлению личных нескромных мечтаний, ничуть не заботясь о всеобщем благе. Возможно, я недостаточно зряч, чтобы видеть незримые цели, но царь *Джананутра* оказался достаточно слеп, чтобы вовремя не заметить тонкие сети разума, которые связывают руки крепче любых цепей.

— Некоторые старцы только ослепнув становятся мудрецами, но даже они недостаточно слепы, чтобы освободиться от сетей разума. Вопрос в другом: в том, достаточно ли ты зряч, чтобы увидеть недостижимую мечту, и достаточно ли ты слеп, чтобы следовать за ней?

— О какой мечте ты говоришь? В моем положении любая мечта недостижима, и наш разговор, едва успев начаться, уже стал для меня недостижимым. Вернуть царство в *Нагарасинхе* я давно не мечтаю, призвать тебя — то единственное, о чем я еще мог мечтать, и это была моя последняя мечта.

— Последняя мечта, — медленно повторил *Пурусинх*. — Знаешь ли ты, что это единственное, что тебя отделяет от недостижимой мечты? И это единственное, что может тебя с ней соединить. Но прежде, чем это произойдет, твоя последняя мечта должна умереть.

После этих слов они долго молчали, размышляя о недостижимой мечте, царь *Джананутра* и *Пурусинх*, который закатил глаза и погрузился в медитацию. Время словно остановилось для них, замерло движение солнца и пинковой луны на небосводе, и даже ветер перестал шевелить цветы и деревья в саду. Ни одна птица не щебетала, ни одна бабочка не вспорхнула, куда длилось их молчание. Вся вселенная прислушивалась к этой тишине, которую никто не смел ни прервать, ни нарушить, — и волна дрожи прокатилась по ней.

— Нет, не для того пришел я, чтобы вернуть тебе царство, которое можно отнять, — произнес вдруг *Пурусинх*, открывая глаза. — Ты заслуживаешь большего, *Джананутра*, и я пришел вернуть тебе веру в нечто большее, чем ты готов принять. Вернуть то, что *Кали-*

манас вместе с другими подобными ему демоническими *дживами* мечтает подменить в этом мире и погубить.

Заложив руку за широкий пояс с самоцветными камнями, *Пурусинх* поднялся и поглядел на сидящего перед ним юношу. Ничего героического и царственного в *Джананутре* не было — он был безумно одинок и к тому же сильно истощен. И все же в нем чувствовалась внутренняя сила, которой сам Евгений никогда не обладал в своем земном воплощении. Их судьбы были странным образом переплетены, как в познании высших вселенских законов бывают переплетены вопросы и ответы.

— Между прочим, — *Пурусинх* укоризненно потыкал когтем в грудь *Джананутры*, — древних богов просто так не вызывают. Видишь ли, способности *сиддхов* к трансформации космической энергии — крайне редкий дар в любом из возможных миров. Мы с тобой можем провести в беседах еще пару дней или часов, но одними разговорами ничего не решить. Так устроен человек, что если даже он не имеет никакой мечты, такая мечта обязательно появляется, когда по близости возникает йогин, способный исполнять желания.

— И что ты собираешься сделать? — спросил изгнанный царь, заметив в глазах *Пурусинха* безумный огонек.

— Ну, для начала, — тут *Пурусинх* посмотрел на лестницу, ведущую к угловым башенкам заброшенного

дворца. — Полагаю, для начала стоит навестить темного мага *Нишакти*, раз он столь сведущ в учении великого *Свабужды*.

Они взобрались на башню с остроглавым куполом и вышли на восьмигранную смотровую площадку, окруженную колоннами. Вытянув руку вперед, *Джананутра* показал на дорогу, которая петляла среди склонов цветущих куринджи.

— До *Нагарасинха* не меньше четырех дней пути, — сказал он.

— А разве я сказал, что мы пойдем пешком? — озабоченно спросил *Пурусинх*, заглядывая в лицо царю. — Ты когда-нибудь летал во сне, *Джананутра*?

— Да, но... это же не сон, — растерялся изгнанный царь, не веря тому, что *Пурусинх* предлагает лететь по воздуху.

— Знаю, тебе это покажется безумием, но твой мир для меня мало чем отличается от сновидения. Здесь на меня не действуют привычные ограничения, смотри! — со всего разбега *Пурусинх* прыгнул в пространство между колоннами. — Ну, как?

Рассекая руками воздух, Евгений искупался в турбулентных потоках, ступая на них и отталкиваясь от них, как магнит, направленный одним и тем же полюсом к другому магниту. Для *Джананутры* это выглядело чем-то совершенно невероятным, как будто ягуаро-

подобный *Пурусинх* плавал по ветру, ни на что не опираясь.

— Значит, предания о *сиддхах*, летающих по небу, не вымысел? — поразился царь *Джананутра*. — Ты и впрямь находишься словно во сне. Ты летишь, хотя у тебя нет крыльев!

— Привычка смотреть на части, не позволяет тебе увидеть целое. Ты пытаешься разглядеть два крыла и не замечаешь, что все тело может быть крылом и мириадами крыльев одновременно. Твои представления еще слишком определенные, чтобы допустить существование неопределенных крыльев.

Зависнув на одном месте, *Пурусинх* раздвинул руки в стороны. Его переполняло удовольствие от этого полета, напоминавшего подпрыгивание на мягких, но очень упругих батутах.

— Говорят, в былые времена каждому хранителю *Майтустра-дхьяны* были доступны волшебные чары, но твоя сверхъестественная сила превышает способности моего воображения.

— Ты, в самом деле, думаешь, что способности моего воображения чем-то отличаются от твоих, что сила *сиддхи* принципиально отличается от сил живой природы? Знай же, что между ними не существует и крупицы различий, ибо энергия *Шакти* одна и та же во всех мирах. Но различия существуют в умах, которые

думают об этих силах, полагая одно вымыслом, а другое нет.

Подлетев к башенке, *Пурусинх* ступил на твердую поверхность теплого мраморного пола и протянул когтистую лапу царю. Тот с недоверием подошел к самому краю смотровой площадки и нащупал одной ногой упругую волну, позволявшую ягуару парить в воздухе. А затем смело сделал два быстрых шага, раскачиваясь вверх-вниз, словно канатоходец.

— Ну вот! — радостно похвалил *Пурусинх* своего астрального двойника. — Теперь мы в два прыжка окажемся в *Нагарасинхе*...

Вообще-то, прыжков оказалось больше. Может быть, около десятка. Каждый раз они отлетали от земли все выше и выше, их прыжки становились все дальше и уже почти ничем не отличались от продолжительного полета: с бешеной скоростью проносились они над вершинами леса, над зелеными холмами, над блестящими лентами рек. От каждого нового прыжка захватывало дух. Однажды они поднялись на такую высоту, что под их ногами показались струйки облаков. После этого они стали стремительно опускаться, и это было, пожалуй, не самое приятное ощущение — приземляться неизвестно куда с высоты птичьего полета. Евгений, крепко ухватив *Джананутфу* за руку, сам не мог сообщить, как можно замедлить их падение. Под ногами был отчетливо виден город *Нагарасинх* величиной всего

с монету. Через мгновение он был уже как большой поднос с глазурным пряником, на боках которого располагались крохотные коробочки-дома, а посередине сверкали золотые дворцы и пирамидки древних храмов.

Выбирая место для приземления, *Пурусинх* облетел весь город, внимательно разглядывая улицы, чтобы найти самый безлюдный район. Вернее, поскольку людей в *Нагарасинхе* и так не было, а были только полузвери и полулюди, то следовало сказать, что он пытался найти самый без-полулюдный район. В конце концов, он-таки облюбывал дворик на окраинах у внешней стены, где лежала опрокинутая с постамента статуя.

— Не спорю — над приземлением надо будет еще поработать, — сказал *Пурусинх*, спрыгивая на землю. — Как себя чувствует Ваше величество?

— Ничего, наше величество в полном порядке, чего, увы, не скажешь об этом изваянии, — *Джананутра* указал рукой на разбитую и обезображенную статую. — Скульптура жрицы, которая обучает чтению и письму. Их часто устанавливали во времена правления ма-тушки. Она так верила в просвещение народа — и вот, к чему это привело... Теперь каждый житель *Нагарасинха*, заучив мудреные слова о высшей свободе, если не метит в цари, то уж точно считает себя умнее всех прочих.

— Ох уж эти просвещенные умы! Назови пастырем каждого барана в стаде — и ты получишь стадо пасты-

рей, — согласился с ним *Пурусинх*. — Они убеждены в том, что знают толк в этой жизни, что у них нет ничего лишнего: ни стыда, ни совести, ни предубеждений. Но видно их недостаточно просветили, ведь они еще не слышали о том, что убеждение в просвещенности — самое темное из предубеждений.

Покинув дворик, обнесенный глиняными стенами, они оказались на довольно оживленной улице. Сразу почувствовалось, как сильно изменился *Нагарасинх*. Поначалу Евгений не мог понять, в чем именно состояли эти изменения. Вроде бы, те же самые мифические создания ходили по тем же самым мостовым. Но выражения на козлиных, птичьих, кроличьих мордах были другими — более надменными и ко всему равнодушными. Если под воздействием чар *Майятустры* каждый житель *Нарагасинха* заботился только о своих личных делах, то сейчас казалось, что никаких важных дел у жителей города вообще не было. Они просто двигались — не толпой, а по отдельности, почти не разговаривая друг с другом. Дети не смеялись, не бегали, как раньше, а шагали сами по себе с таким же высокомерным и гордым видом, какими же несчастными они были!

Но изменились не только выражения лиц, одежда жителей *Нагарасинха* тоже стала весьма различной и вызывающей. Вместо длинных туник в моду вошли полупрозрачные накидки, под которыми сверкало дорогое исподнее белье. Подростки носили рванину с дырами,

преднамеренно проделанными в сукне, иногда в местах, указывающих на половую принадлежность особи. В то же время по улицам вышагивали тонкие существа, с ног до головы укутанные черными драпировками. Если бы Евгений увидал такие высокие фигуры в мире людей, то решил бы, что они передвигаются на ходулях. Однако здесь, скорее всего, это были человекоподобные модели с ногами фламинго.

Чем ближе они с *Джананутой* продвигались к центру города, тем необычнее становились существа, попадавшиеся им по дороге, и тем более странно было видеть рядом с собой совершенно бесхвостого, безрогого, бескопытного человека, коим являлся *Джанануфра*. Вскоре это ощущение подтвердилось: где-то на подходе к базарной площади за *Джананутой* стали пристально наблюдать орлоголовые стражи, охранявшие пышную процессию из вельмож и нуворишей с волосатыми сумками на пузах и ожиревшими кенгуриными хвостами. На физиономиях этих полулюдей, занимавших в *Нага-расинхе* весьма важное и высокое положение, виднелись отвратительные увечья. Возможно, это была разновидность кожного заболевания либо, что тоже не исключено, наросты на коже могли иметь искусственное происхождение.

Дополнительные рога у минотавров-сановников, по-видимому, отрастали в результате хирургических вмешательств, они подчеркивали недостижимый статус

их обладателей, а вот объяснить, каким именно образом на головы эмансипированных косуль прививались ветви цветущих плодовых деревьев, было сложнее. Подобные эксперименты, приводившие в мире без людей к появлению еще более нечеловеческих существ, требовали вмешательства на генетическом уровне. Так что становилось непонятно, с кем имеешь дело — с мужчиной или с женщиной, с деревом или копытным животным, а может, вообще с электрическим скатом. На последнем Евгений остановился после того, как его ударил током взгляд одной из косуль, разодетой — а по сути раздетой — в элегантное декольте, имитирующее цветок, обнажавшее грудь, живот, ягодицы и спину.

— Нам лучше раствориться среди полулюдинов, — предложил *Пурусинх Джананутра*. — Ты слишком необычно выглядишь для этого места.

Царь *Джананутра* кивнул, и они, как все окружающие, стали глазеть на прилавки базарной площади, делая вид, что подыскивают подходящие товары. Изобилие экзотических яств, приправ и пищевых добавок, разнообразие одежд, украшений, бытовых приспособлений, призванных облегчать жизнь городских обитателей, не шло ни в какое сравнение с простой едой и одеждой, что продавались здесь раньше. Взяв в руку огромный крабовый помидор, из которого росли две клешни, *Пурусинх* поинтересовался у продавца, где выращивают такие здоровенные овощи.

— Все настоящее, заморское! — с гордостью заявил продавец. — Совсем не портятся, однако. Покупай — не пожалеешь, а вкус какой замечательный. Пальчики оближешь!

— Нет, спасибо! Нам бы чего-нибудь попроще, а обычные томаты у вас есть?

— Обычные томаты? — удивился продавец. — А это какие, по-вашему? Самые что ни на есть обычные крабовые томаты. Куда проще, однако?

Продавец с головой попугайчика укоризненно посмотрел вслед *Пурусинху*. Он искренне не понимал, о чем его спрашивал ягуароподобный покупатель. Тем не менее, он назидательно шепнул своему сыну, стоявшему тут же, возле прилавка, что в стародавние времена весь город *Нагафасинх* находился под оккупацией таких же вот бестолковых, кровожадных и невежественных ягуаров, как этот.

В самом конце базарной площади царь *Джананутра* остановился у прилавков, где скопилось особенно много народа. Подойдя ближе, *Пурусинх* заметил, что очередь собралась не у прилавков, а вокруг циркача, показывающего фокусы. Он изрыгал пламя изо рта, выкрикивая, что, должно быть, в его жилах текла кровь дракона, перемещал шары с помощью магнитов. Полулюди смеялись над его громкими шутками и кривляньями. Но внимание *Пурусинха* и *Джананутры* привлекло другое — этот шут был карликом с человеческим ли-

цом... Так неужели *Джананутра* был не единственным человеком в этом мире?

Тем временем карлик продолжал свое уличное представление:

— Внимание, внимание! А теперь мне грозит смертельная опасность, — завопил он под аплодисменты разношерстной публики. — Вильные жители *Нагафасинха*, прошу вас подавлять крики ужаса! Ваш нижайший слуга *Карлик Маркус* подготовил еще один трюк с исчезновением Скрижали просветления!

Перед карликом появились занавески, над которыми, откуда ни возьмись, поднялась фигурка даймона *Майятустры* со змеиными головами. Вытаращив глаза и заверещав «*О, нет, только не это!*», карлик ударил по статуэтке увесистым молоточком, расколов ее вдребзги. Но вместо нее, на том же месте, поднялся столб, на котором было изображено солнце с исходящими от него лучами, похожими то ли на стрелы, то ли на спицы колеса. *Карлик Маркус* с торжественным видом поднял этот столбик над головой.

— Так была дарована вам, жителям свободного города, Скрижаль просветления! Вы поклонялись этому камню, почитали его как идол, хотя не могли его прочитать. Вы долго размышляли над загадкой сего камня, пока в наш единственно-подлинный мир не пришел *Калиманас*, спаситель и освободитель Вселенной.

Карлик поставил каменный столб на землю, быстро накрыл его циновкой и выкрикнул:

— Великий *Свабуджа* освободил вас от веры в человека, от рабства бесцельных иллюзий и медитаций, он освободил ваши умы от дурмана Скрижали просветления!

Затем *Карлик Маркус* с силой ударил молотком по скрижали и сразу отбросил циновку, показывая всем, что под ней уже ничего нет.

— Где же скрижаль? Где просветление? — наигранно растерялся *Карлик Маркус*. — Никто не видел?

— Да она в циновке! — грубым басом ответил кто-то.

— В циновке? — повторил карлик, передавая накидку собравшимся, чтобы ее проверили.

— Скрижаль исчезла! О, великий *Свабуджа*! — ахнули в толпе.

— Вы заблуждаетесь, — пояснил всем фокусник. — Дело в том, что никакой Скрижали просветления никогда не было! Если бы существовал бог, могла бы существовать и Скрижаль просветления. Но где ваш бог? Всевышний, ты где-е? Смотри же, я разбил твою скрижаль! Если ты существуешь, испепели меня молнией! Останови мое сердце, сейчас же! Что? О, не-ет!

Неожиданно карлик согнулся, словно ему стало плохо, но тут же выпрямился и злорадно захохотал. Он весело запрыгал и замахал руками.

— Не может быть, я все еще жив! Хе-хей! Нет, ваш бог не умер, как думают еще некоторые из вас! Вашего бога никогда не было, нет и никогда не будет!

В этот момент среди зрителей уличного представления раздались отдельные хлопки, а затем — бурные овации. Засияв от счастья, *Карлик Маркус* стал всем раскланиваться.

— Скажите, а вы случайно не человек? — спросила его восторженная зайчиха.

— Случайно нет, — в ответ *Карлик Маркус* вильнул длинным обезьяньим хвостом. — Милочка, если бы вы прочли мой философский очерк, вы бы знали, что я был первым, кто доказал происхождение пресловутого человека от самого мудрого зверя на свете — от хвостатой обезьяны.

— Значит, царь *Джананурта* тоже произошел от хвостатой обезьяны? — спросил карлика *Джананутра*, по всей видимости, уверенный в том, что в толпе его никто не узнает.

Вокруг с удовольствием заблеяли и засмеялись, ожидая остроумного ответа от карлика.

— Нет, сударь, я не претендую на престол, если вы на это намекаете, — парировал *Карлик Маркус*.

— К югу от *Нагарасинха* хвостатые обезьяны обитают тысячи лет. Неужели ни одна из них не заявила в правах на престол? Неужели ни одна из этих обезьян до сих пор не произвела на свет человека?

Народ около *Джананутры* медленно расступился, открывая обзор карлику, захотевшему увидеть своего собеседника. *Пурусинх* остался стоять рядом с царем *Джананутрой*, скрестивши на груди руки. Когда *Карлик Маркус* не обнаружил у *Джананутры* звериных признаков, по лицу фокусника пробежала тень смятения. Однако он все равно не поверил в то, что видит перед собой человека, ведь единственным во всем этом мире человеком был давно изгнанный из *Нагарасинха* царь *Джананутра*.

— Я ничуть не удивлен, — высокопарно продолжал карлик. — Мы, обезьяны, слишком умны для того, чтобы нести на себе либо в себе человеческое бремя.

— Разумеется! Поэтому вы предпочитаете над всеми смеяться, — догадался *Джананутра*. — Недаром говорят, что перед вашей мудростью все равны — и стар, и млад, и вельможа, и нищий, и йогин, и глупец.

— Вот именно, — с гордостью заявил *Карлик Маркус*.

— Отчего же вы тогда не смеетесь над *Калиманасом*?

На базарной площади повисла гробовая тишина. Царь *Джананутра*, не услышав ответа на свой вопрос, решил спросить иначе:

— Если этот мир — единственно-подлинный, откуда пришел *Свабуджа*? Где он был раньше?

— *Калиманас* ждал, когда мы будем готовы принять его великий дар — свободу и равенство всех перед всеми. Теперь мы сами выбираем свою судьбу!

— Ха-ха, это точно! Запрещено только верить в людей, творить добро... Что еще? Ах, да! Запрещается осуждать поступки, которые раньше считались предосудительными. Все существа — в равной степени звери, и если тебе причинили зло — причини другому еще большее зло. Теперь все можно — нельзя только сомневаться в учении великого *Свабуджи*, нельзя сомневаться в том, что оно действительно всех освободило.

— Ты не просто походишь на человека — ты думаешь как человек! Ты хочешь поработить сей вильный город! — завопил *Карлик Маркус*, затопав ножками.

— Рабов всегда пугают порабощением, не так ли? — заметил *Пурусинх*. — Но как можно поработить свободного? И разве может сам поработитель быть свободным? Поистине всякий поработитель, нуждающийся в своих рабах, в конечном счете сам становится рабом.

— Где стража? — неистово поднял вверх кулачки *Карлик Маркус*. — Что вы их слушаете? Они же враги вашей свободы!

— От вас за версту несет разложением, но вы так верите в свое сверхчеловеческое предназначение, что это даже потешно, — сказал *Пурусинх*, обращаясь ко всем собравшимся. — Если *Калиманас* освободил вас от

всех привязанностей, почему же вы так привязаны к его учению? Почему же вы так привязаны к этому городу, который был построен не вами и который никогда не будет вам принадлежать?

— Хватайте их! — заблеяла разноголосая толпа. — Куда они скрылись?

Но ягуароподобный *Пурусинх*, захватив с собой *Джананутфу*, молниеносно перепрыгнул через базарную площадь и уже неторопливо шагал с царем на соседней улице.

— Карлик совершил святотатство, — вырвалось у *Джананутфы*. — Ты бы мог испепелить его на глазах у всех, почему ты этого не сделал?

— Может быть, потому, что он не заслужил смерти от руки *Пурусинха*, а может быть, потому, что он был великим *сиддхом*, пока не стал даймоном *Майятустрой*.

— Что?! — лицо царя *Джананутфы* вмиг стало серым как известь.

— Как странно, да? Еще утром ты хотел обвинить меня в уничтожении *Майятустрой*, а ближе к вечеру сам пожелал его смерти. Мы всегда спешим, желая быть успешными, бежим куда-то, крутимся, словно белки внутри колеса *дхармы*, и не замечаем, куда в действительности оно движется. И даже если бы ось колеса была закреплена на одном месте, мы бы все равно не заметили этого. Мы чувствуем только, как это колесо

выматывает нас, раскручиваясь все сильнее, и в спешке не замечаем, что мы сами являемся причиной этого выматывающего движения. Знаешь ли ты, царь *Джананутра*, куда движется твоя колесница?

— Прости, я, наверное, многого не понимаю, — недоумевал царь *Джананутра*. — Получается, что карлик сам над собой издевался! Зачем он разбил свое предыдущее воплощение на части?

— Мало кто знает, что *Карлик Маркус* был демоном *Майятустрой*. Даже он сам не понимает этого, ибо *Калиманас* изменил его память и сознание. Впрочем, я его хорошо помню: после развоплощения он был таким же забавным, почти как ребенок.

— *Калиманас* способен изменять сознание? Откуда ты знаешь?

— Он изгнал тебя из *Нагафасинха*. Он сменил власть во всем подлунном мире, а этого нельзя достичь, не обладая такой способностью воздействия на души существ. Поистине, всякая власть начинается и заканчивается с изменения сознания.

Джананутра замолчал, возможно, он вспоминал времена своего недолгого правления либо обдумывал слова, сказанные *Пурусинхом*. Они проходили с ним по улице, по тем же булыжникам, по которым когда-то Евгений прогуливался с кентавром *Фридонисиусом*. Так бывает, когда надолго уезжаешь из мест, где провел детские годы, а затем мимоходом возвращаешься в тот

же город, на ту же самую улицу. И вот ты стоишь рядом с родными стенами, видишь те же ступени, дорожки, вспоминаешь мельчайшие детали, шумные дворовые забавы, укромные места, известные только тебе, — и тебя не покидает неловкое чувство, что это уже не тот дом, и даже весь мир как будто не тот уже.

Ты начинаешь недоумевать, как же так — что могло измениться? Как ты попал в эту параллельную вселенную, где все изменилось? И тебя вдруг ошеломляет осознание того, что весь этот мир, вся эта вселенная переменялась ровно настолько, насколько изменилось твое собственное сознание. Существование неповторимого и яркого восприятия сохранилось лишь внутри тебя — *в-той-другой-вселенной!*

Ты спрашиваешь себя — сколько же времени прошло? И понимаешь, что время никуда не проходило, но ты сам прошел сквозь эту вселенную, и ты сам являешься воплощением времени, стуктом всех тех моментов, из которых ты вырос, из которых ты состоишь. Ты оглядываешься на *себя-прошедшего*, и только тогда замечаешь, насколько изменилась твоя внешность, и твое внутреннее существо — оно тоже как будто стало другим, обрело неизвестные *тебе-прошлому* способности. Ты заглядываешь вдаль, и когда туман грядущего расступается перед тобой, видишь длинную тень, падающую от еще более неизвестного *тебя-грядущего*. Но

сохранится ли в том существе что-то светлое и что будет знать, что будет помнить оно о *тебе-настоящем?*

Царь *Джананутра* и *Пурусинх* остановились у колодца, выложенного гладкими камнями — такими же древними, как весь этот старинный город. Набрав в ладони воды, *Джананутра* утолил жажду, продолжая о чем-то размышлять. Наконец, он решил ответить на вопрос *Пурусинха*:

— Мне кажется, я не знаю, — промолвил он, мотая головой. — Я не знаю, куда движется моя колесница и движется ли она на самом деле.

Евгений вдруг ощутил то же самое! Он так привык воспринимать *Джананутру* отдельной личностью, незнакомым, хотя внешне очень похожим на него, человеком, что совершенно перестал сопоставлять его с собой. Между тем, царь *Джананутра* мог быть той самой тенью *зрядущего*, его собственной душой, прошедшей через множество воплощений и возникшей в этой воображаемой вселенной.

А ведь если Евгений в этом мире был в первую очередь *Джананутрой*, и если в сновидении направление времени могло меняться, то в действительности все могло оказаться совсем даже наоборот: царь *Джананутра* мог быть некоторой более ранней, первичной душой Евгения. Тогда вся его настоящая жизнь и вся известная ему материальная действительность могли получить начальный импульс к своему существованию в его вооб-

ражении. Как спонтанный результат медитирующего сознания, увидевшего мир людей во сне или захотевшего его себе представить. Возможно, вообще всякое сознание и неисчислимое множество миров были устроены по такому же вложенному принципу, когда внутри каждой живой души обитали другие *джива-саттвы*, воплощение которых поддерживало существование внешних миров и вселенных. А может, все было еще сложнее?

— Возможно, *Джананутра*, я и есть ответ на твой вопрос, — сказал *Пурусинх*. — А ты, в свое время, окажешься ответом на мой. Ты полагаешь, что я — причина твоего возникновения и причина твоих страданий. Но причина и следствие нераздельны, они слиты в запредельном *Едином*.

Посмотри на эту воду, как она чиста и ясна, хотя ее происхождение неясно тебе, и на глубине колодца вода кажется темной. Ты черпаешь и пьешь из этого колодца, чтобы утолить жажду. Таким же точно образом множество неопределенных причин вливается в твое будущее в каждое мгновение. Посмотри вниз, откуда ты берешь воду, и ты увидишь на ней свое отражение! И оно уже лежало на этой темной воде, когда твоя рука еще только тянулась к источнику. Точно также на всех причинах и следствиях этого мира в действительности лежит отражение твоего сознания. В запредельном *Едином* непрерывное восприятие причин и

следствий позволяет выходить за границы отведенной нам *кальпы* времени, и тогда причины и следствия начинают меняться местами.

— Как тебя понимать? Неужели ты думаешь, что я, изгнанный царь *Джананутра*, мог быть причиной появления первопредка ягуаров, причиной появления даймона *Майягустры* и причиной появления в нашем мире *Парамаджаньи*?

— Учитель и Ученик, отец и сын, причина и следствие, — во всем содержится запредельная грань того *Единого* трансцендентного знания. Разве может возникнуть Учитель, если не будет у него Ученика? Разве может возникнуть отец, если не будет у него чада? Разве может называться причиной то, что не производит следствие? Когда ты пройдешь этот путь до конца, ты поймешь, *Джананутра*, что различные *Ты* и *Я* могут быть едины, потому что без одного не бывает другого. Познав это изначальное единство, ты перестанешь воспринимать меня как отдельную причину или следствие. Тогда и у твоих страданий не окажется больше ни причин, ни следствий — они прекратятся, чтобы *Ты* и *Я* могли однажды встретиться.

Так отвечал *Пурусинх*, и слова его многократным эхом отозвались в душе *Джананутры*.

Тайна темного мага Нишакти

Тем временем на улице возле старого колодца становилось полулюдно. Похоже, с приближением сумерек в *Нагафасинхе* намечался карнавал, но жители города воспринимали его по-будничному спокойно, словно у них каждый день и каждую ночь был какой-нибудь праздник. То тут — то там дорогу стали перегораживать жители в роскошных тюрбанах, украшенных жемчужными нитями, зелеными перьями, морскими звездами и раковинами. Они с нескрываемым любопытством разглядывали *Джананутфу*, проходившего рядом в потрепанном кафтане. К нему оборачивались серебристые и золотистые маски, изображавшие бесподобно красивые человеческие лица, однако в том-то и дело, что ни одного настоящего человеческого лица под этими масками не было. Некоторых выдавали ослиные или кро-

личи уши, у некоторых из-под головных уборов торчали рога, у кого-то за спиной шевелился длинный хвост.

Один из участников карнавала с головой грифа стал кататься перед *Джананутрой* на одноколесном велосипеде, обвязанном разноцветными лентами, не давая при этом прохода. Он был одет в просторную черную мантию с ярко-желтым подкладом, на голове у него красовался маджентовый клобук верховного иерофанта.

— А у тебя отличная маска! — заметил он, вступая в разговор с *Джананутрой*. — Выглядишь совсем как человек, прямо как изгнанный царь *Джананутра*!

— Он и есть *Джананутра*, — произнес *Пурусинх*, с трудом сдерживая улыбку.

— Ха! А вы любите пошутить, — не отставал тот, — мне такие нравятся.

— Послушай, у нас нет времени, — попробовал отвязаться от него *Джананутра*.

— Ладно, я понял, — ответил он, развернувшись на одном колесе и собравшись уезжать. — А может, вам нужно чего, а?

— Нет, спасибо, мы ни в чем не нуждаемся, — отрезал *Джананутра*.

— Мне показалось, он и вправду хотел помочь, — высказал свое мнение *Пурусинх*, оглядываясь назад. — По нынешним меркам качество довольно редкое.

— Не удивлюсь, если это был страж из тайного корпуса *Нишакти*. И еще... ты бы мог не произносить каждому встречному мое имя? — попросил *Джананутра*. — А то скоро весь город узнает о нашем прибытии.

Впереди показались восхитительные лазурные ворота внутреннего города. Когда-то их украшали два крылатых барса, а теперь вместо барсов по краям стояли белые многогранные кристаллы. Жители *Нагарасинха* прикасались к ним правой рукой, после чего кристалл переливался, пропуская их во внутренний город. Отовсюду с ближайших улиц стекались горожане в масках и карнавальных костюмах. Перед воротами звучал ритмичный бой тамтамов, танцовщицы с хвостами павлинов завлекали прохожих на шестые Ласкательные игры. По названию можно было догадаться, что это были за игры — свободные отношения между полами являлись неотъемлемой частью учения *Свабуджи*.

Не доходя до ворот, *Пурусинх* остановился, размышляя, что делать дальше.

— Чтобы пройти, нам потребуются твои способности *сиддхи*, — шепнул ему *Джананутра*.

Решив перепрыгнуть через стену, *Пурусинх* сжал руку астрального двойника и попытался нащупать под ногами упругие волны, но никаких волн не появлялось. По всей вероятности, стены внутреннего города имели мощную защиту, которую не могло преодолеть даже сновиденческое сознание.

— Не получается, — пробубнил *Пурусинх*, переводя взгляд на царя *Джананутфу*. — Кажется, строители этой стены позаботились о том, чтобы через нее не могли протекать силы *сиддхи*.

— За нами уже наблюдают, — *Джананутфа* наклонил голову в сторону часовых перед воротами.

— Вам точно ничего не нужно? — выкрикнул из толпы верховный жрец, балансируя верхом на одном колесе.

Подозвав его могучей рукой, *Пурусинх* на ходу придумал отличный предлог для того, чтобы проникнуть во внутренний город:

— Уважаемый, говорят, для полного достижения Свободы Вселенной нужно хотя бы раз побывать на Ласкательных играх, но, похоже, чужакам вход воспрещен — мы не знаем, как туда пройти.

— Так значит, вы не имеете *бакши-бакши*? — подъехав ближе, спросил незнакомец. — *Гуаттама* сразу понял, что вы издалека!

— Вот именно, на днях мы отбились от каравана, который следовал на восток. Меня зовут *Йуджин*, — поклонился *Пурусинх*, — а это...

— *Джананутфа*, кажется, да? Ну, надо же, назвали в честь изгнанного царя! Должно быть, нелегко тебе живется с таким именем, — пошутил гриф *Гуаттама*, прищурился. — Что ж, есть один способ, как обой-

ти *бакши-матхи*, но должен вас заверить, это будет весьма неприятно!

Царь *Джананутра* угрюмо молчал, ничего не отвечая.

— О, великий *Свабуджа*! Чего ни сделаешь ради Свободы Вселенной, — рыкнул *Пурусинх*, нарушив неловкое молчание и согласившись немного потерпеть ради пользы дела.

Заехав за угол ближайшего дома, *Гуаттама* вручил ему обтянутый паутиной кокон.

— Что это? — спросил ягуар, безглаголиво осматривая и обнюхивая липкий комочек.

— Крепко сожмите *кошин* в руке, — объяснил *Гуаттама*.

— *Кошин?* — переспросил *Пурусинх*, изменившись в лице. — Это что, кошелек?

— Вместо монет в *Нагарасинхе* давно расплачиваются личинками вишвана *Нишакти*, — подтвердил его наихудшие опасения *Джананутра*.

— То есть, — Евгений не мог подобрать слов. — Вы что... вы это серьезно?

— Это *нирбакши*... они ненастоящие, — успокаивающе добавил *Гуаттама*. — *Бакши-бакши* их быстро распознают, после чего они их съедают.

Не видя другого способа беспрепятственно проникнуть во внутренний город, *Пурусинх* зажмурился и, отвернув голову, раздавил в руке кокон с личинками. В

тот же миг он узнал, почему *Гуаттама* назвал сию процедуру весьма неприятной. Маленькие червячки, похожие на личинок моли, стали впиваться ему в ладонь, крутя своими хвостиками. Они заползали ему прямо под кожу, с жадностью присасываясь к венам на запястье и причиняя нестерпимую боль, от которой *Пурусинх* зашипел и замахал когтистой лапой.

— Их вселение доставило бы вам удовольствие, если бы это были настоящие *бакиши-бакиши*, — печально глядя на *Пурусинху*, сказал *Гуаттама*. — Зато теперь вы сможете посетить Ласкательные игры.

— Даже не знаю, как тебя отблагодарить, — пошевелил надбровными валиками *Пурусинх*.

— Не стоит, — напутственно поднял руку *Гуаттама*, — ведь отрицание действий нашей самости и есть путь к освобождению. Вы не станете этого отрицать, не так ли?

Все-таки, что ни говори, было в этом *Гуаттаме* что-то необычное. Его понимание свободы было иным, не таким, как в учении *Свабуджи*, хотя имело внешние сходства. Отрицание действий самости — ну, конечно! Почему же Евгений сразу не обратил внимание на имя *Гуаттамы*, напоминавшее ему имя *Сиддхартхи Гаутамы* — *Шакьямуни Будды*? Верховный жрец, оседлавший колесо дхармы не будучи жрецом, наверняка был проекцией перерожденного тибетского *Ринпоче* или неким образом, позаимствованным подсознанием из представ-

лений о *Бодхисаттвах*. Только знал ли об этом сам *Гуаттама*? Знал ли он, что является мыслеобразом просветленного духовного существа, посещающего не только этот, но и другие миры? Взглянув на *Гуаттаму* еще раз, Евгений понял, что, скорее всего, *Гуаттама* не знал никакого *Будды*, о котором сразу начинают думать в мире людей. По крайней мере, он не подавал вида, что ему что-либо известно о *Будде* или о его учении. В какой-то момент из-за этих размышлений сновидение почти оборвалось, и *Гуаттама* куда-то запропастился. Однако Евгению, то есть, конечно же, *Пурусинху*, нужно было следовать дальше.

Чтобы проверить отвратительный способ осуществления платежей, придуманный владыкой *Нишакти*, *Пурусинх* выдавил в ладонь *Джананутфы* с целую пригоршню букашек. Более чудовищные товарно-денежные отношения было сложно себе представить. Жители *Нагафасинха* распространяли паразитов, которые высасывали их кровь, которые медленно их отравляли и убивали. Между тем, обитатели города продолжали верить в свою исключительную, высшую свободу, находясь в безнадежной зависимости от личинок темного мага — от этих букашек-паразитов, которые были подлинными хозяевами их жизни.

Вновь показавшись из-за угла, *Джананутфа* и *Пурусинх* пересекли площадь и напрямиком направились к воротам. Охранники глядели на них с подозрением, по-

ка *Пурусинх* не расплатился за вход, положив увесистую лапу на ослепительный многогранный кристалл, который в действительности оказался никаким не кристаллом, а гигантским коконом *бакши-матхи*, плотно обтянутым паутиной. Войдя во внутренний город, ягуароподобный *Пурусинх* затерялся в толпе полулюдинов, едва успевая следить за спиной шедшего впереди *Джананутры*.

Когда-то внутренний город завораживал своей величественной тишиной, в которой среди цветников и древних храмов медитировали изваяния богов, но сейчас почти ничего не напоминало о былых временах. Вокруг звучали возбуждающие звуки, соблазнительные шепоты, иступленные оханья. В некоторых местах раздавалось щелканье плеток — барышни, обнаженные по пояс, вели на цепях невольников, которые должны были завоевать освобождение на турнирах и, если повезет, выиграть главный приз — титул *Совершенство-свободного Вишвана*. Ласкательные игры напоминали гладиаторские бои, с той, правда, разницей, что вместо кровавых ристалищ с разными видами оружия здесь соревновались в эротических танцах и во всякого рода извращениях, которые воспринимались горожанами как неотъемлемый признак свободного общества.

Миновав колонны и прозрачные витражи двухэтажной арены, где под овации публики оглашали имена знаменитостей и звезд Ласкательных игр, царь *Джа-*

напутра повернул к зданию, в котором раньше располагалось святилище хранителей *Майятустра-дхьяны*. Сейчас на ступенях у подножия храма извивались полюбнаженные жрицы любви — завлекавшие посетителей гарпии, чешуйчатые медузы со змеиными языками, молодые путаны с крыльями бабочек, женщины-кошки с бирюзовыми глазами, прозрачные, словно воск, красотки с улитками на головах и оранжевыми щупальцами, растущими из груди. Однако шокировал не столько их вид, не столько их разнузданное поведение, а то, что все это просачивалось из мира людей, потому что все это давно существовало в той виртуальной реальности, к которой было подключено сознание каждого человека.

Здесь, во сне, становилось особенно заметно, что сверхъестественное уже не воспринималось человеком как нечто сверхъестественное. Более того, даже грань между естественным и противоестественным была давно стерта в человеческом сознании. Там, в мире людей, мы собственноручно творили сверхъестественное каждый день. Человек, сам того не осознавая, уже сделался сверхчеловеком — сверхъестественным существом, творцом новой, одному ему покорной действительности. При этом оказалось, что для обретения сверхспособностей, для передачи изображений и звуков на расстоянии, для создания безупречных красочных вселенных вовсе не нужны были некие особые дарования, не

нужны были никакие сверхразумные существа. Мир людей давно стал миром демиургов, но демиурги эти оказались еще малодушнее, чем прежний человек. И даже совершенно бездушными оказались те демиурги! Они могли творить больше, но от этого они лишь еще больше не ведали, что творят.

— Под храмом есть подземный ход, ведущий прямо к тронному залу, о нем знают только члены царской семьи, — обрисовал ситуацию *Джананутфа*. — Пройдя через него, мы застигнем темного мага врасплох.

— Неплохая мысль, — одобрил его предложение *Пурусинх*. — Никогда бы не подумал, что скажу такое о посещении борделя.

Так ягуароподобный первопредок *Раджхаттов* оказался вместе с царем *Джананутфой* в самом злачном заведении внутреннего города. Обходя стороной бьющиеся в экстазе тела, не обращая внимания на посетителей, вдыхавших одурманивающие смеси, они спустились в подземную крипту, где располагались игровые комнаты и ложи для свиданий.

— Почему они делают это? — недоумевал *Джананутфа*. — Зачем разрушают самих себя, приближая и без того такую близкую смерть? Они называют себя *совершенносвободными*, но разве кто-то из них свободен от смерти?

— Взгляни, как они заняты, у них нет свободного времени, чтобы подумать об этом, — рассмеялся в от-

вет *Пурусинх*, обводя свирепой лапой обнаженные тела жриц и выпивающих полулюдинов в маскарадных костюмах. — Одни свободны от одежды, другие — от самих себя. Ведь после смерти ничего нет, а раз так — благодетель и порок, добро и зло, правда и обман не имеют при жизни никакого значения, никакой власти над ними. Только свобода действий, лишь *Свабуджа Вишвана* властвует над всем! Так *думают* они, полагая, что так думают *они*.

Царь *Джананутра*, разумеется, знал, что мыслями жителей *Нагафасинха* управляли извне, что отмена прежних запретов и показное свободомыслие, которым гордились обитатели города, сопровождалось введением ограничений и запретов иного рода. Между тем, существа все так же находились во власти потусторонних сил. Даже если силы эти провозглашали свободу от всего потустороннего и посюстороннего.

— Мысли смертных зависят от воли властителей дум, — меланхолично размышлял изгнанный царь. — Раньше за них думал владыко *Майятустра*, теперь за них думает темный маг *Нишакти*. Вероятно, оживший первопредок *Пурусинх* будет следующим.. Разве не ты управляешь моими помыслами в последнее время?

— И у властителей дум есть свои властители, *Джананутра*. Наши тела подобны глиняным сосудам с водой. Они создают видимость, что у каждого есть свои мысли, но мысли — словно вода, которая переливается

из одного сосуда в другой. Подобно воде, наши мысли окрашиваются в различные цвета, в них растворяются самые разные вкусы.

Пурусинх подхватил бокал вина у женщины-кошки с красивыми лаймовыми глазами, которая вышла им навстречу, покачивая под вуалью высоким бюстом. Коснувшись щеки *Джананутры*, она положила свою ладонь на шерстистую грудь *Пурусинха*.

— Виноградная лоза, впитавшая в себя весенние дожди, превратилась в это вино, — продолжал ягуар, — а всего одна капля яда превращает прекрасное вино в смертельный напиток. В то же время, мельчайшей толики яда бывает достаточно, чтобы сделать из обычной воды исцеляющую микстуру. Помимо воли существ их мысли окрашиваются в преобладающие вокруг них краски. Мысли — как вода, вкус которой становится источником жизни, вдохновения, исцеления, чувственных наслаждений и смерти, хотя сама по себе вода не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха.

Опустив глаза, ягуар легкими круговыми движениями поболтал вино в бокале — и оно превратилось в ядовито-зеленую бурлящую жидкость, потом разболтал ее в обратную сторону — и жидкость стала прозрачной водой. Вернув бокал, он продолжил свой путь, оставив за широкой спиной вмиг отрезвешую полукошку.

В самом дальнем углу катакомб царь *Джананутра* остановился у серой стены, над которой смыкался те-

нистый свод крипты. На полу лежал массивный блок, напоминающий чем-то ступень или могильную плиту. Казалось, он был вмонтирован в стену так, что без него скругленные своды и потолок крипты должны были обрушиться. Но тяжелая плита со скрежетом отъехала, как только царь *Джананурта*, что-то нащупав, приложил обе руки к каменной кладке. Под плитой оказалась очень узкая, пыльная лестница, спустившись по которой изгнанный царь вместе с седым ягуаром проникли в потайной лаз, проложенный под внутренним городом.

Джананурта с силой надавил на рычаг, приводя верхний блок в исходное положение. По-видимому, он был рад оказаться в этом мрачном подземелье:

— Благодаря этому ходу мне удалось бежать от мятежников-головорезов. Не думал, что когда-нибудь снова воспользуюсь им!

— Если бы *Парамаджана* тогда остался, наверное, все было бы иначе, и ты, *Джананурта*, ты бы тоже был другим! Ты знаешь, я ведь отчетливо видел, видел в том сне, как ты родился, — вспоминал *Пурусинх* в темноте. — А ты когда-нибудь...

— Когда-нибудь — что?

Евгений почему-то боялся задать этот вопрос, но все же он набрался смелости и спросил:

— Ты когда-нибудь видел во сне мир людей? Не мечтал туда попасть?

— А это возможно?

— Ну, у меня же как-то получилось здесь очутиться.

— Нет, но я бы очень хотел, — задумчиво ответил *Джананутра*. — Однако мои возможности, как ты заметил, ограничены. Мне трудно представить даже еще одного человека. Лица людей так сложны, в подлунном мире они крайне редко встречаются в первозданном виде. При этом потребовалось бы допустить, что где-то могут жить тысячи совершенно разных людей!

— Тысячи, помноженные на тысячи тысяч.

Джананутра, судя по всему, попытался это представить, но у него, в самом деле, ничего не получалось. Они продолжали идти, слыша в крошечной тьме только шаги друг друга.

— А как это происходит? Ты просто засыпаешь и видишь сон?

— Не совсем, — возразил Евгений, — это ближе к глубокой медитации внутри сновидения. Но к этому примешивается что-то еще, как будто сон этот вижу не только я, и не только я в нем медитую. Понимаешь?

— Кажется, начинаю, — ответил *Джананутра*. — В твои мысли тоже добавляются чьи-то краски?

— Вот именно, и нескольких случайных мазков тех красок, что воспринимаются нами как наши мысли и чувства, еще не достаточно, чтобы обозреть все полотно целиком. Мы можем угадать в них очертания тех

или иных предметов, но подлинный замысел творца оставался бы для нас еще неизвестным.

— Как же тогда понять подлинный замысел, ведь и мысли того творца могут быть окрашены не им? И существует ли сам *Всевышний* как трансцендентный творец или *Вишварупа*, существует ли высший замысел в этом вселенском круговороте мыслей, которые всегда не наши и не наши, которые никогда не принадлежат полностью *джива-саттвам*?

— Пойми одно — мысли творца и его краски суть одно и то же, *Джананутра*. Не было бы красок без творца, и не было бы ни одного творца без красок. Мы приходим и уходим в любой из этих миров, ничего в них не имея, и даже собственного тела не имеем мы, когда рождаемся. Все, что мы обретаем и теряем, создается не только нами и не только для нас. Вот почему сотворенные сущности, вставшие на путь отрицания *Высшего*, отнюдь не творцу уподобляются, но вору. Таким образом демонические сущности присваивают себе богатство и славу того *Творца*, того *Всевышнего*, того *Бхагавана*, о котором древние изрекли *тат-экам-сатья-аси*. Да, царь *Джананутра*, с наступлением эпохи великого затмения многие краски померкли. Многие, очень многие души и мысли присвоены были бесконечноголовым *Сатанантой*.

— Наверху ты говорил, что в умах, охваченных учением *Свабуджи Вишваны*, отрицается не *Всевышний* творец, а жизнь после смерти.

— Так и есть, *Свабуджа Вишвана* позволяет верить или не верить в любого бога, именовать всевышним кого угодно и что угодно, ибо всю Вселенную вознамерился похитить *Калиманас*. Но даже великому мечтателю *Свабудже* оказалось не по силам присвоить себе мысль о загробной жизни. В таком случае тысячи неуместных вопросов начнут задавать *джива-саттвы*.

— Так она существует?

По всему подземелью прокатился хохот *Пурусинха*.

— Ты смеешься над моим любопытством? — обиделся царь *Джананутра*.

Но *Пурусинх* продолжал хохотать:

— Нет, вовсе нет! Мне самому не терпится узнать.

— Если сам *Пурусинх*, хранитель Северных гор, не знает, что ожидает сущности по ту сторону смерти, стоит ли верить описаниям древних риши, которые свидетельствовали о вознесении праведных *джива-саттв* в занебесье и высшую *швета-локу*? Возможно, те мудрецы, построившие семь великих храмов, придумали эту веру в потустороннюю жизнь для поддержания оснований духовности, как придумывают поучительные сказки для детей. Тогда бы эту сказочную выдумку или небольшую ложь можно было бы принять,

ведь ты сам только что сказал, что мельчайшая толика яда становится для больного лекарственным средством.

— Первые мудрецы *аджана-локи* были людьми, не так ли? — припомнил ягуар мифы безлюдного мира. — Что ж, можно допустить, что эту мысль они принесли с собой из мира людей. Древние человеческие расы исто-во верили в загробную жизнь, порой, наперекор и в ущерб самой жизни. Правда, теперь наши ученые, со-всем как ваши в *Нагарасинхе*, доказывают полную не-лепость веры в потустороннее. Но всякая наука имеет свои ограничения, *Джананутра*.

Сломанные часы не доказывают, что остановилось движение и само время, прекращение деятельности тела не доказывает прекращение мысли, если она была свя-зана не только с этим телом. Поистине, есть числа, ко-торые никто не в состоянии записать до конца, ибо у них нет конца, поэтому *санкхья-ананта* их называют. Есть бесконечно малые *садхармы*, которые не пусты, но именно они образуют то, что воспринимается *саттва-ми* как пустота, называемая иначе *асанкхья-бинду*. По-добно тому, как в искусстве счета есть такие числа, о которых нельзя сказать, что они четны или нечетны, так же существуют и вопросы, на которые нельзя отве-тить «да» или «нет» без обмана.

— Тем не менее, без ответа на этот вопрос разлага-ются не только помыслы *джива-саттв*, умирают и раз-лагаются целые царства, ни одного жреца нельзя подго-

товить к богослужениям, ни одного совершенного воина. Именно страх перед смертью и неизбежное приближение ее толкают существ на низменные поступки, с другой стороны, мучительный страх перед загробной жизнью становится прибыльным делом для мошенников и жрецов. Мнимое бесстрашие перед смертью, о котором ныне разглагольствуют в *Нагафасинхе*, тоже не приводит царство к процветанию. Лишь к жестокости в сердцах и к принижению самой жизни приводит оно. Что бы обо всем этом ни говорили сотворенные сущности, вопрос о жизни после смерти для них очень важен.

Немного погодя *Джананутра* добавил:

— И вот, ты утверждаешь, что однозначный ответ на него невозможен. Таким образом, ты лишаешь его смысла и сам начинаешь подталкивать меня к отрицанию *Высшего*...

Царь *Джананутра* вновь заподозрил в *Пурусинхе* демоническую природу или, во всяком случае, нечто совершенно иррациональное, неподдающееся никакому объяснению. Видимо, такое недопонимание возникало не только между ними — между Евгением в облике чудовищного *Пурусинха* и его же собственным астральным двойником — такое недопонимание, по всей вероятности, возникало между любым разумным существом и той первопричиной, которую пыталось охватить его сознание.

— Твои слова звучат как обвинение, но я тебя не виню. Когда мы не можем что-то понять, мы всегда говорим, что в этом нет никакого смысла. Так мы воспринимаем неопределенность, убеждая себя в том, что за ней ничего не кроется, и смысл неопределенности, действительно, не в том, чтобы что-то от нас скрывать.

— В чем же он? В чем смысл вопросов, на которые нельзя ответить «да» или «нет»?

— В сохранении множества смыслов, которые от нас скрывает всякая определенность. Каждый способен к состраданию, ощущая, что его самого поджидает смерть, каждый может жить, когда у него есть то, ради чего стоит жить, и каждый будет бороться, когда у него есть то, чего следует опасаться. Но кто бы стал страдать, кто бы стал жить и бороться, удостоверившись в том, что *дживы* продолжают свое существование после смерти? Разве не в том смысл смерти, чтобы поддерживать сострадание и саму жизнь?

— Ты не перестаешь меня удивлять, первопредок. Просто поверить не могу — ты защищаешь смерть?! — возмутился царь *Джананутра*. — То, что причиняет больше всего страданий и горя, что является причиной зла и стольких несчастий! Не будь смерти, исчезла бы скорбь, кошмарные войны, преступные деяния потеряли бы всякий смысл. Не будь смерти, под четырьмя лунами вновь воцарилась бы светозарная эпоха.

— Нет, не смерть защищаю я, — тихо отвечал ему *Пурусинх*. — Каждая живая клеточка, каждое живое существо втайне мечтает о вечной жизни, о юности и любви. Что может быть прекраснее? О чем еще можно мечтать? Но думаешь ли ты, *Джананутра*, что бессмертие могло существовать, если бы не было смерти?

В голове *Джананутры* стал всплывать один вопрос за другим. Но он молчал, перебирая их, или, быть может, сам пытался найти на них ответы. *Пурусинх* тоже задумался. Он не мог согласиться с тем, что бессмертие устранило бы несправедливость, предотвратило бы все преступления и войны — нет, только не преступления *Сатананты!* Как бы парадоксально это ни звучало, но именно бессмертие *амри-таттв* и прочих потусторонних сущностей становилось причиной их гордыни, которая однажды подталкивала их на путь противоборства с истиной, именно мысль о вечной жизни внушала силам тьмы ощущение вседозволенности и безнаказанности.

Безусловно, смерть была слишком суровым испытанием для разумных существ, и даже несправедливым испытанием была она в демонических мирах, где зло временно торжествовало над добром. Но что могли знать *джиwa-саттвы* об испытании бессмертием? Возможно, еще более суровым и несправедливым показалось бы оно им... Так думал *Пурусинх*, сопровождая царя *Джананутру* в подземелье, и вскоре тонкая полоска света забрезжила впереди темного тоннеля.

Они оказались в крохотном помещении, которое сужалось кверху, словно колокол. Царь *Джананутра* поднялся по ступеням и, приложив ухо к стене, долго прислушивался, прежде чем отворить потайную дверь. Вернее, то была не дверь, а нижняя часть колонны, бесшумно отъехавшая в сторону и пропустившая лазутчиков в тронный зал. Всего мгновение потребовалось ягуару, чтобы определить, что ночная охрана, стоявшая где-то у парадного входа, не представляла пока никакой опасности. Орлоголовые стражи не заметили движение одной из отдаленных колонн и продолжали привычно дремать, стоя с открытыми глазами. Но то, что узрел *Пурусинх* перед собой в центре зала, заставило его ощетиниться и вздыбить шерсть на пятнистой шкуре.

Посреди изысканных чароитовых колонн тронного зала, на сверкающем полу с беломраморными узорами и мандалой, выложенной из дивных фиолетовых аметистов, восседало inferнальное многорукое исчадьё, которое *Джананутра* называл темным магом *Нишакти*. Тысячи крохотных глазок то открывались, то закрывались на его огромном волосатом брюхе, из которого росли двенадцать человеческих рук. Восемь из них — те, что были крупнее прочих, — упирались в пол и служили ногами, ибо передвигалось оно как паук. Остальные четыре руки находились в беспокойном движении, перебирая тонкими пальцами сеть опутавшей

тронный зал паутины. Но, внимательно присмотревшись к его лицу с признаками кожного заболевания, распространенного среди высших сановников *Нагафасинха*, ягуар обнаружил еще одну ручонку, торчавшую из двойного подбородка, при помощи которой оно кормило свое ротовое отверстие.

Зрелище было не из приятных, оно было настолько отвратительным, что находиться рядом с темным магом *Нишакти* ничуть не хотелось. *Пурусинх* почувствовал, что не хочет ни будить, ни говорить с ним, ни даже убивать его — так гадко оно выглядело. Однако существо само стало просыпаться, оно зевнуло, потянулось и приоткрыло пару больших черных зрачков, в которых тут же появились отражения изгнанного царя и ягуара. От неожиданности человекообразный паук прекратил плести паутину, четыре его передние руки повисли в воздухе, а на морщинистом лбу открылись еще десять дополнительных глаз.

— Ты? — зловеще зашевелил паук посиневшими губами. — Как ты посмел явиться ко мне, человек?

— Скажем так, у нас есть вопросы, требующие ответа, — с ходу вмешался *Пурусинх*.

— А ты еще кто такой, — зашипел *Нишакти*, — и почему Нам ничего о тебе не известно?

В тронный зал, гремя щитами и доспехами, вбежал отряд орлоголовых стражей. Они выстроились по кругу

и направили копья на лазутчиков, ожидая приказа *Нишакти*.

— Думаешь, твои букашки и паутина, которой ты опутал весь город, позволяют тебе знать все обо всех? — спросил *Джананутра* темного мага. — Ты, в самом деле, так думаешь?

— Не твоего ума дело, о чем я думаю, как трудятся мои дети, и для чего плетут они мою великую сеть. Вы мне надоели! — отмахнулся от них *Нишакти*. — Уничтожить обоих!

Но к тому времени сознание *Пурусинха* уже просочилось в ум каждого стражника. Вместо того, чтобы пронзить копьями изгнанного царя и ягуара, воины отступили к колоннам и замерли, как вкопанные.

— Что ж, общение с вами становится занимательным, — *Нишакти* оценивающе взглянул на *Пурусинха*. — Пожалуй, я выслушаю вас перед тем, как стереть в порошок своими собственными руками.

— Да, рук у тебя много — тринадцать, кажется? — пошутил ягуар, подставив лапу к своему подбородку и пошевелив длинными когтями, чтобы изобразить недоразвитую руку *Нишакти*. — А это, по-видимому, твой родовой знак?

Пурусинх имел в виду победоносный стяг, висевший над яхонтовым тронном династии *Раджхаттов*, над тем местом, куда сам повелитель *Нишакти* при всем желании никогда бы не смог поместиться. На черно-

синем поле штандарта была изображена паутина, наброшенная на весь подлунный мир, а также пучок из тринадцати громовых стрел и лежавший под ними причудливый ключ весьма внушительных размеров. Для достижения еще большего устрашения вокруг эмблемы располагались непонятные магические символы — мантра из тридцати двух не то букв, не то цифр, правильно прочесть которые мог только *Нишакти*, что явно тешило его самолюбие, внушало мысли о превосходстве и собственном величии. Вместе с тем, эта загадочная, недоступная другим мантра красноречиво свидетельствовала о колоссальном комплексе неполноценности, от которого так отчаянно пытался избавиться темный маг.

— Вам не вернуть *Нагарасинх* и царство *Раджхаттов*, если вы пришли за этим, — заявил *Нишакти*. — Разум и воля *Калиманаса* несокрушимы, вы цепляетесь за обломки прошлого, но мир четырех лун никогда не будет прежним после изменений, совершенных в нем во славу великого *Свабуджи*.

— Великий *Свабуджа* существует только в твоём воображении, — произнес *Джананутра*. — Никто не видел *Калиманаса*, от имени которого ты проповедуешь освобождение *саттв* и самой Вселенной, но лишь к еще большей безысходности и несвободе ведет оно их.

Обдумывая ответ, *Нишакти* пощупал двойной подбородок короткой ручонкой.

— Ты знаешь, а ты прав, человек, — нехотя признался он. — Но твой лоб слишком узок, чтобы понять подлинную силу воображения. Как часто приходилось мне слышать эти возгласы — мысли и образы нереальны, они не существуют в действительности. Но посмотри на меня, изгнанный царь. Я нахожусь в тронном зале — не ты, а я правитель *Нагарасинха*! Вся эта реальность была достигнута всего лишь благодаря моему воображению, презираемому тобой, потому что его у тебя нет. Да! Ведь это я отнял его у тебя, но я могу вернуть...

Нишакти приступил к мысленному чтению мантры — той самой, которую никто, кроме него, не знал. В зрачках темного мага стали пульсировать черные волны. Они расширились, искривляя окружающее пространство, захватывая разум *Джананутры*. От невероятного напряжения изгнанный царь сдавил виски.

— Что происходит со мной?! — простонал *Джананутра*, упав на колени.

— Он пытается подчинить твоё сознание воле *Калиманаса*, — отозвался ягуар. — Если он преуспеет, ты обратишься в безропотного адепта *Свабуджи*.

— Помоги мне, я теряю сознание, оно покидает меня! — из последних сил крикнул астральный двойник.

— Еще не время, — закатывая глаза, отвечал *Пурусинх* самому себе, ибо царь *Джананутра* уже лежал, пригвожденный к сердцевине шестиконечной мандалы,

аметистовые завитки которой тоже стали искривляться и темнеть.

Чтобы обратить *Джананутфу* в своего ученика, *Нишакти* решил прибегнуть к своей магии и показать все величие *Свабуджи Вишваны*. Он открыл потусторонний портал, внутрь которого стала просачиваться душа *Джананутфы*. Она оторвалась от тела, всколыхнулась и тут же устремилась в нависавшую над ней чернильную пустоту. Радужные чакры живой души потеряли чистые, открытые цвета — они втягивались в бесконечную черноту портала, где бесследно растворялись. Тело астрального двойника заполнялось субстанцией, которая снаружи выглядела как вязкий, инородный смок или как пустота. Растекаясь по нитевидным каналам, она изменяла линии жизни *Джананутфы*, трансформировала его сознание и память.

Но не только душа *Джананутфы* втягивалась в демонический портал *Нишакти* — туда, в бесконечную тьму, быстро влетела мерцающая частица света, которая не растворилась во тьме. То была частица сознания *Пурусинха*, которую ягуар испустил из своего темечка и направил движением когтистых лап вглубь портала. Он надеялся разыскать там даймона *Калиманаса*, чтобы сразиться с ним — пробить его грудную клетку, вырвать сердце и, таким образом, лишить *Нишакти* магической силы. Потусторонняя память подсказывала ягуару, что он всегда так поступал с демоническими

сущностями. В этом состояло его внутренне предназначение, он делал так бесчисленное количество раз, и еще ни один асур не избежал от него справедливого возмездия.

Он летел, летел, летел и летел. Трудно было определить, с какой скоростью перемещалась частица его сознания. Здесь, в крошечной тьме, терялось само ощущение времени и пространства. Он мог рассекать темноту быстрее скорости света, но, взглянув на себя со стороны, увидел бы лишь крохотный ореол, висевший в полной неподвижности внутри бесконечного объема. Быть может, целую вечность пролетел он в поисках *Калиманаса*, но ему все равно продолжало казаться, что он вошел в портал мгновение назад, что у него впереди еще много времени. Бессмертие... так вот, каким оно было — испытание бессмертием.

В необъятной пустоте, действительно, никого не было. Никого, кроме него самого, никакого *Калиманаса* он здесь не видел, поэтому разум начинали посещать очень странные мысли. Вероятно, ореол света, исходящий от него, и был той сущностью, которую надлежало уничтожить, растворить в черноте. Для чего еще он мог сюда ворваться? Как можно разыскать то, чего нет? Он стал сомневаться во всем, мысли его начинали постепенно запутываться в непроглядной тьме.

Темнота... он никогда не боялся ее, разве только в детстве. Да, только в детстве, когда в ней могли дви-

гаться чудища, которых никто больше не видел. Дети помнили эту темноту лучше взрослых, вовсе не чудища пугали их, а необъяснимая способность сознания порождать и оживлять этих чудищ. Вот что было страшно, и теперь он вновь испытал это чувство. Он потерялся в этой бесконечной темноте, и никогда бы не сумел найти из нее выход. Одиночество... раньше оно ему не мешало, наоборот, всегда помогало ему сосредоточиться. Но здесь — здесь все было не так... кто знает, а может, все так и должно быть на самом деле? Может быть, эта необъятная пустота и была той высшей, неуничтожимой реальностью, в которой можно обрести вечную свободу? Мудрость, покой, величие, бессмертие...

Он вдруг осознал учение *Свабуджы* изнутри, почувствовал потустороннюю реальность этой пустоты. Бесконечная Свобода Вселенной была так близка — оставалось лишь в ней раствориться. Так значит, *Свабуджа Вишвана* и была всей этой огромной пустотой, внутри которой он сейчас находился. Она пребывала вокруг него, она окружала его всюду! Разумеется, он бы никогда не нашел в ней *Калиманаса*! Если бы некая демоническая сущность обитала где-то здесь, внутри пустоты, — пустота не была бы пустой. Зато вся эта бесконечная пустота могла обитать внутри *Калиманаса*, она являлась его внутренней сущностью! Невероятно, но ягуар провел уже множество кальп внутри метафизиче-

ского тела *Калиманаса* — в пустотности его чрева, не имеющего никаких размеров, доступных для сравнения, ибо даже бесконечная вселенная без остатка бы здесь растворилась — настолько велик и необъятен был *Калиманас*.

Догадавшись об этой хитрости, светящийся *Пурусинх* принял позу лотоса, отчего его микроскопические лучи обрели очертания алмаза исчезающее малых размеров, и приступил к медитации на поверхность пустого пространства, точнее, на слово *тала-шуньята-пастара*, прозвучавшее у него в голове несколько раз. Поскольку ноль в нулевой степени давал единицу, поверхность этой бесконечной пустоты имела конечные координаты. Ее можно было нащупать изнутри, затем предстояло правильно угадать образ, который скрывался за ней снаружи. Только так *Калиманас* предстал бы перед ним в своем подлинном ментальном облике. Но задача эта оказалась не так проста, как можно заключить из краткого описания. Дело было не только в том, что некоторую чрезвычайно подвижную поверхность требовалось нащупать *сиддхическими* лучами изнутри, и не в том, что из бесчисленного множества вариантов требовалось выбрать один единственный образ, подходящий под параметры поверхности. Основная сложность состояла в том, что сразу, как только что-то начинало получаться, обязательно возникала область, где все лучи исчезали. То есть с одной стороны, действи-

тельно, имелись некие конечные координаты, а с другой — даже поверхность всей этой пустотности уходила куда-то в бесконечность. Все было плохо, очень плохо.

Если считать, что догадка о местопребывании *Калиманаса* пришла к *Пурусинху* довольно быстро, заняв многие-многие кальпы, то описать действительное время, затраченное его сознанием на исследование задачи по вычислению поверхности пустоты, было невозможно — такого слова не существовало ни в одном языке. Все равно что вычислять скрытые периоды трансцендентального числа. Такой поток времени больше всего подходил на поток *не-времени*, и чтобы находиться в нем, сохраняя сознание, требовались определенные ментальные усилия. Иногда медитация на поверхность пустоты приносила сплошные разочарования, иногда — доставляла непрерывное наслаждение, а иногда заставляла тосковать по жизни смертных существ, ибо даже самая обычная короткая жизнь *джива-саттв* начинала казаться в данной пустоте бесконечно разнообразной и притягательной.

Тем не менее, пока он медитировал, у него возникла насущная необходимость обозначить эти с каждым разом все более и более продолжительные промежутки факториальных кальп, так что он придумал для них подходящее название *акальпанта*. Из такого названия следовало, что промежутки эти были всегда конечными, при этом количество кальп от одной *акальпанты* до

другой можно было не указывать, а значит, не нужно было тратить дополнительные кальпы еще и на то, чтобы запомнить название очередного промежутка. Надо сказать, это понятие здорово упрощало вычисления, поэтому спустя *акальпанту-акальпант* его, наконец, озарило то самое — изумительно подходящее, единственно правильное, изящное решение, которое все объясняло!

О, нет, *Калиманас* не был обычной демонической сущностью, примкнувшей к воинству *Сатананты*, он и был самим *Сатанантой*! Вернее, он являлся одной из голов бесконечноголового змея. Вот почему неизбежно возникала область, где пропадали все лучи, — место сопряжения пустотности чрева *Калиманаса* с бесконечным множеством других голов *Сатананты*. Расположение их напоминало хаотичную фрактальную поверхность. Она извивалась, росла, охватывала недостижимые миры, многомерные подпространства. Каждая чешуйка на теле *Калиманаса* была испещрена миллиардами таких же змеиных головок, разрезающих пасти с ядовитыми клыками. За последнюю *акальпанту* светящееся сознание *Пурусинха* расширилось настолько, что сумело даже уловить запутанное движение нескольких соседних великих голов *Сатананты*. Вместе с безумными змеиными танцами *Калиманаса* они слагали фрагмент провала неведомой горловины, образующей основание такой головы, такой пасти, которая казалась больше самого пространства и повергала в полнейшее

ощепенение вселенского ужаса. А какой кошмар творился чуть дальше — об этом ни помыслить, ни вообразить было нельзя без потери сознания, хотя, наверное, именно так и должна была выглядеть тьма абсолютного зла.

Порядком подзабыв за время своей медитации про темного мага *Нишакти*, ягуароподобный *Пурусинх* понемногу стал приходить в себя. Он вспомнил, что где-то там — в неизвестном *где-и-когда* — лежал царь *Джананутра*, в чакры которого втекала *Свабуджа Вишвана*. Она изменяла его изнутри, превращала в темного мага. Но как можно было возвратиться в портал *Нишакти*, если сознание *Пурусинха* давным-давно заблудилось в этой бесконечной пустоте *Свабуджи*?

Впрочем, теперь портал *Нишакти* представлялся *Пурусинху* несколько иначе. Как выяснилось, это был не совсем портал, а живая метафизическая пора или мембрана на поверхности одной из чешуек *Калиманаса*. Стало быть, загадочная мантра о тридцати двух знаках кодировала открытие и закрытие этой поры. Восстановив в памяти изображение знаков, *Пурусинх* тотчас переместился к portalу. Теперь нужно было его открыть, то есть прочесть мантру, которую знал только *Нишакти*. Чтобы открывать и закрывать пору, знаки мантры должны были читаться в прямом и обратном порядке, кроме того, в них наверняка упоминалось имя самого *Калиманаса*. Обладая этими подсказками, найти

ключ к прочтению тридцати двух знаков и понять, каким образом портал открывался изнутри, не составило большого труда. Прочитав мантру в обратном порядке, *Пурусинх* раздвинул пору и... Что же он за ней увидал?

Ничего. Пустая, безжизненная земля простиралась у подножья высокой горы. На вершине встречались засыпанные песком руины дворцов и амфитеатров. Он узнавал их, но никакого города *Нагарасинха* уже не было. Он увидел один из возможных миров, из которого исчезли все краски, ему захотелось поскорее проснуться от этого сна, но у него никак не получалось. Перед ним переливались лишь черные волны потустороннего портала — поистине лучше бы он никогда не открывался! Постояв на обломках подлунного мира, ягуар осознал, что ему следует вернуться в ужас бесконечной пустоты, чтобы завершить начатое — необходимо было разрушить портал *Нишакти* и, по возможности, уничтожить самого *Калиманаса*.

Он снова вошел в черноту портала. В тот же миг глаза его отворились — сначала ему даже почудилось, что он, наконец, проснулся. Однако он все еще был в шкуре *Пурусинха* и стоял с вытянутыми вперед лапами. Его сознание, обогнув само время, вернулось к тому моменту, когда у него собственно и возникла мысль направить частицу своей души в демонический портал *Нишакти*, когда из темечка ягуара как бы сам собой испустился мерцающий ореол и, повинувшись движениям

когтистых лап, влетел вглубь портала. То, что произошло дальше, выглядело для *Пурусинха* как настоящее чудо. Едва частица света коснулась темного портала, как поверхность пустоты затрещала и покрылась рядами молний. Откуда ни возьмись, из нее вырвалась вспышка, осветившая тронный зал и лежавшего на полу *Джананутру*, затем раздался мощный хлопок — и портал *Нишакти* исчез, как будто его никогда и не было!

В качестве наблюдателя ягуар видел собственными глазами — портал был уничтожен мгновенно, как только ореол света коснулся его поверхности! Но в качестве непосредственной причины этого действия он знал, какое невообразимое количество времени в действительности для этого потребовалось.

— Что это было? — очнувшись, спросил *Джананутра*.

— Пустяки, ты на какое-то время потерял сознание, — ответил *Пурусинх*, помогая ему подняться.

— Как?! — *Нишакти* беспомощно растопырил четыре руки, отползая на восьми руках назад. — Как ты сокрушил его? Ты уничтожил пустоту великого *Свабуджи*!

Темный маг спрятал голову в волосатое брюхо, пытаясь понять, что же все-таки произошло.

— Есть одна *маха-мантра*... — намекнул *Пурусинх*.

— Такая магия мне неизвестна, — прошептал *Нишакти*, весь дрожа от страха.

— О, это очень древняя мантра!

— Произнеси же ее, — затаился темный маг с робкой надеждой.

— В конце концов, добро побеждает зло, — усмехнулся ягуар. — Но это тебе вряд ли поможет.

Поверженный *Нишакти* попытался отползти дальше. Он опасался, что теперь *Пурусинх* решит от него избавиться.

— Думаешь, это конец? — зашептал *Нишакти*. — Вы не понимаете, во что ввязались. Одно зло всегда сдерживает другое, еще большее зло. Зло неуничтожимо, и вскоре оно вновь накроет *Нагафасинх*.

— Про какое зло ты говоришь? — спросил у него *Джананутра*.

— Не одно — так другое, какая разница? Вы уже мертвецы, — злорадствовал *Нишакти*, — долго вы не протянете.

— Но уж точно, мы протянем дольше тебя, — зарычал ягуар, обнажив свои когти и приготовившись к прыжку.

— Нет, не убивайте меня! Молю тебя, царь *Джананутра*, пощади! — темный маг прикрыл безобразное лицо четырьмя руками. — Послушайте, мне кое-что известно! Никто больше не знает этой тайны.

— Что еще за тайна? — спросил *Пурусинх*, грозно глядя на ослабевшего *Нишакти*.

— Она касается тебя, царь *Джананутра*. Знаешь ли ты, отчего предали тебя приближенные твои, отчего сверхчеловеческий народ предал тебя после кончины *Наянадхары*, верховной жрицы *Нагарасинха*? Отчего весь этот город возвысил меня, темного мага, с восхищением приняв мою веру в *Свабуджу Вишвану*? Думаешь, лишь оттого, что ты родился человеком?

Царь *Джананутра* старался выглядеть безучастным, но слова *Нишакти* сильно его взволновали — они попали в самую болезненную точку, которая терзала *Джананутру*, винившего себя во всех горестях подлунного мира.

— Как бы я сам хотел родиться человеком! — неожиданно молвил *Нишакти*. — Быть подтверждением всех этих сказок о древних мудрецах... Но взгляни, на кого я похож — разве похож я на человека? Да во всем городе *Нагарасинхе* не было существа более отвратительного и более нечеловеческого, и все же было нечто объединяющее нас, нечто делающее нас похожими.

— Он просто пытается растянуть время, — раздраженно помотал пятнистой головой *Пурусинх*. — Если тебе есть что сказать, говори быстрее!

— Мы оба были обречены на одиночество, с самого рождения, — продолжал *Нишакти*. — Мне повезло больше, у меня хотя бы были мои милые дети, которые

становились пауками. А кто был у тебя, *Джананутра*? Верно — у тебя никого не было, и быть не могло. Ведь всякому известно, что людей не существует, а царевич в роду *Раджхаттов* не в счет, ибо он не оставит после себя потомства, династия прервалась — вот, почему они тебя предали! Но я знал, что кроме тебя, *Джананутра*, живет под светом *чатур-чандрах* еще один человек, юная дева — настоящая *ювати-джани*.

От этих слов *Джананутра* прикрыл глаза ладонью, продолжая, впрочем, сохранять хладнокровный вид.

— Где именно она живет? — спросил он с металлической интонацией в голосе.

— На острове Аирват...

— Ты слишком долго сидел в этом зале, *Нишакти*, и власть сделала тебя чересчур самонадеянным, — тем же серьезным тоном произнес *Джананутра*. — Каждый, кто когда-либо читал путеводные книги, прекрасно помнит о том, что там обитает чудовищная женщина-цветок, уничтожающая всех, кто попадает на остров. Так что, если тебе не терпится избавиться от меня, потрудись придумать другую уловку.

— Настаивать не стану, — оправдываясь, замахал руками *Нишакти*. — Многие *саттвы* пропали на том острове. Но, прошу, выслушай меня! Очень давно, когда я был так же молод, как ты, меня неудержимо влекло к премудрости древних. В те времена повелитель *Майя-тустра* правил родом *Раджхаттов*, а я задумал разы-

скать самую могущественную магию, с помощью которой можно было бы управлять самим *Майягустрой*. Тогда-то мне и попалась эта священная табличка — я выменял ее у одного торговца древностями. Письмена на ней не читались, что говорило в пользу ее подлинности. По той же причине никто не покупал тот камень, привезенный, как уверял торговец, с заколдованного острова Аирват. Такого рода магические предметы были моей страстью, поэтому с азартом игрока в кости приступил я к изучению буквиц, которые еще виднелись. Каково же было мое удивление, когда удалось прочесть, что камень сей был высечен по приказу самого риши *Девьянтара*.

— Риши *Девьянтара*? — скептически изогнул бровь *Джананутра*. — Последний мудрец, родившийся человеком?

— Во всем подлунном мире не найдете вы упоминаний о том, что у него была дочь! Он так любил свое дитя, так восторгался ее красотой, что однажды решил наделить ее даром вечной жизни. И он, обладая всеми силами *сиддхи*, отыскал такой способ. Однако, добившись своего, он не мог больше любоваться ею. Лишь раз в месяц под светом перламутровой луны смотрел он на отражение своей дочери в воде. На склоне лет повелел риши *Девьянтар* возвести для нее великолепный дворец на удаленном острове. Всех своих слуг он отпустил, а самых преданных взял на тот остров, чтобы

они и дети их детей оберегали его драгоценнейшее сокровище. Когда же пришло время ему умирать, вышел тот мудрец к своей дочери, попросил за все прощения и, посмотрев на нее в последний раз, тут же испустил дух.

— Хотелось бы взглянуть на эту табличку, — изъявил свое желание *Пурусинх*, полагая, что *Нишакти* мог что-то напутать в прочтении.

— Когда чары *Майягустры* рассеялись, а в роду *Раджхаттов* родился человек, я раздробил ее на куски и выбросил в море, — сознался темный маг. — Если бы верховная жрица *Наянадхара* узнала, какую тайну я от нее скрываю, не сносить бы мне было головы.

— Очень остроумно! — усмехнулся *Пурусинх*. — Так ты хочешь, чтобы мы поверили тебе на слово?

— Твои преступления возмутительны, *Нишакти!* После того, что ты натворил, тебя тоже следовало бы раздробить на части и выбросить в море. Но твое желание жить говорит о том, что у тебя еще есть то, ради чего тебе стоит жить, — размышлял царь *Джананутра*. — Судя по всему, ты, в самом деле, любишь своих детей.

После этих слов *Нишакти* смиренно сомкнул передние руки с готовностью исполнить любое решение *Джананутры*. Он был готов отправиться в темницу, заползти в самую отдаленную пещеру на окраинных землях, лишь бы ему и его детям была дарована жизнь.

— Ты не можешь быть человеком — это правда, как и то, что я не могу быть ягуаром. Но что мешает тебе поступать как человек — как поступали мудрецы древности? — вопрошал его *Джананутра*. — Не только жизнь, но и твое высокое положение можно было бы сохранить в таком случае.

— Все это время черная зависть вела меня к моей цели. Однако теперь я вижу — ты истинный царь, *Джананутра*! Не я, не жители *Нагарасинха* изгнали тебя из этого царства, но ты изгнал нас, ибо царство твое внутри твоего сердца и более нигде. Позволь, я дам тебе один совет, даже если это будут мои последние слова. Для тебя было бы лучше казнить темного мага *Нишакти*, ибо я ничем не заслужил пощады и не достоин твоего благородного поступка. Душа моя пала так низко, что в ней почти не осталось чести.

— Что ж, выбор за тобой, *Нишакти*, но исправление твоих темных дел было бы достаточным для тебя наказанием. Прежде всего, тебе придется избавить жителей *Нагарасинха* от своих личинок и паутины, приведи город в порядок, как было при моей незабвенной матушке *Наянадхаре*, приструни порочных, образумь дерзких, — пусть думают, что весь мир в одночасье перевернулся.

— Конечно, в подобных делах мне нет равных, — отозвался *Нишакти*. — Каким бы я ни был, мой опыт, несомненно, пригодится тебе, царь *Джананутра*.

— Да, пока не забыл, — добавил от себя *Пурусинх*, — твой стяг над тронном *Раджхаттов* совершенно не смотрится в обстановке этого зала... И найди, наконец, какое-нибудь средство от этих волдырей!

— Вы... вы меня оставляете? — *Нишакти* не мог поверить, что царь *Джананутфа* и ягуар так запросто возьмут и уйдут после всего того, что здесь произошло.

— Мы и так достаточно задержались, но можешь не беспокоиться, я буду присматривать за тобой, — заверил его ягуар, кивнув на орлоголовых стражей, которые с почестью провожали царя *Джананутфу*.

Так изгнанный царь *Джананутфа* при помощи первопрядка ягуаров обрел то, о чем даже не мечтал, но еще более печальная и неосуществимая мечта посетила его сердце, когда узнал он о тайне *Нишакти*, об острове *Аирват* и прекрасной дочери *Девьянтара*.

***

Они прогуливались под светом чудесных звезд среди золотых куполов и шпилей, наслаждаясь ночной свежестью на террасах и балконах, прилегающих к верхним ярусам царского дворца. Над кромкой задумчивых гор восходила огромная индиговая луна, она всплывала из самых глубоких глубин виноградно-синего моря, а чуть поодаль от нее медленно парила перла-

мутровая луна, сиявшая переливами жемчужного блеска.

— Движение этих лун, пожалуй, то единственное, что несколько не изменилось в *Нагарасинхе*. Когда-то я так любил бегать по этим террасам, представляя себя мореходом. Все мое детство пролетело за стенами дворца в изучении этикета, утонченных наук и искусств, которые ни разу мне негодились в зарослях усыпальниц *Раджхаттов*. Не знаю, поймешь ты меня или нет, но именно там, находясь в изгнании, я впервые ощутил себя свободным.

— Ты бы предпочел навсегда остаться в саду релаксации?

— Нет, просто хочу понять, почему здесь, на вершине *Нагарасинха*, обладая почти неограниченными возможностями, я вновь чувствую себя пленником, и почему в тех стесненных обстоятельствах, я мог ощущать себя свободным? Мир так велик, взгляни же, как он загадочен и необъятен! В нем найдется достаточно загадок даже для тебя, *Пурусинх*! Но что можно знать о нем, проживая всю жизнь в застенках царского дворца?

— Поистине, *Джананутра*, бывают времена, когда терема царей становятся их тюрьмами, а хижины убогих — обителью богов. Если нищий видит царя, а царь видит нищего, если грешник видит праведника, а праведник видит грешника, им всегда кажется, что один из

них свободнее другого, но из этой кажимости не всегда приходят к верному пониманию свободы.

— Ты говоришь об учении *Свабуджи Вишвань?*

— Не только. Существует множество лжеучений, превратно толкующих свободу. Одно из них особенно любят твердить просвещенные умы: «*Сколько в мире существ — столько и мнений*», — говорят они. — «*В этих вечных противоречиях и состоит подлинная сущность свободы*». Но просвещения существ еще недостаточно для их просветления, а просветления бывает недостаточно для их просвещения. Лжеучение о свободе, о котором я сказал, закрепощает сознание *джива-самтв*, не позволяя им двигаться дальше, не позволяя видеть дальше собственного носа. Отнюдь не существ высвобождает оно, а хаос, который просвещенные умы не способны ни упорядочить, ни остановить. Ведь рассмотрение свободы находится в зависимости от внешних и внутренних условий, другими словами, уже само понимание свободы никогда не бывает свободным.

Пурусинх протянул руку к лампаде, под стеклянным колпаком которой горел огонь. Такими лампадами в ночное время освещались балконы дворца *Раджхаттов* и крепостные стены внутреннего города.

— Вот огонь, он может гореть и угаснуть — таковы его начальные условия. Если бы он хотел гореть, когда горит, и хотел угаснуть, когда угасает, он бы ощущал себя свободным всю жизнь, которая длилась

бы всего одну ночь. Если бы он хотел угаснуть, продолжая гореть, и хотел гореть, продолжая угасать, всю жизнь ощущал бы он себя несвободным.

Положим теперь, что огонь этот обладает более развитым сознанием, тогда бы он знал, что он горит и гаснет не сам по себе — каждый вечер рука стража с факелом подливает масло и заставляет его гореть снова и снова. Тогда его простых желаний гореть или угаснуть было бы недостаточно для ощущения свободы. Он бы ощутил себя несвободным и стал задавать вопрос — к чему все это? И тогда, повторяя свой вопрос каждый раз, мысль его однажды передалась бы стражнику, который перестал бы подливать масло, чтобы освободить огонь от всякой деятельности. Воспользовавшись этим, темной ночью во дворец пробрался бы наемник и убил бы царя вместе со всей его семьей, а в город вошло бы вражеское войско, учинив страшные беды всем его обитателям.

Поэтому, если бы огонь обладал еще более высоким сознанием, у него возникло бы желание *гореть-и-гаснуть-снова-и-снова*, чтобы оберегать всех обитателей города. Тогда бы он стал чувствовать себя свободным, даже зная о том, что он горит и гаснет не по собственной воле.

— Так значит, все дело в сознании — достаточно осознать *ничто*, делающее тебя несвободным, как это гнетущее чувство несвободы пройдет само собой?

Джананутра мечтательно вздохнул, глядя на жемчужно-перламутровую луну. Догадаться, что гнетет его сердце, было совсем нетрудно. Прожить всю жизнь в одиночестве, не имея даже надежды увидеть в мире без людей хотя бы еще одного человека, и вдруг осознать, что существует легенда, в которую невозможно поверить, но в которой, тем не менее, утверждалось, что под светом четырех лун живет такой же, как он сам, человек. И не просто человек — прекрасная дева, обладающая всеми благоприятными знаками, отмеченными милостью риши *Девьянтарфа*. Несмотря на то, что это было сказание, высеченное в стародавние времена на каменной табличке, в него хотелось верить всем сердцем, всей душой!

— Порой стремления к осознанию недостаточно, ведь и способность видеть дальше собственного носа еще не делает тебя дальновидным, — отвечал ему *Пурусинх*. — Это как если бы огонь в лампаде осознал, что хочет *гореть-и-гаснуть-снова-и-снова*, а страж все равно перестал бы подливать масло по той причине, что сам дворец пуст, и нет в нем ни царя, ни его семьи.

— Мы не властны над всеми обстоятельствами нашей судьбы. Что остается делать *джива-саттвам* — ждать следующей жизни? Но в следующей жизни, если она когда-нибудь наступит, для них мало что изменится, впрочем, обстоятельства могут стать еще тяжелее.

— Подозреваю, тебе не терпится посетить остров Аирват, — размышлял вслух ягуар. — Ты не боишься, что на том острове мы не найдем никакой юной девы, а найдем лишь свою смерть?

— Нет-нет, нисколько, я готов отправиться в путь, каким бы опасным он ни был! — вдруг оживился *Джананутра*. — Вернее, может быть, и не готов, но разве можно подготовиться к тому, чего не знаешь?

— То-то и оно, *Джананутра*. Вот и я не знаю, как ты назовешь этот путь — величайшим своим счастьем или величайшим несчастьем. Бесспорно одно — иначе ты никогда не достигнешь освобождения...

Проведя когтистой лапой над огнем, пылающим в лампаде, *Пурусинх* его затушил, а потом вновь разжег. Он испытывал смешанные чувства, как будто боялся предстоящего путешествия. Но чего еще можно было бояться после того, как он побывал во чреве самого *Калиманаса*? Загадочным образом желание *Джананутры* немедленно отправиться на остров Аирват ущемляло свободу воли *Пурусинха*, а именно — чем более свободным становилось сознание царя *Джананутры*, тем менее свободно начинал чувствовать себя ягуар. Тайна темного мага *Нишакти* приоткрывала им нечто большее, чем картографический путь на остров Аирват, она оказалась местом перехода к более глубоким слоям сознания — в неизвестную *локу*, которая раньше была скрыта и от сознания Евгения, и от сознания *Джананутры*, и от по-

тустороннего *сиддхического* сознания, которое постоянно примешивалось к мыслям *Пурусинха*. И, пожалуй, самым таинственным в этой тайне оставалось то, почему это место перехода открылось им через темного мага *Нишакти*.

— Я повинуюсь тебе, царь *Джананутра*. Если до утра ты не передумаешь, мы отправимся на остров Аирват, какой бы непроницаемой завесой ни скрывалось от меня его загадочное предназначение.

— Возможно, несвобода так же необходима для существования свободы как смерть для существования бессмертия. Тогда бы мне следовало смиренно принять то положение, в котором я нахожусь. Изобрести для себя более тяжелые цепи и приковать себя к этому дворцу, — продолжал их полуночный разговор царь *Джананутра*. — Может быть, существуют такие уровни понимания свободы, достижение которых делает иллюзорным всякое благо. Допустим, если бы существовало сознание, способное заглянуть в будущее, и, как утверждал *Нишакти*, если бы одно зло всегда сдерживало другое, еще более страшное зло, то такому сознанию могло бы открыться, что в роду того царя некогда появится правитель, способный уничтожить все *дживасаттвы* этого мира. Тогда даже желание *гореть-и-гаснуть-снова-и-снова*, чтобы спасти жителей города, оказалось бы очередной ошибкой сознания, а проникновение наемника во дворец было бы меньшим злом.

Если ты считаешь, что удержание в несвободе бывает необходимо для достижения в будущем незримых целей, скрытых от замутненного сознания *джива-саттв*, так и скажи об этом.

— Мы запутываемся даже в настоящем, а за горизонтом текущих событий иллюзорного становится еще больше. Там все кажется иллюзорным, ибо любое настоящее там будет казаться прошлым, а любое прошлое будет казаться ненастоящим. Именно так мы воспринимаем сновидения, именно так мы начинаем воспринимать себя в прошлом. Такое восприятие возникает неслучайно, ведь будущее и есть результат жизнедеятельности сознания, но сознание это еще не пробуждено. Оно пробуждается, когда наступает его время, и существует в виде *джива-саттв*, высших и низших сущностей, в виде сознаний целых народов. Пробужденное сознание способно войти в непробужденное будущее, но и тогда не стоит торопиться с выводами о том, что возможно, а что невозможно, что иллюзорно, а что нет. Ведь от того царя мог бы родиться не только правитель, способный уничтожить все *джива-саттвы* этого мира, но и будущий царь, способный их спасти.

Один и тот же огонь, одно и то же стремление к свободе, может освещать путь во тьме и стать причиной вселенского пожара, вот почему существа с замутненным сознанием неизбежно путают эти вещи. Подумай об этом, царь *Джананутра*.

Остров Аурват. В садах Падмавати

Ранним утром, когда лазоревое небо стало растворяться в нежно-лавандовых разводах, а над грядой сероватых халцедоновых гор, напоминающих погруженную в море конскую гриву, блеснула оранжевая полоска солнечного диска, *Джананутра* вышел из покоев на высокий балкон, окаймленный затейливыми балюстрадами, многоуровневыми арками, козырьками, статуэтками крылатых апсар, словно это был не балкон, а пролетающая над городом колесница Арджуны. Внизу виднелись каменные шатры золотых башенок дворца *Раджхаттов*, где-то за ними вздымались яркие кисточки пальм, посаженные рядами на ровных зеленеющих газонах. Ниже располагались храмы внутреннего города, утопающие в роскоши виллы знатных горожан, а там,

за крепостной стеной, почти до самого побережья тянулись тенистые улочки *Нагарасинха*, залитые розовой дымкой восхода.

Царь *Джананутра* стоял со спокойным, открытым лицом и наблюдал за кораллово-красными облаками, струившимися над шафрановой фатой утренней зари. Вместо изношенных лохмотьев на нем сверкала расшитая золотом и бирюзой царская курта, волосы были скрыты под белоснежной чалмой, скрепленной жемчужной брошью. Он преобразился за одну ночь и внешне, и внутренне — ему предстояло побывать на острове, откуда никто не возвращался, ни герои древности, ни великие полководцы, ни могущественные цари, мечтавшие во что бы то ни стало присоединить его к своим владениям. Вспоминая мрачные легенды об острове, *Джананутра* ожидал медитирующего *Пурусинха*, тело которого зависло в йогической осанке над балконом, а душа пребывала в иных мирах.

Если первопредок ягуаров в действительности был всего лишь спящим человеком, как об этом сказал сам *Пурусинх*, то, пока *Джананутра* спал, он мог проснуться и снова оказаться в мире людей. Тогда душа того человека — по имени *Йуджин*, кажется — могла никогда больше не вернуться в тело седовласого ягуара, не подававшее теперь никаких признаков жизни. Тот человек, как ни в чем не бывало, мог проснуться и заняться обычными делами, ничего не запомнив из сновидения,

которое снилось ему только что. Ведь *Джананутра* точно так же ничего не запомнил из своего сна, хотя этой ночью ему приснилось нечто необычайное, к чему он никак не мог подобрать слов.

Но вот глаза *Пурусинха* задвигались под веками, его живот стал втягиваться, производя дыхательные упражнения, после которых тело ягуара перестало парить. Царь *Джананутра*, обрадованный его пробуждением или, точнее, *не-пробуждением*, поприветствовал первопрядка поклоном.

— Мои поклоны тебе, прославленный вождь *Пурусинх*, — произнес *Джананутра*.

— И ты будь в здравии, царь *Джананутра!* — отвечал *Пурусинх*, открывая глаза, горевшие янтарным блеском. — Что-то подсказывает мне, что ты не передумал посетить *Аирват-двину*.

— Если остров настолько смертоносен, как об этом говорят, нам потребуется оружие, чтобы сражаться. Быть может, следует снарядить целый корабль с лучшими воинами, — предложил царь *Джананутра*.

— Нам бы мог пригодиться нефритовый лук, но кентавр *Фридонисиус* унес его с собой, когда проходил через ворота *Майяустры*. Лучшие воины нам бы тоже не помешали, но сколько же дней будет плыть корабль до острова? — полюбопытствовал *Пурусинх*.

— Полтора месяца, может, месяц при попутном ветре.

— Полтора месяца... — вздохнул *Пурусинх*. — Должен тебе признаться, сил моих недостаточно, чтобы так долго поддерживать жизнь в этом теле, я уже был пару раз на волосок от пробуждения, и я знаю, что чары этого сна скоро покинут меня окончательно. Нам нужно торопиться, поэтому мы отправляемся налетке.

Поднявшись, ягуар подошел к мраморным перилам балкона, за которыми лежал утренний *Нагарасинх*. Он не был уверен в том, что сумеет преодолеть расстояние до острова, перемещаясь прыжками по воздуху с царем *Джананутрой*. Особенно, если учесть, что он мог пробудиться, находясь прямо над поверхностью океана. В сновидениях вообще было бессмысленно что-либо планировать, в них нельзя быть уверенным даже в простых мелочах. Однако ягуар несколько не сомневался, что это затруднение разрешится, стоит только сделать первый шаг или, точнее, прыжок в неизведанное.

— Дай мне твою руку, царь *Джананутра!* — произнес *Пурусинх*, поднявшись на резные балюстрады. — Впереди нас ждет то, чего нельзя миновать, так давай проживем этот день не напрасно.

Они встали на самый край балкона, *Пурусинх* нащупал одной ногой восходящую от земли волну и упал на нее, совершая вместе с астральным двойником затяжной прыжок. Они пролетели над цветущим парком, после чего ягуар вновь оттолкнулся от упругих потоков *сиддхической* энергии, и они взмыли над внутренним го-

родом, разглядывая древние храмы *Нагарасинха*, изысканные дома, ротонды, площади, на которых суетились обитатели города. Царь *Джананутра* разглядывал с высоты участников недавнего карнавала. Они вели себя довольно странно — некоторые дамы выбегали на улицу нагишом, а кто-то впопыхах натягивал на себя одежду.

— Что-то не так! — крикнул в ухо ягуару *Джананутра*. — Они чем-то напуганы!

Приземлившись неподалеку от ворот внутреннего города, *Пурусинх* тоже заметил, что вокруг творилось что-то неладное. Праздные гуляки бежали прочь от игорных заведений и ночных притонов. Из ростовщических домов, причитая и охая, бежали богатеи-сановники, побросав ручные повозки с драгоценностями и наложницами. Впрочем, это выходило у них весьма забавно, они не могли бежать — они просто переваливались с ноги на ногу, топчась на месте и едва волоча ожиревшие кенгуриные хвосты. Один из вельмож повалился прямо на дорогу, его тело со следами искусственных вмешательств, подчеркивающих важный статус, стало стремительно набухать и превращаться в пузырь. Он шлепал губами, раздувал щеки, беспомощно дрыгал ногами и руками, совсем как жук, перевернутый на спину, пока не лопнул, забрызгав всю мостовую липкой слизью, в которой так же беспомощно продолжали барахтаться личинки *Нишакти*.

— Слишком много *бакши-бакши*, — обрисовал плачевную картину некто стоящий рядом.

Голос показался знакомым, оглянувшись, *Пурусинх* узнал в говорящем просветленного *Гуаттама*. На этот раз на нем не было ни клобука верховного жреца, ни карнавального костюма с колесом дхармы, зато над плечами у него двигались крылья браминского грифа, которые в прошлую их встречу были скрыты под мантией.

— Верноправые последователи *Свабуджи Вишваны* придерживаются правила «Если ты кому-то должен — займи еще и дай в долг другому». Их тела не могут существовать без ежедневного пополнения *бакши-бакши*, — разъяснил случившееся *Гуаттама*. — Весь *Нагара-синх* жил в долг у правителя *Нишакти*, но сегодня ночью все *бакши-матхи* исчезли, стражи тайного корпуса разыскивают сводников и торговцев дурманом. В городе поползли слухи, что во дворец вернулся изгнанный царь.

После этих слов *Гуаттама* перевел зоркий взгляд на *Джананутру*, которого теперь было бессмысленно выдавать за отбившегося от каравана погонщика верблюдов.

— Прости меня, я не хотел тебя обманывать, — сказал в свое оправдание *Пурусинх*, ничуть не сомневаясь в том, что *Гуаттама* и так обо всем догадался. — Это была предосторожность, чтобы никто нас не заподозрил.

— Разумеется, если бы эти существа никогда не обманывали, они были бы уязвимы, как дети, — кивнул

ему гриф. — Будучи зависимы от материального мира, мы всегда используем уловки для достижения свободы, не так ли?

Мысль *Гуаттамы* содержала наблюдение, на которое Евгений по какой-то причине не обращал раньше внимания. Он даже не догадывался о наличии этой взаимосвязи *лжи* и *свободы*. Ведь самое возникновение лжи всякий раз было обусловлено стремлением к свободе. И не только лжи! Невольный обман, всякий грех и неправда были не иначе как другим именем свободы. И если кто-то становился свободнее, то это всегда подразумевало очередной обман, ибо нельзя было сделаться свободнее, не сделав кого-то другого менее свободным. Единственная возможность обрести хоть какую-то независимость от прочих *джива-саттв*, тех или иных обстоятельств состояла именно в том, чтобы научиться обманывать более искусно, чем это делали другие. И разве не по пути искусного обмана следовала сама жизнь, обращаясь для *джива-саттв* смертью?

— Будучи свободным от уловок, лжи и обмана, говоря только правду и ничего, кроме правды, нельзя быть свободным? — изумился ягуар. — Получается, что если никого никогда не обманывать, твоей открытостью будут пользоваться другие?

— Да, но всегда существует способ обойти предписанную последовательность событий, если знать, что

все это — ненастоящее. Мир, который требует обмана, не может быть реальным.

Просветленный *Гуаттама* указал на камни, которыми была выложена мостовая внутреннего города:

— Бросить камень легче, чем поднять, обработать и уложить в ровную дорогу. Кто считает свободой то, что легче всего, никогда не возьмется поднимать и укладывать камни. Он будет бросать их и спотыкаться, пока не упадет. Не выполняя тяжелой работы, он разучится созидать. Разучившись созидать, существа перестают быть творцами, и тогда они сами становятся тяжестью — как тот лопнувший сановник, как весь этот заблудший город.

Рассуждения грифа пришлось по душе ягуару, и между ними завязался разговор:

— Поднимая и укладывая камни, была построена эта дорога, которая теперь облегчает путь прохожим, и этот город, облегчающий жизнь его обитателям. Но вот проходит время, и дорога становится негодной, а в городе начинают править самозванцы, делающие жизнь в нем невыносимой. То, что было тяжелее, делает жизнь легче, а то, что было легче, делает ее тяжелее. Время изменяет значения наших действий и бездействий, так, может быть, в нем причина обмана?

— Всех этих иллюзий первопричина в сознании. И всякая дорога, проложенная другими, лишь временно облегчает путь, она не ведет вас к освобождению, — гриф тронул пальцем гладкие перышки на своем виске.

— Ваше сознание заставляет вас полагать, что мир реален. От сознания ничего не утаишь, оно знает вас лучше, чем вы сами. Оно наделяет вещи иллюзорным смыслом, который меняется, причиняя *саттвам* страдания. Оно создает образ времени, в котором вы живете, поскольку с ним и через него оно находит свое обоснование. Так утверждается самосознание — высшая иллюзия всех иллюзий, эта *вишмайя* и есть первопричина всех заблуждений.

— А как же сознание *Всевышнего*? — подключился к разговору царь *Джананутра*, догоняя собеседников, которые неторопливо шли по дороге. — Оно тоже иллюзия всех иллюзий?

— Какое бы сознание вы ни рассматривали, самоотождествление с ним уже есть отделение, где отделение, там возникает ограничение, где ограничение, там возникает несвобода, где несвобода, там возникает ложь. Как бы мог *Всевышний* или *Бхагаван*, как вы *Его* называете, пребывать в состоянии, освобожденном от самомнения и всего ложного, если бы *Он* не превозмог *Самого Себя* знанием об иллюзорности самосознания? Если вы стремитесь к освобождению, вы не можете цепляться за сознание, даже если это сознание *Всевышнего*.

Джананутра, сраженный безукоризненностью размышлений *Гуаттамы*, взглянул на седовласого ягуара, ожидая от него возражений или, скорее, ища хоть какой-то поддержки. Но первопредок шел, задумчиво

сложив руки за спиной, пытаюсь разгадать, чье лицо ему напоминала птичья голова *Гуаттамы*. Если бы *Джананутра* знал, что высокогорный гриф, шагающий рядом, был мыслеобразом *Бодхисаттвы*, то он бы, наверное, тоже помолчал, с благоговейным трепетом переживая эту встречу. Однако царь *Джананутра* ни о чем таком не догадывался, и это вносило в их разговор известную долю непринужденности.

— А ты что думаешь, *Пурусинх*? — нетерпеливо спросил *Джананутра* ягуара, оставив за спиной врата внутреннего города.

— Думаю, что это знание об иллюзорности проявленного сознания — одна из величайших, быть может, величайшая вершина, на которую можно подняться, пребывая в материальной вселенной. Поэтому слова твои, *Гуаттама*, так тяжелы. Они тяжелее любых камней, которыми можно было бы выложить дорогу. Но, когда мы размышляем об иллюзорности и реальности, мы все еще хотим ответить «да» или «нет» там, где нельзя ответить ни «да», ни «нет» без обмана, поскольку даже разрушение всех иллюзий может вполне оказаться иллюзией.

— Но ведь разрушение всех иллюзий означает истину! Разве нет? — спросил у него *Джананутра*. — Не хочешь же ты сказать, что иллюзорное столь же свойственно истине, освобождающей, как мы думаем, от всего ложного, но которая сама не является тем, за что мы ее принимаем, к чему так стремимся?

Они свернули на широкую улицу, ведущую к базарной площади *Нагарасинха*, где фыркали верблюды, гремели тележки грузчиков, перевозящих товары, раздавалась бойкая речь торговцев, открывающих лавки, что навело ягуара на мысль о фокусах *Карлика Маркуса*, который некогда был беззаботным *Читхой*, затем стал добрым великаном, не сумевшим добиться ответной любви *Винайя-деви*, затем стал змееголовым *Майятустрой*, а теперь снова был карликом, промышленляющим фокусами на базаре.

— Вчера на этой площади мы повстречали факира, который раньше был великим *сиддхом*. Всего одним ударом молота он заставил исчезнуть Скрижаль просветления, объявив о том, что никакого просветления никогда не было, — напомнил ему *Пурусинх*. — Ты не задумывался, царь *Джананутра*, в чем секрет того фокуса? Куда исчезла Скрижаль просветления?

— Вероятно, на том месте, куда он ее поставил, была выкопана яма, — пожал плечами *Джананутра*.

— Ты почти угадал, действительно, секрет любого фокуса в местопребывании, — усмехнулся довольный ягуар. — Чем необычнее местопребывание, тем сложнее разгадать фокус, и если крышку спрятать в молоточке, никто не догадается, что Скрижаль просветления может находиться внутри орудия ее разрушения. Как может разрушаемая вещь и разрушающее ее орудие оказаться одним и тем же? Что здесь иллюзия, а что —

реальность? Кто кого разрушает? Молот, который делает вид, что разбивает, или Скрижаль просветления, которая делает вид, что она исчезает?

— *Все-это-вместе-взятое* и есть иллюзия, придуманная фокусником. Но если знать, что одно вложено в другое так, чтобы никто не увидел содержимого, то *все-это-вместе-взятое* и будет реальностью, — ответил на свой же вопрос *Джананутра*.

— *Таттва-джняна-таттвам*, — подтвердил *Гуаттама*, замедлив шаг, чтобы царь *Джананутра* имел возможность его внимательно выслушать. — Таково знание истины, оно разрушает всякую иллюзию, даже если этой иллюзией является само знание. Конечного знания не существует, ибо знание бесконечно и безначально. Вы не можете найти истину, если вы ищите ее, и вы не находите ее, если прекращаете ваши поиски. Истина здесь всегда. Вы можете называть ее причиной или следствием движения, можете считать ее прекращением движения, но она не является ни тем, ни этим. Она не является вам, потому что ваши слова ложны, они иллюзорны, как иллюзорно ваше сознание. Прикасаясь к ней вашими словами и сознанием, вы разрушаете ее, но, что существует в сознании до и после вашего разрушения, и есть истина. Вы не можете понять это как-то иначе.

Пурусинх тоже остановился, слушая *Гуаттаму*. Ему вдруг показалось, что кентавр *Фридонисиус* в своем отрицании всего человеческого, которое должно

превзойти, хотел сказать то же самое. О том же самом говорили древние *Упанишад*ы и божественный колесничий *Кришна*, открывший йогинам полную экспансию вездесущего *Бхагавана*, и достигший нерожденного состояния *Шакьямуни Будда*, и Помазанник Божий, воскресший из мертвых *Иисус Христос*. Последующие отрицатели-нигилисты, атеисты, математики в своем желании как можно громче провозгласить непогрешимую истинность, описать не то существующие — не то несуществующие абстрактные объекты хотели бы сказать в своей все более разрушительной и все более беспощадной к сознанию проповеди то же самое. Они разрушали, чтобы создавать, и создавали, чтобы однажды быть разрушенными.

Как много было пройдено дорог, ведущих к отменному бездорожью, как много мыслей было перемыслено и пере-перемыслено существами, а они все так же продолжали пребывать в неведении — неведение лишь росло, его становилось только больше. Избавившись от божественного разума, они стали избавляться от человеческого, избавившись от деспотии всего человеческого, стали избавляться от жизни и смерти, от самого избавления стали избавляться они, и вот уже не осталось ничего такого, от чего еще можно было бы им избавиться. Уже ни во что по-настоящему не веря, осознав бессмысленность поисков избавления, пустыми и не своими глазами смотрели они на холодную, опустынев-

шую вселенную, на эти пустые множества своих теорий, на виртуальные миры, где можно быть кем угодно и делать что угодно, а избавления все не было, и даже избавления от избавления для них отнюдь не наступало.

И тогда *Пурусинх* сказал:

— За всяким материальным телом, за всяким сознанием, которое разрушается и которое само разрушается, скрывается *то*, что дополняет иллюзию, создаваемую сознанием, так что *все-это-вместе-взятое* оказывается не иллюзией и не реальностью по отдельности, но реальностью, способной казаться тем же самым, чем является иллюзия. Вот почему иллюзией может вполне оказаться разрушение всех иллюзий, ведь тогда и реальность не будет полной, утратив способность выглядеть как иллюзия. В такой неполной реальности пустота будет казаться истинной реальностью, но сама по себе пустота не является истиной, *Джананутра*. Это как если бы ты заглянул за крышку молоточка, которым пользуется фокусник, и обнаружил там пустое место. Однако лишь зная *то*, что туда можно спрятать, ты поймешь подлинный смысл пустоты.

— Для чего их вообще различать? Для чего существует различие истины и лжи, только для того, чтобы могло существовать иллюзорное сознание? — размышлял вслух *Джананутра*.

— Различение существует для *не*-различения, когда не отрицается ни истина, ни существование лжи. Впрочем, есть и другие виды *не*-различения, когда не признается ни истина, ни ложь, и тогда все становится *ложно-истинным*, когда истина признается без различения от лжи, и тогда все становится *истинно-ложным*. Без различения знание становится безразличным к незнанию, так оно перестает разрушать ложное и само становится лишь иллюзией знания, — отвечал ему *Пурсинх*.

Выслушав ягуара, *Гуаттама* издал сиплый смех, напоминающий свист хищной птицы. Он улыбнулся уголками клюва и сказал:

— Как сосредоточенно говорил я о том, что разделение приводит к ограничению, несвободе и лжи, так же сосредоточенно ты говоришь о различении, которое хотя и является разделением, но которое необходимо для познания и освобождения от лжи. Можно подумывать, мы говорим о несовместимых подходах, о разных *праманах*. Мне бы хотелось понять, так ли это. Ведь я отрицаю сознание, а ты не отрицаешь, вместе с тем, соглашаешься, что сознание не существует отдельно от лжи.

Для того, чтобы показать, как разные подходы могут оказаться одним и тем же, гриф *Гуаттама* привел такое сравнение:

— Подобным образом, когда говорят о *йуге*, под нею понимают промежуток времени. Но сама по себе *йуга* не имеет продолжительности, это лишь деление на солнечных часах, связующее циклы времени и, тем же самым, их разделяющее. И когда говорят о *йоге*, подразумевают единую связь между вещами и *не-вещами*. Но сама по себе единая связь отнюдь не связана с ними, поскольку она является тем же самым, что разделяет все вещи и *не-вещи*. Вот почему *йуга* или «соединение» означает *ви-йугу* — разъединяющее «различение», вот почему *йогин* или «соединяющий» означает *ви-йогин* — «разделяющий». Что бы ты сказал об этом, мой пятнистый друг?

В ответ ягуар учтиво поднес руки ко лбу и поклонился браминскому грифу.

— Да, мы по-разному применяем одни и те же слова к одному и тому же содержанию. И в отрицании, и в признании сознания может содержаться путь к заблуждению или путь к избавлению от заблуждений, — пригладил седую бороду *Пурусинх*.

Он решил прибегнуть к более точному языку чисел:

— В искусстве счета можно разделить пустоту, называемую иначе *асанкхья-бинду*, на некое множество вещей, принадлежащих сознанию, и получить ту же самую пустоту. Такое отрицание иллюзорных сущностей вполне допустимо. Мы можем сказать: «*Ничто из переносимого не истинно*». Однако, если сделать наобо-

рот и разделить множество вещей на пустоту, мы перейдем к противоречию. По действию, разделив такое непустое множество сознания на пустоту, мы должны получить то, чему принадлежало это множество, то есть должны получить сознание. А по условию мы делим все на пустоту и, следовательно, должны получить пустоту. Но обычно мы не говорим: «*Что-то одно или несколько из ничего не истинно*». Если в пустоте ничего нет, мы не можем в ней иметь что-то одно или несколько.

Царь *Джананутра* обдумал сказанное *Пурусинхом* и помотал головой в разные стороны:

— Как возможно столь невозможное? Какой смысл может содержаться в столь бессмысленном?

— Пустота не существует отдельно от сознания, она и есть *то*, что не истинно в ней самой и в нашем сознании. Самый образ пустоты принадлежит некоторому сознанию, которое в силу этого уже не может оказаться пустым множеством, мы лишь пользуемся иллюзией пустоты для обозначения отсутствия чего-либо, в том числе, для обозначения отсутствия истины. Без этой иллюзии мы бы не могли отличить истинное от ложного.

— Мы пользуемся тем, чего нет, для обозначения того, чего нет, — тихо проговорил *Джананутра*. — То, что не истинно, обозначает то, что неистинно, чтобы

находить истинное. Высшей иллюзией является отсутствие иллюзии... и поэтому...

— Поэтому возникает противоречие, — продолжил его слова *Пурусинх*.

— *Практи-йога*, она всегда возникает в вашем сознании, — повторил *Гуаттама*. — Без этой иллюзии не было бы движения, ибо движение и есть заполнение иллюзорной пустоты, а раз так, без нее не было бы и этой материальной вселенной, погруженной в обман.

Просветленный гриф и ягуар смолкли, почувствовав, что *Джананутра* приблизился к пониманию *того*, о чем шла речь. На его лице — в напряженном изгибе бровей и во взгляде, смотрящем сквозь само пространство — читалась готовность к озарению, которое вот-вот должно было наступить. Он прикрыл свои веки и приложил три пальца к переносице, чтобы сконцентрировать мысль в одну точку:

— То есть, когда мы делим на пустоту, мы должны получить отсутствие пустоты, но отсутствие пустоты означает, что при делении мы используем ложный делитель — ту пустоту, которой на самом деле не существует без сознания. Так что же это за сознание такое, которому принадлежит пустота и всякое движение, все сущее и *не-сущее*?

— Это и есть *Тот, Неименуемый*, не имеющий проявленных признаков *Бхагаван*, благодаря *Которому* существует всякое проявленное сознание. Поэтому и о

тебе, *Джананутра*, можно сказать «*ты есть Тот*», хотя, говоря обратное «*Тот и есть ты*», можно прийти к ложному пониманию сути. Кому открыто внутреннее знание, про того можно сказать, что он становится *Тем*, хотя неверно полагать обратное, будто бы *Тот* непосредственно является им. В иллюзорном всегда скрывается истинное и проявляется ложное, однако из этого отнюдь не следует, что иллюзорное свойственно истине, ибо свойства истины беспредельно тонки и невыразимы.

Так, размышляя о пустоте и сознании, о единении и различении, *Пурусинх*, *Джананутра* и *Гуаттама* вышли далеко за пределы города. Первопредок ягуаров, чудесным образом возникший из камня, человек в мире без людей и духовная сущность *Бодхисаттвы*, пребывающая с ними в теле просветленного грифа. Издали казалось даже, что по дороге, которая тончайшей нитью петляла меж зеленых холмов, шел кто-то один, а не трое. Кто-то один, а не трое, то останавливался, что-то находя на дороге, то продолжал идти дальше. Слово пульсирующая капля, этот одинокий путник перекачивался по обширному плоскогорью все ближе и ближе к бушующему морю, которое обрушивалось своими волнами на темные скалы.

Евгений вдруг вспомнил это место с отвесными утесами, на влажной поверхности которых виднелись вкрапления самоцветных камней. Он вспомнил эту дорогу, которая выводила к самому краю пропасти, — все

это он уже видел в давнишнем своем сновидении! Где-то там, на пригорке, стоял полуразрушенный, изъеденный временем столб — тот самый, который тысячи лет назад называли Скрижалю просветления. *Пурусинх* повернул голову и, действительно, разглядел на вершине пригорка священный камень. Он стал чуть ниже или, быть может, его затянуло высокой травой, но это был именно тот камень *Ашмара*, который никто не мог прочесть, и поэтому он научился читать себя сам. Разумеется, это происходило в другом сновидении, но теперь казалось, что сон этот никогда не прекращался.

Пурусинх, взобравшись на пригорок, вновь прикоснулся к угловатому камню, который когда-то с ним говорил. Ему захотелось еще раз услышать всепроникающий голос мудрого *йогина*. Но камень молчаливо глядел вдаль — туда, где море сливалось с небесами. Ведь некогда он был делением времени — *йугой*, разделявшей и соединявшей эпохи.

— Теперь я тебя читаю... я читаю тебя, *Ашмара*, — сказал камню ягуароподобный *Пурусинх*.

— Ты говоришь с камнями? — с некоторым сарказмом полюбопытствовал царь *Джананутра*, наблюдая за престарелым ягуаром.

— Обычно камни не нарушают обет молчания, и все же они, бывает, открывают нам то, о чем уж никто не может поведать. Когда-то по нему определяли переход от одного годового цикла к другому, от одной эпо-

хи к другой. Возможно, это прозвучит странно, но утро нового дня и начало каждой йуги древние риши связывали не с востоком, а с югом, потому что они пришли сюда со склонов Северных гор, где солнце восходит раз в год и только на юге, а дни и ночи делятся по полгода.

— Дни и ночи богов,— вспомнил *Джананутра*. — Именно так гласят предания.

Пурусинх обратился к просветленному грифу:

— Благодаря тебе, *Гуаттама*, многое прояснилось и стало понятно. Но здесь, у этого камня, мы должны с тобой расстаться. Дальше наш путь лежит еще южнее, на остров *Аирват*, с которого никто не возвращался.

— Если никто не возвращался с *Аирват-двинь*, то каким образом в город *Нагарасинх* попала табличка риши *Девьянтара*? — задал вопрос *Гуаттама*, предвидя удивление ягуара и царя *Джананутры*.

— Откуда тебе об этом известно? — расширил глаза *Джананутра*. — Ты был тем торговцем, который продал табличку темному магу?

Просветленный гриф невозмутимо опустил глаза. Он понимал, в каком смятении сейчас находится царь *Джананутра*, и решил рассказать все, что знал о риши *Девьянтаре* и его пророчествах.

— Мой отец был брамином острова *Аирват*, — стал рассказывать им *Гуаттама*. — По истечении семи тысяч и девятиста циклов после кончины *маха-риши* он отправил меня в город *Нагарасинх* вместе с посланием.

Так я сделался владельцем лавки, ожидая того, кто сумеет прочесть эти надписи. Такова была воля *махариши*. Он знал, что свет запредельной истины будет угасать в этом мире, и скоро все люди совершенно исчезнут из него. И тогда наступят нечестивые времена, *шамбда-раджах* будут править под четырьмя лунами — цари, которые являются таковыми лишь на словах. Однако риши *Девиантару* было также известно о том, что спустя восемь тысяч циклов в роду *Раджхаттов* появится человеческое дитя. Поэтому он приказал запечатлеть на том камне послание, которое вызвались оберегать брамины *Аирват-двинь*.

— Так почему ты не отнес послание верховной жрице *Нагарасинха*? Почему ты помог темному магу *Нишакти* осуществить задуманное? Разве не видишь, к каким последствиям это привело?

— Хранители *Аирват-двинь* никому не помогают — они только сопровождают предначертанное. Нам запрещено разглашать сокровенную тайну, какие бы предлоги для этого ни возникали.

— Даже ему? — *Пурусинх* взмахнул когтистой рукой на обескураженного наследника *Раджхаттов*. — Разве не о нем пророчествовал *махариши*, к чему такая секретность? Или у вас на примете есть кто-то еще?

Гриф вытянул шею, уголки его клюва стали жестче. Он с невероятным упрямством стал убеждать, что не

только последние события, но и события целой эпохи не могли развиваться иначе:

— Восемь тысяч циклов, должен заверить, это немалый срок. Пустыни покрылись лесами, великие реки потекли в обратном направлении. Древние города сравнились с землей, более сотни поколений сменилось за это время, — непреклонно перечислял *Гуаттама*. — Народы, едва владевшие членораздельной речью, достигали неслыханного могущества, воздвигали храмы, выкрадывали чужие святыни, насиловали тех, кто был прекраснее телом, выше разумом или душой. Низшие провозглашали себя высшими, порабощали другие расы, развязывали войны. Как сохранить, как можно уберечь от всего этого безумия хотя бы одну живую душу?

Расстегнув петлицы на царской курте, *Джананутра* отошел в сторону и сел на землю. Он обхватил свою голову руками, потому что не знал, не видел никакой возможности остановить этот кровавый водоворот событий, невольной частью которого являлся он сам. Ведь в нем самом обитали частицы всех тех бесчинствующих *джи́ва-самтв*. Он был связан с ними узами кровного родства. Если бы все его предки обладали высшими качествами, были добродетельны и честны, он бы не появился на свет: всех его прародителей давно бы уничтожили существа более беспощадные, более алчные и жестокие. Несомненно, все эти сущности могли плодиться и размножаться только посредством обмана,

корысти, насилия и злодеяний. Во всем подлунном мире не было и не могло быть ни одной совершенно чистой души, и уж тем более, не могла такая душа появиться в царской династии.

— Мир людей, он такой же, не правда ли? — сказал *Джананутра* первопредку ягуаров, отерев слезы на глазах. — Нет никаких праведных народов, нет никакой *швета-локи*.

Тяжело вздохнув, *Пурусинх* присел рядом с ним и обхватил за плечи пятнистой лапой.

— По правде говоря, *Джананутра*, мир людей еще хуже. Здесь, в подлунном мире, зло благороднее, оно не лишено чести и хотя бы способно признавать себя злом. В мире людей все сложнее, там самые кровожадные звери без чести и совести считаются людьми, имея лишь оболочку человека. Возможно, тот мир людей теперь правильней называть миром зверей, ибо там сейчас безраздельно правит зверь.

— Да, правит зверь, — по-стариковски согласился с ним *Гуаттама*. — Изредка я тоже вижу во сне мир людей, хотя и не могу припомнить детали.

— Пойдите-ка, и мне привиделся такой сон, — отозвался *Джананутра*. — Кругом двигалось так много непонятных картинок, человеческих тел, но это были не настоящее люди, а иллюзии, такие похожие на людей... иллюзии людей.

Царь *Джананутра*, просветленный гриф *Гуаттама* и *Пурусинх* непроизвольно переглянулись. Каждый из них воспринимал мир людей по-своему. Для одного — это был миф, придуманный мудрецами, для другого — очередная иллюзорная вселенная, для третьего — полусторонняя реальность, откуда в его сновидение вселялись мыслеобразы *джиwa-саттв*. Тем не менее, именно это их странным образом объединяло, здесь и сейчас. В этом не было ничего случайного, между ними происходило взаимодействие трех алхимических тинктур — оставалось лишь разгадать тайный смысл этой аллегории.

— Итак, вы твердо намерены посетить остров *Аирват*? Но ведь вы даже не знаете, где он находится, — задумчиво произнес *Гуаттама*.

— За южным морем, — возразил *Джананутра*.

— Верно, там находится темный треугольник, в котором пропало немало кораблей. — *Гуаттама* сделал паузу. — Ну, а дальше, дальше-то что? Если вы чудом спасетесь от заколдованных вод *Тамо-трики*, вы увидите поблизости десятки островов. Который из них *Аирват-двина*?

— Помоги нам, — попросил его *Джананутра*. — Назови свои условия, и даю тебе слово *Раджхаттов* — мы их исполним.

— Тайна должна оставаться тайной, — сказал в ответ *Гуаттама*, — даже если она тебе откроется.

Браминский гриф повернулся лицом к морю и расправил свои крылья, улавливая ими воздушные потоки, запрокинув голову и вкушая солоноватый вкус бриза. Наблюдая за *Гуаттамой*, разминающим крылья, *Пурусинх* не допускал даже мысли о том, что тот готовится к полету. Гриф был немолод, как и *Пурусинх*, но если ягуар в своем преклонном возрасте выглядел еще очень крепким, то *Гуаттама* имел весьма хрупкое телосложение. На ветру его раскачивало из стороны в сторону, он был настолько худым и костлявым, что походил на сухой стебель тростника. Брать *Гуаттаму* с собой на *Аирват-двину* было безумием, на которое *Пурусинх* не мог отважиться.

Похоже, настырный старик решил всем показать, на что он еще способен, и стал размахивать крыльями быстрее. Было большой удачей, что он при этом ни разу не упал, потому что малейший порыв ветра подбрасывал *Гуаттаму*, словно пушинку. Чтобы не обидеть грифа неосторожным словом, *Пурусинх* молчал, пытаясь сдержать улыбку. Казалось, через пару взмахов *Гуаттама* сам убедится, что он не способен взлететь, и тогда можно будет с ним все спокойно обсудить.

Но вот что удивительно, браминский гриф не собирался сдаваться, хлопки от его крыльев становились все увереннее. Каждым взмахом он как будто накачивал себя жизненной силой. После очередного всхлapyвания *Пурусинх* чуть вздрогнул, ему вдруг померещилось, буд-

то шея грифа обрела иной вид, а мышцы спины стали более рельефными. Даже окраска оперения у *Гуаттамы* сменилась, она стала гуще, налилась интенсивным блеском. Было очевидно, что в теле просветленной духовной сущности происходил некий омолаживающий метаболизм. Перед ягуаром и царем *Джананутрой* теперь стоял не просто помолодевший гриф-великан, в два-три раза выше прежнего, перед ними стояла уже совершенно другая личность!

— Хотел бы я знать, как это повторить, — пошутил ягуар. — Признаться, теперь я смотрю на тебя по-другому, с тобой мы легко преодолеем тысячи *йоджан* над южным морем! Если для тебя это так важно, мы не будем считать, что ты нам помогаешь.

— Представьте, что это ответное действие на ваше воздействие, — предложил им *Гуаттама*. — Вы не спрашиваете книгу, хочет она или нет, чтобы вы ее читали. Вы не спрашиваете паром на переправе, хочет он или нет плыть с вами. Вы берете книгу и читаете ее, вы отвязываете паром и добираетесь до другого берега. Если паром сломан или находится на другой стороне реки, если вы не понимаете суть книги или языка, которым она написана, то любые ваши мольбы о помощи ни к чему вас не приведут.

— Такой подход вполне устраивает, — согласился ягуар, глядя снизу вверх на преобразенного грифа. — Что ж, тогда в добрый путь! Если никто не возражает.

Пурусинх был чрезвычайно рад тому обстоятельству, что гриф *Гуаттама* сумел трансформировать силу *боддхи* в телесную оболочку. Если подумать, такая взаимосвязь существовала в памяти любого существа, ведь тот опыт, которым обладали *джива-саттвы*, возникал у них именно в ходе старения. Можно сказать, рост знаний и возраст существ были двумя обратно пропорциональными величинами. Нельзя исключить, что просветленные духовные сущности могли сбрасывать часть своего опыта таким образом, чтобы к ним возвращались телесные способности. Как воздухоплаватели сбрасывают балласт с воздушных кораблей, чтобы опять набрать высоту. Никакого движения времени вспять при этом не требовалось, просто время жизни, природная масса тел и мнимая масса ментальных способностей в некоторой системе уравнений оказывались эквивалентны друг другу.

Для ягуара на данный момент это означало, что ему не придется совершать длинные прыжки по воздуху, удерживая царя *Джананутфу* за руку. Теперь браминский гриф мог посадить *Джананутфу* себе на загривок, что было удобней, учитывая дальность перелета. Они завершили последние приготовления на кромке обрыва, под которым шипели и бросались на камни морские волны. *Пурусинх* нащупал ступнями восходящие *сиддхические* потоки и подпрыгнул ввысь. Гриф *Гуаттама*, за плечами которого расположился царь

Джанануптра, оттолкнулся птичьими лапами от скалы и сделал два полных взмаха огромными крыльями. Войдя в воздушную стихию, он издал оглушительный, режущий уши крик, отразившийся от самих облаков. Так браминский гриф приветствовал небеса и то, что над ними, а небеса приветствовали его и царя *Джанануптру*.

Они поднялись высоко, достаточно высоко, чтобы ощутить в затылке легкий холодок страха перед этой высотой, лежавшей под ними. На такую высоту, с которой синее море казалось еще синее и больше, чем обычно, и все же той высоты было недостаточно, чтобы увидеть его целиком. Поначалу им то и дело попадались внизу островки суши, голубые лагуны коралловых рифов. Иногда *Пурусинх* замечал под собой белые паруса торговых судов. Но через несколько часов полета все море стало равномерно темным. За изгибом туманного горизонта скрылся скалистый берег, от которого они оторвались навстречу высокому небу. А когда все облака рассеялись, всюду — куда ни посмотри — воцарилась одна и та же картина: темно-синее море под ногами и васильковые градиенты неба над головой.

— Однообразный пейзаж создает впечатление, что нам без разницы, куда мы движемся, — подлетев к *Гуаттаме*, поделился мыслями *Пурусинх*. — Мы надеемся стать мудрее в другом времени, в другом месте. Мы размышляем, куда для этого пойти, порой, не осозна-

вая, что в то время и в то место не ведет ни одной дороги.

Гриф повернул голову к летящему рядом *Пурусинху*:

— На *Аирват-двиту*, действительно, не ведет ни одной дороги, — сказал он ягуару. — Тот остров может находиться сразу во многих местах и в самых разных эпохах. Он может находиться даже в мире людей — такова его *сиддхическая* природа, таковым его задумывал риши *Девьянтар*.

— Но как может целый остров находиться сразу во многих местах? — обратился царь *Джананутра* к *Гуаттаме*.

— Так же, как одна и та же книга может находиться где угодно. В разное время одна и та же книга может быть прочитана различными сущностями, — взмахивая крыльями, объяснил гриф. — Важно не то, где и когда вы находитесь, а то, способны вы ее прочесть или нет.

Полет верхом на грифе к острову *Аирват* приводил *Джананутру* в неизъяснимое волнение:

— И все же мы туда летим! Мы летим на остров *Аирват*, который может находиться где угодно и когда угодно, — воскликнул он. — Как высоко мы забрались! Не зная, как далеко еще лететь, как высоко предстоит еще подняться! Нет ничего лучше этого ощущения свободы!

— Все сущее и *не-сущее* стремится к свободе, — улыбнулся ягуар, глядя на счастливого двойника. — Всякое движение обусловлено поиском свободы, будь то движение небесных светил, прорастание семени в саду, дуновение ветра или движение мысли *дживасаттв*. Все движется в направлении наибольшей свободы.

— Но, по словам *Гуаттамы*, — заметил *Джананутра*, — всякое движение есть заполнение иллюзорной пустоты.

— Вот именно, поэтому главный вопрос состоит не в том, как достичь освобождения, вся трудность в том, как определить, что твое освобождение не является лишь иллюзией свободы. Все даймоны *Сатананты*, самые отвязленные преступники тоже мечтают о свободе, поверь, *Джананутра*, ничто в мире не порождало столько страданий, ненависти и лжи, как стремление к свободе.

Царь *Джананутра* был не согласен с таким обобщением ягуара:

— Древние риши говорили о другом, они верили в освобождение путем аскезы и слияния с *Бхагаваном*, они достигали *джива-мукти* в совершенном равновесии, в обуздании гнева и страстей, в успокоении мысли, — крикнул он, прикрывая лицо ладонью от пронзительного ветра.

— Никто не может быть освобожденным от всего! Ибо даже ничто находится в зависимости от чего-то. Можно укрыться от всего мирского и достичь индивидуального освобождения. Не замечая, что оно достигается за счет погружения всех остальных *джива-саттв* в еще большую несвободу. Если в некотором состоянии ты свободен от одного, ты непременно зависишь в этом состоянии от чего-то другого.

К их разговору подключился *Гуаттама*:

— Вы не достигаете целостности ни в иллюзии, ни в высшей реальности, ни в пустоте, ни в движении, ни в освобождении. Когда вы смотрите на озеро, на пустыню, на горы, на вихорь, на небо, вы осознаете, что все это существует, что все это странным образом разделено так, что без одного не бывает другого. Лишь когда вы так осознаете, вы обнаруживаете отношение всего со всем и внутри себя. Только так обретается целостность *Трибхуваны* — того, что под вами, того, что с вами, и того, что над вами.

Обдумывая сказанное браминским грифом и ягуаром, *Джанануптра* ловил себя на мысли, что слова двух мистиков подталкивали разум к мыслительным преградам, которые никак не получалось обойти, к препятствиям, которые поистине были необходимы.

— Если даже индивидуальное освобождение не означает совершенной свободы, то что *должно* сделать для достижения свободы? Неужели невозможно пробу-

дить всех существ сразу? Неужели нет такого солнца, от лучей которого пробудились бы все существа, от которого пробудилась бы сама Вселенная?

Джананутра своим вопросом по-настоящему озадачил *Пурусинха*, даже гриф *Гуаттама* надолго ушел в себя, пытаясь отыскать ответ на его вопрос. Наконец, после долгого раздумья, *Пурусинх* нарушил молчание:

— Все сущности заточены в телесных оболочках, они как духовные миры, заключенные в свитках книг. Однако в сознании *джива-саттв* умещаются все образы окружающего их мира. Так же материальная вселенная и великое множество миров могут уместиться в сознании *Всевышнего* и достичь в *Нем* пробуждения.

— Так почему этого не происходит?

— В низших мирах сознание *Бхагавана* не может раскрывать *Себя* во всей полноте. Ведь и ноги нужны не для того, чтобы видеть, куда идешь, а для ходьбы. Чтобы видеть, куда идешь, нужны глаза, расположенные выше ног, но они — не предназначены для ходьбы. Поэтому в низших мирах даже солнце не пробуждает всех существ сразу, и когда на одной стороне океана только брезжит рассвет, на другой — уже наступает вечер. В этих мирах мы можем лишь побуждать существ к сокровенной мудрости в соответствии с предназначением каждого.

— В соответствии с предназначением каждого? — переспросил *Джананутра*. — Но редко кто понимает, в

чем его предназначение, в чем смысл жизни, и есть ли он в ней. В чем мое или, скажем, твое предназначение?

— Все стремится к свободе, в этом всеобщее предназначение существ, но пути достижения различны. Не все пути праведны, не все ведут к освобождению. Предназначение царя в том, чтобы даже в заточении дворца оставаться свободным от несправедливости и малодушия. Предназначение йогина в том, чтобы даже в заточении тела оставаться свободным от злобы. Даже в заточении безысходности можно обрести свободу от упадка духа, *Джананутра*. Так, если каждый будет следовать своему истинному предназначению, оковы несвободы ослабнут не только для отдельных существ — они ослабнут для всех *джива-саттв* этого мира.

До самых сумерек вели они эту беседу о предназначении и свободе, о просветлении и невежестве, а когда красное светило стало опускаться за кромку моря, *Пурусинх* ощутил приятное утомление, которое поразительно гармонировало с последними лучами солнца. Достигнув насыщения, он с благодарностью ловил эти лучи, в то время как на небосводе уже восходила невероятно притягательная индиговая луна. Таким был их первый день и первая ночь полета над южным морем к таинственному острову Аирват.

Весь следующий день они молчали, сосредоточив силы на том, чтобы преодолеть большую часть пути при дневном свете. К концу второго дня *Пурусинх* ощутил

тяжесть в ногах, хотя беспокойство вызывало не это. Под палящим солнцем его стала мучить нестерпимая жажда, с которой он ничего не мог поделать. Он то и дело поглядывал на *Джананутфу*, который тоже выглядел изможденным. Браминский гриф оказался единственным, кто был приспособлен к продолжительному перелету. Он держался лучше всех, хотя нес на себе дополнительную тяжесть. Это придавало силы и вселяло уверенность, что скоро на горизонте покажется остров Аирват. На утро третьего дня *Пурусинх* стал очень часто заглядывать вниз, надеясь повстречать хотя бы небольшой риф, чтобы отдохнуть и поохотиться на обитателей моря. От голода и жажды он был готов напасть на целую стаю китов, а с наступлением темноты стал засыпать на ходу. Его разбудили раскаты грома...

В зловещей черноте вспыхнула молния, а потом еще одна ослепительная вспышка разрубила все небо на две части. *Пурусинх* встрепенулся, сравнялся с грифом и закричал ему сквозь грозовые раскаты:

— Надо обогнуть тучи!

— Не выйдет, это *Тамо-трика!* — ответил *Гуаттама*. — Буря окружает остров со всех сторон!

— Да что же это такое!? — взвыл *Пурусинх*, пытаясь справиться с порывами шквалистого ветра.

Браминского грифа снесло в сторону, а седовласый ягуар перестал ощущать под ногами потоки энергии. Он стал стремительно падать вниз. *Пурусинх* увидел

под собой гребень высокой волны, которая все поднималась и поднималась из моря, словно это было живое существо. Брызги соленой воды оросили ему голову, а ступни коснулись воды. В этот момент он сумел сосредоточиться и совершить мощный *сиддхический* прыжок вверх.

— Мы должны подняться еще выше! — взревел *Пурусинх*. — Бурю не обойти, но мы можем пролететь над ней!

Гриф ничего не сказал, крылья *Гуаттамы* были напряжены до предела, но у него не получалось сделать ни одного взмаха. Он едва держался в бешеном вихре урагана, теряя высоту.

— Шторм становится сильнее! — снова закричал ягуар, надрывая глотку.

— Мне потребуются твои силы! — отозвался *Гуаттама*. — Иначе мы все погибнем!

— Отлично! Что я должен сделать!?

Вместо ответа браминский гриф крепко схватил *Пурусинх*. Было непонятно, для чего он так сдавил его птичьими лапами, что невозможно было даже пошевелиться. Прошло еще одно мгновение, прежде чем *Пурусинх* осознал всю чудовищность происходящего. Он не мог пошевелиться, потому что гриф *Гуаттама* переломил его тело пополам. *Пурусинх* не чувствовал ног, потому что его ноги оказались в другой лапе *Гуаттамы*, продолжая судорожно брыкаться. Нет, нет и еще раз

нет! Он не верил собственным глазам. Откуда в другой лапе *Гуаттамы* взялись его ноги? Это не могли быть его ноги! Но, осматривая свой торс, ягуар ничего не увидел под разорванной туникой, забрызганной кровью. Там, где мгновение назад были его ноги, — уже ничего не было!

Из глаз *Пурусинха* брызнули слезы, которые смешались с проливным дождем. Он не мог это принять и не знал, что ему теперь делать. Из гортани ягуара вырвался душераздирающий рев. Его глаза встретились с глазами браминского грифа. Да, теперь он узнал его! Он понял, кого напоминал ему гриф *Гуаттама*! Печально-строгие глазницы, широкие брови, изогнутый клюв повторяли черты лица *Джидду Кришнамурти*, который почти слился с образом *Бодхисаттвы*. Но кто мог предположить, что их встреча закончится вот так — что *Гуаттама* разорвет его тело на части? В глазах *Пурусинха* мелькали вспышки молний, морские волны, кроваво-красные лапы грифа, который острым клювом отщипнул одну его ногу и заглотил ее целиком. Затем в пасть грифа последовала вторая нога. Тут раздался вопль *Джананутры*, который только сейчас понял, что гриф поедает ягуара.

Когда *Пурусинх* снова открыл глаза, дождь прекратился. Он парил высоко над темно-серыми облаками, в которых непрерывно сверкали разряды молний. Раскатов грома не было слышно. Кругом установилась

мертвая тишина. Вверху были видны холодные звезды, однако *Пурусинх* не мог повернуть голову, чтобы их разглядеть. Ведь туловища у него уже не было! Гриф *Гуаттама* нес его голову в своих цепких когтях. Он поднялся выше грозовых туч *Тамо-фрики*, он летел на такой недосягаемой высоте, куда не могла залететь ни одна птица. Только бы выжил *Джананутра*... подумалось вдруг *Пурусинху*, и это была последняя мысль ягуара, прежде чем клюв *Гуаттамы* с громким хрустом раздробил его череп.

***

На белый морской песок накатывали волны. Они шептали заклинания из далекого детства, когда над его люлькой склонялась молодая пятнистая кошка. Она пела загадочные мантры, ласкала его, смеялась над ним, ведь она была его матерью. Он протянул к ней руки, но образ верховной жрицы *Наянадхары* тут же исчез. Как только *Джананутра* очнулся, в памяти у него стали всплывать жуткие картины. Чтобы отогнать этот ночной кошмар, он помотал головой и приподнялся.

Вокруг мирно плескалось прозрачно-голубое море. Над пенистыми волнами кружила стайка пеликанов. *Джананутра* лежал на большом остроконечном камне, куда его выбросил прибой после кораблекрушения. Ведь он так хотел отправиться в морское путешествие

на остров Аирват! Но что-то пошло не так... Он сполз с камня и сделал несколько шагов. После шторма мог уцелеть кто-то еще. Прикрывая свое лицо от солнца, *Джананутра* внимательно осмотрел линию прибоя. Никого... Больше не было никого. Он вздохнул и плюхнулся на песок, обхватив лоб рукою. Внезапно его глаза остановились на камне, с которого он только что спустился. Уж очень он походил на птицу, вернее, на того исполинского птице-человека из сновидения. Приблизившись, *Джананутра* погладил его каменный клюв. Это был точный слепок того самого грифа! Но кто и зачем вытесал грандиозную скульптуру здесь, на берегу моря?

Если допустить, что ночной кошмар не был сном, то на берегу лежал бы сам гриф *Гуаттама*, а не его каменное подобие. В голове *Джананутры* что-то не складывалось. Ему чего-то не хватало для восстановления всех событий. *Пурусинх*, первопродок ягуаров! Он был с ними. Он летел рядом, а потом... потом *Джананутра* все вспомнил. Он вспомнил свой крик, вспомнил, как *Гуаттама* заглатывал части тела *Пурусинха*! Отпрянув от каменного грифа, *Джананутра* повалился с ног. В его глазах застыл ужас. Выходит, гриф и ягуар погибли, чтобы доставить его сюда, на *Аирват-двину*. Один съел другого, а затем сам окаменел, едва приземлившись на берег, иначе никому бы из них не удалось преодолеть *Тамо-трику*.

Мрачные легенды об острове оказались правдой, никто не возвращался отсюда живым, и *Джананутра* тоже как будто умер. Он ощутил себя полностью оторванным от остального мира, куда не мог больше вернуться. словно дух в необитаемой вселенной, которая целиком умещалась здесь, на этом острове, за границами которого простиралась необъятная пустота.

Теперь неукротимое желание попасть на остров Аирват показалось ему глупой прихотью. *Джананутра* погрузился в молчание. Здесь, конечно, могли обитать брамины-отшельники, которые верили в великую тайну. Но под прекрасной дочерью риши *Девантара* они могли понимать что угодно — древнюю реликвию или книгу, которую хранили много тысяч лет. На это, кажется, постоянно намекал гриф *Гуаттама*, он вообще ни разу не обмолвился, что на острове жила юная дева. Чем больше об этом думал *Джананутра*, тем больше он склонялся к тому, что это был обман чувств. Хуже того, это мог быть очередной искусный заговор темного мага *Нишакти* — с такими мыслями *Джананутра* проходил мимо кокосовых пальм и диких кустарников.

Чтобы отыскать источник пресной воды, ему приходилось выбирать направление, где трава становилась зеленее и гуще. Почва под ногами приобрела темно-фиолетовый оттенок. По земле, словно змеи, расплзались корневища баньянов, среди которых пробегали оранжевые сороконожки и серые мокрицы. Наконец, на

пути ему попалась груда камней, под которыми блеснул родник с чистой водой. Он сделал привал, нарвал водяных орехов, бобовых стручков, растущих поблизости, и пошел дальше.

Ручей вывел его к мелководной речушке, над которой смыкались ветви непролазных джунглей, после чего вышел к шумному водопаду, где встретились первые признаки того, что остров был обитаем. Его внимание привлекли квадратные углубления в скале, по которой стекали потоки прохладной воды, а также очертания многоруких богинь, вытесанные на подводных валунах. *Джананутра* развязал чалму, искупался в озерке возле водопада и развесил вещи сушиться. Он вынул сверток, в котором была спрятана какая-то коробочка, обтянутая серебряным шелком, долго сомневался, стоит ее открывать или нет, а когда все-таки открыл, лицо его озарилось переливами дивного сияния. На этот яркий блеск из лесной чащи даже вылетел попугай с красным хохолком. Он разместился неподалеку на ветке и стал робко перебирать лапками, чтобы заглянуть в серебряную шкатулку.

— Что, нравится? — шутя спросил *Джананутра*. — Эх ты, пустая твоя голова, это же *Мани Хардха*, самый прекрасный камень на свете! Вот найду дочку *Девьянтара*... Эй, да ты хоть меня понимаешь, а?

Попугай изогнул шею и дважды ударил клювом по ветке. Рассмеявшись над собеседником, *Джананутра* продолжил:

— Ничего ты не понимаешь, *кеша-кира!* Говорят, *Несокрушимое Сердце* — самое совершенное творение богов, пожелавших напомнить, какими должны быть сердца *джиива-саттв*. Другие говорят, что это застывшая слеза, упавшая с темного неба на широкую грудь земли в их первую брачную ночь. Вот так *Дхарани* ожила, ощутила жар любви, а утром на ней зацвели целебные травы, появились деревья и птицы. Что? Ах да, и попугай, конечно, тоже.

Распушив красный хохолок, попугай перелетел с ветки поближе и сел на плечо *Джананутры*, чтобы рассмотреть адамант, сиявший неземным блеском, словно это была далекая Звезда Севера.

— Ну, все! — *Джананутра* захлопнул коробочку перед носом любопытного попугая. — Мы с тобой едва знакомы. Еще разболтаешь кому-нибудь...

Бросив попугаю бобов, *Джананутра* спрятал сверток, намотал чалму и принялся напевать песенку про одного ягуара. Собственно говоря, все песни, которые он знал, были про ягуаров, потому что в безлюдном мире никому бы и в голову не пришло сочинять песни про людей:

*Один ягуар влюбился в багиру,
В красавицу черную кошку,*

*Дни и ночи не спал один ягуар
И сходил с ума понемножку.
Парам-пара, парам-пара,
Совсем невесел ягуар,
Парам-пара, парам-пара,
Мурлыкал песни до утра.*

Он оборвал песню на этом месте, потому что из ближайших зарослей донесся звонкий смешок. В тот миг *Джананутра* мог поклясться, что это был смех молодой девушки! Он ринулся к кустам, но там было пусто. Осмотрев все деревья вокруг, он прислушался и решил, что это был не смех, а всплеск водопада. *Джананутра* снова занялся своими делами, напевая песенку про ягуара, а когда песня закончилась, из кустов донесся тот же самый смех, и тонкий голосок сказал ему:

— Почирикай еще, глупенький!

Джананутра взглянул на попугая, который издевательски раскачивался на ветке, и сразу догадался, чьи это были проделки. Но если какаду мог подражать смеху девушки, значит, на острове жили не только брамины. Он поманил попугая бобами, но тот отлетел в сторону от него. Набросив на себя высохшую куртку, *Джананутра* решил проследить, куда полетит птица.

— Послушай, послушай! Я тебе помогу... *Карначар* умница, — хвастался перед ним попугай, шустро перебирая лапками по гибким ветвям сандаловых деревьев.

— Кто тебя научил говорить? — спросил из любопытства *Джананутра*.

— Наитайнейшая тайна! Наитайнейшая тайна, — с важным видом ответил тот. — Не смотри на меня, ты не должен на меня смотреть.

— Если я не буду на тебя смотреть, как ты мне можешь? — рассмеялся над ним *Джананутра*.

— Если ты умрешь, я не смогу тебе помочь. Послушай, я тебе говорю! Ты умрешь, ты хочешь умереть? — твердил ему попугай.

— Ладно, ладно, — утихомирил его *Джананутра*. — Просто покажи, где ты живешь, вот и все.

Переговариваясь с попугаем по кличке *Карначар*, наследник рода *Раджхаттов* прошел длинный путь по берегу реки в окружении тропических зарослей. Какаду с красным хохолком прыгал на поваленных деревьях, порхал над водой, перелетал с ветки на ветку. С каждым шагом *Джананутра* чувствовал, что приближается к разгадке тайны *Аирват-двинь*. И вот его взору открылась укромная долина с многочисленными водопадами и пастбищем, на котором паслись слоны и пугливые антилопы *курунги*. За долиной виднелись дозорные башни и утесы, подернутые опушкой жакарандовой роши в перваншевом цвету. Именно туда, к дозорным башням, полетел попугай. Он уселся на стену и стал крутиться на полукруглом крепостном зубце, поглядывая на *Джананутру*.

— Ничего не понимаю! Ничего не понимаю! — кричал ему попугай. — Кто подрезал твои крылья?

— Легко тебе говорить, — пробубнил *Джананутра*, ощупывая каменные блоки стены, между которыми не было ни одной щели, чтобы зацепиться.

Попугай изогнул шею и подполз к *Джананутре* по стеблю свисавшей сверху лианы.

— *Карначар* умница... — загадочно произнес попугай.

— Да-да, *Карначар* умница! И что бы я без тебя делал, даже не знаю... — похвалил его *Джананутра*, ухватившись за стебель и начав бесшумно подниматься.

За стеной его взору открылся благоухающий пышными бутонами сад. Паталово-красные цветки *джананушты* склонялись над извилистыми дорожками, банановые пальмы *кандали* были увешаны ароматными плодами, на лотосовых и саловых деревьях распускались нежные лепестки. Возле жадеитовых беседок красовались сочные соцветия жасмина. Посреди ухоженных кустиков разбрасывал медоносные ветви вечнозеленый *ниим*, а синегрудые павлины прохаживались по газонам, расправляя танзанитовые перья.

На лицо *Джананутры* опустились прозрачные нити страстоцветов, которые с удивлением прикоснулись к нему и передали весть о появлении незнакомца соседним деревьям. Раздвигая цветущие кроны, он спускался в мистический сад, перенесенный *Девантаром* из да-

лекой светозарной эпохи, когда *маха-риши* населяли райские леса, когда великие *сиддхи* могли посещать парящие в воздухе города, когда на отлогих склонах Северных гор обитали бессмертные полубоги, просветленные сущности и великаны, посвятившие себя подвигам *тапо-дхайи*. Здесь он начинал верить, что все эти сказки имели под собой действительное основание, что все это происходило на самом деле во времена, когда подлунный мир был полностью духовным, когда вселенная пребывала в высших сферах *тан'матры*, очищенная от влияния темных гун.

Попугай *Карначар* тревожно кружил у него над головой, желая о чем-то предупредить:

— Когда она выходит из дворца, солнце скрывается, птицы разлетаются, рыбы погружаются на дно, — возбужденно голосил какаду. — Ее безусловная красота неотразима. Ты захочешь взглянуть на нее. Ты умрешь, умрешь! Твоя кожа станет синей, твое сердце останется.

— Прошу тебя, *Карначар*, расскажи о ней. Кто она — та, о которой ты говоришь?

— Какой простой вопрос! Несомненно, это *Падмавати*... — весело затанцевал попугай на ветвях *нимма*. — Тьма вселенной растворяется в ее чистоте. От нее струится нектар, который исцеляет и убивает, даже время бежит от нее прочь.

— А-а! Это опять ты, безумная птица? — произнес кто-то.

Быстро спрятавшись за кустами жасмина, *Джананутра* заметил рослого птице-человека, озиравшегося в поисках голосистого попугая. *Карначар* тоже спрятался, однако брамин разглядел в листве его хвост и пошевелил ветви посохом.

— Давай-ка, улетай! Никто не будет выхаживать тебя еще раз, если ты снова приблизишься к госпоже, — пригрозил ему птице-человек.

— Сколько тебе говорить? — заворчал из-под листвы попугай. — Не смотри на меня, ты не должен на меня смотреть.

Как только брамин скрылся из вида, *Карначар* вылез из укрытия и полетел вглубь сада. Пригнувшись к земле, *Джананутра* стал пробираться под сенью цветущих деревьев к водным каналам, в которых отражались гирлянды белокаменных арок, долговязых колонн и шикхар изумительного дворца, безмятежно взиравшего на протекавшие мимо него призрачные потоки. Его купола в жемчужных переливах возвышались над зеркальными фонтанами, маковки виман грациозно мерцали, подобно снежным вершинам, а створы окон были покрыты тончайшими мраморными узорами. В каждом завитке ощущалась непостижимая соразмерность, от которой в голове возникали спонтанные мелодии и протяжные звуки, а весь воздушный дворец начинал

представляться волшебным инструментом *гандхарвов*, воспроизводящим в уме неповторимые небесные раги.

Впрочем, *Джананутра* пришел сюда не для того, чтобы наслаждаться облачным дворцом *Девиантара*. Ему не терпелось проникнуть под его своды, туда, где жила прекрасная госпожа, о которой упомянул птичеловек. Конечно же, его настораживали легенды о демоническом создании, наполовину женщине — наполовину цветке, убивающем всякого, кто осмеливался ступить на остров Аирват, но ему хотелось понять, что в древних сказаниях было правдой, а что — вымыслом. Он искренне верил, что с ним все будет не так, как с другими.

Между тем, войти внутрь было совсем не так просто. Браминские грифы в красных одеяниях с желтыми накидками, перекинутыми через плечи, совершали обход вокруг дворца, полушепотом читая молитвы. Подступы к водным каналам охраняли воинственные кшатрии с косматыми львиными головами. Их грозный вид не сулил ничего хорошего, хотя за дворцом они, кажется, не следили: все их внимание было обращено исключительно в сторону сада. *Джананутра* рассчитывал, что с наступлением сумерек он сумеет незаметно взобраться по аркам на один из балконов. Выбрав укромное местечко между ветвями *париджаты*, он стал ожидать подходящего момента, прикрываясь обильно цветущими венчиками.

Однако в вечерней темноте из белокаменных ворот, одна за другой, стали выходить таинственные девы в легких пинджаровых накидках с капюшонами. Но лица под капюшонами были человеческими! *Джананутра* еще ни разу не видал в подлунном мире существ, столь похожих на людей. Разве что глаза выдавали присутствие у этих прекрасных дев сверхчеловеческой природы: у них совершенно отсутствовали зрачки, а глазницы озяряло мягкое золотистое свечение. *Джананутра* даже подумал, что они были слепыми, и все же они могли превосходно видеть! Правда, совсем не так и не то, что видели все остальные.

Некоторые девушки разбрасывали на дорожках душистые бутоны *чамтаки*, выкладывали на полянках узоры из лепестков, возжигали огненные чаши. Другие проносили в руках колокольчики, чтобы отпугнуть птиц и прочих обитателей сада. После этих приготовлений вышли еще четыре участницы цветочной церемонии, одетые как царицы. Они двигались очень плавно, иногда останавливаясь и приближаясь к восхитительному каменному шатру с куполом в виде лотоса. Шатер был возведен из лилового порфира посередине водного канала, и когда четыре девы вошли в него, они сбросили с себя васаны, закружившись в пленительном танце.

Глядя на стройных *деви-натьяни*, *Джананутра* пытался угадать, которая из танцовщиц могла оказаться дочерью *маха-риши*, но у них у всех были одинаково

светящиеся в темноте глаза без зрачков. Поэтому, не смотря на их мастерство, выступление вызывало чувство печали. Под конец танца в руках у девушек стали появляться прозрачные платки. Они выдергивали их из под одежд так ловко, что казалось, будто они вынимают их прямо из воздуха. А затем все участницы прогулки спустились по ступеням к воде. Весь водный канал оказался купелью, в которой девушки совершали омовение, хотя многие продолжали оставаться на берегу, заплетая косы с кистями *кунджалам*, умащевая себя благовониями. От скуки он подпер голову рукой, стараясь не глядеть на девушек. Он лежал под ветвями *париджаты*, смотрел на блеск перламутровой луны и припоминал легенды об острове, слова *Пурусинха*, *Гуаттамы*, темного мага *Нишакти*, испытывая от всего этого внутреннее разочарование.

Для чего он пролетел тысячи *йоджан* над южным морем? Зачем убедил *Пурусинха* отправиться с ним на *Аирват-двину*? Разве для того, чтобы наслаждаться созерцанием вечноцветущего сада и облачного дворца? Разве для того, чтобы смотреть на этих прекрасноногих танцовщиц? Неужели в этом и состояла его незримая цель — та самая *прайоджана*, к которой он стремился? Неужели два мудрых йогина пожертвовали собой ради этого? Он внимательно пересчитал всех девушек, играющих у воды. Их оказалось тридцать девять, однако из-за отражений в воде создавалось впечатление, что

их гораздо больше. Он присмотрелся к отражениям — и его сердце чуть не выпрыгнуло из груди! На водной поверхности купели было еще одно отражение. Одна из юных дев сидела под тонким покрывалом, но на берегу ее не было видно!

Джананутра раздвинул ветви *париджаты* и поднялся, чтобы убедиться в своей правоте. Все так и было! Как он мог забыть, что риши *Девьянта* тоже любовался именно отражением своей дочери? Ничто более не сдерживало его, все сомнения рассеялись! Нужно было снять с госпожи *Падмавати* волшебное покрывало, чтобы узреть ее воочию, увидеть свою госпожу!

— Послушай меня, я тебе помогу, — услышал он трескучий голос попугая за своей спиной.

Однако *Джананутра* даже не оглянулся. Попугай и так сделал для него все, что мог. Чем еще ему могла помочь эта безумная птица?

— Постой, *Джананутра*!

— Что? — не поверил он своим ушам, повернувшись к попугаю. — Ты назвал меня по имени?

— Думал, от первопредка ягуаров так легко избавиться? — пошутил попугай. — Ты же сам меня вызвал.

— *Пурусинх*? Но как тебе это удалось?

— Теперь важно совсем не это... Послушай, каждый, слышишь, каждый, кто посмотрит на нее хотя бы краем глаза, умирает. Этот попугай лишь мельком

взглянул на ее руку, когда она захотела от него отмахнуться, и чудом выжил, благодаря ее чуткому сердцу и браминам, излечившим его в этом саду. Поверь мне, это не глупая выдумка!

— Но я уже не могу жить без нее, и до этого я был мертв всю мою жизнь, — попытался объяснить свои чувства *Джананутра*. — Если смерть *джиwa-самтв* является расплатой за то прекрасное чувство, которое меня сейчас терзает, то я с радостью встречу ее!

— Редко кто проходит дорогу любви даже до половины, как невозможно пройти то, у чего нет конца. Ты слишком рано заговорил о смерти, царь *Джананутра*, ведь и жизни богов недостаточно, чтобы пережить все ее бесконечные проявления.

— Смотри, она уже уходит, — с болью в голосе простонал *Джананутра*, наблюдая, как девушки укрывают госпожу *Падмавати* прозрачными покрывалами, отчего ее отражение в воде становилось все бледнее и бледнее, пока полностью не исчезло.

— Ее покои находятся с другой стороны дворца, самые преданные кшатрии охраняют их днем и ночью. Однако попугаю *Карначару* много раз удавалось проскользнуть мимо них, — утешил *Джананутру* не то попугай в образе *Пурусинха*, не то ягуар в облики попугая.

Они спустились в ложбину сада и осторожно обошли весь дворец с тыльной стороны. И, действи-

тельно, возле калитки, ведущей к покоям госпожи *Падмавати*, стояли два косматых кшатрия, и еще двое располагались у лестницы к верхним галереям дворца. *Джананутра* понятия не имел, что задумывал *Карначар*, потому что даже попугаю невозможно было проскочить между ними незамеченным.

К тому же, сам *Карначар* где-то запропастился, а когда прилетел снова, уселся на чалму *Джананутры* и с упоением проговорил:

— Не надо слов, *Джананутра*, не надо слов. Смотри и восторгайся! Ты уже восторгаешься?

Двое кшатриев, сурово сдвинувших брови, продолжали некоторое время стоять как прежде. Но вот один из них покосился на другого и прыснул смехом в кулак. Другой тоже не вытерпел, и его живот стал вздрагивать от хохота. Спустя мгновение все четыре стражника смеялись как угорелые, они хватались за животы и катались по полу, словно дети, а затем также неожиданно и дружно заснули.

— *Карначар* пережевал семена *дхатурмы* и победил воинов пометом! — пританцовывал попугай на голове *Джананутры*. — Победил воинов своим пометом! Пометом!

— А-ха-ха-ха! — рассмеялся над ним *Джананутра*.
— Ха-ха... ха...

Джананутра ощутил головокружение: он увидел, как с его чалмы падает опьяняющий цветок *дхатурмы*, и тоже провалился в глубокий сон без сновидений.

— Прости, но это ради твоего же блага, — объяснил *Карначар*, моргнув черными глазками.

Он убедился, что *Джананутра* крепко спит и подлетел к небольшому оконцу, в котором мерцал ночной огонек. Прогулявшись по мраморному подоконнику, *Карначар* изогнул шею, чтобы осмотреть всю опочивальню, в которой никого не было.

— Глупенький, это опять ты, — прошептал мягкий девичий голос. — Ты вновь прилетел ко мне? Тебя уже столько раз прогоняли, а ты все прилетаешь и прилетаешь...

— *Падмавати?* — прислушался к голосу *Карначар*.
— Несомненно, это *Падмавати*...

Невидимая рука погладила беспокойного попугая по взъерошенному хохолку.

— Ты свободная птица, а я человек, зачем ты прилетаешь ко мне? Или ты, как все, хочешь взглянуть на меня? Ты не должен на меня смотреть, не должен. Мне не нужна еще одна жертва.

Прозрачная тень *Падмавати* отошла от окна, так что лишь звон колокольчиков на ее ногах подсказывал, где она теперь находится.

— Поговори со мной, *Карначар*, поговори и улетай.

— Кто устоит перед чарами госпожи *Падмавати*? Кто? Ее наслаждение в ненаслаждении, рожденная в нерожденности, заключенная в освобожденности, нежнейшая в непоколебимости, ей не нужна ни привязанность, ни медитация, не нужны ей ни подвиги *тапо-дхайи*, ни обильные приношения *яджны*. Ничто из перечисленного не трогает сердца *Падмавати*, и все же она испытывает постоянное желание иметь нечто.

— Продолжай, — усмехнулась невидимая госпожа *Падмавати*. — Кто же исполнит мое желание?

— Душа, возлюбившая беззаветно и преданно, нашедшая прибежище в ее духовности, лишь такая душа наполнит спелую грудь *Падмавати* радостью.

— Ты слишком много болтаешь! — возмутилась девушка, топнув ногой со звонкими бубенцами. — Если будешь много болтать, я расскажу все браминам, и они... они посадят тебя в клетку!

— Посадят в клетку? Но госпожа *Падмавати* — моя клетка. Кто посадит меня в клетку? Кто выпустит? *Падмавати*, открой мою клетку... *Падмавати*!

— Замолчи, безумная птица, или я на тебя рассержусь! Твои слова заставляют меня гневаться, хотя ты сам не понимаешь, о чем говоришь.

— Когда она сердится, ее верхняя губа сжимается, а нижняя — просит поцелуя, когда она мечтает, ее нижняя губа втягивается внутрь, а верхняя — набухает, подобно бутонам *кальпа-тарох*. Кто способен пережить

гнев *Падмавати*? Когда ветер случайно поднимает подол ее сари, тысячи существ погибают! Недостаточно быть умным брамином, чтобы ее понимать, и надо быть достаточно безумным, чтобы ее полюбить, — продолжал, как ни в чем не бывало, чирикать попугай. — Она ищет любовь в своей душе, но душа ее так велика, что она не может ее найти, не может!

— Для брамина ты не слишком умен, а для птицы ты умен даже слишком, — рассмеялась *Падмавати*, наблюдая, как забавно бегаёт перед ней попугай, поднимая и опуская хохолок.

Продолжая над ним потешаться, она присела на краешек скамьи, обитой бардовым бархатом, в результате чего слегка распахнулись покрывала, делающие ее невидимой. *Карначар* смолк и замер на месте. Взволнованно ахнув, она обнаружила, что попугай смотрит на ее щиколотку с жемчужным браслетом и колокольцами. Спрятав ногу, *Падмавати* отвернулась, чтобы не видеть мертвую птицу, которая только что ее так развеселила.

— Ты уже мертв, *Карначар*? — произнесла она смиренно и тихо, не в силах повернуться и взглянуть на свою очередную жертву.

— Ни да, ни нет... — ответил ей голос, но голос этот уже не принадлежал попугаю.

— Кто бы ты ни был, ты должен был умереть, ведь ты на меня посмотрел! Почему ты не умираешь? — спросила она, не поворачивая головы.

— Может быть, того, что я видел, было недостаточно, а может, на меня не действуют чары, наложенные на тебя твоим отцом, риши *Девьянтаром*.

— Значит, ты даймон! Как же я сразу не поняла этого? Ты даймон, меняющий обличья!

— Получается, что да. Но...

— Замолчи, я запрещаю твоему языку говорить со мной! Ты явился ко мне сначала в облике невинного попугая, а теперь принял облик человека, чтобы сохранить жизнь. Думаешь, в этом наитайнейшая тайна? В том, что на меня может глазеть человек? — иступленно расхохоталась *Падмавати*. — Ты ничего не знаешь. Ничего не знаешь обо мне! Ничто не может осквернить мое сердце. Ничто! Поэтому даже даймоны и бессмертные *амри-таттвы* умирают, восплав ко мне любовью.

После этих слов она сбросила с себя покрывала, продолжая скрывать лицо, чтобы не показывать своих слез, ибо даже убийство этого даймона причиняло ее чистой душе страдание и боль. За тысячи круговратных лет многие асуры, которым удавалось достичь *Аурват-двини*, распрощались с жизнью, лишь взглянув на ее *дхавани* и набедренник. Ее коса, уложенная на затылке узлом, была щедро убрана самоцветами и брошью, напоминающей венец, мочки ее ушных раковин украшали жемчужные серьги, шею и грудь прикрывали драгоценные ожерелья с подвесками и благоухающие гирлянды из нежнейших клювовидных орхидей и бутонов *малли-*

ки. Она вся пылала яростью, свежестью и красотой, недоступной воображению.

— Ты сбросила с себя все одежды, позволяющие тебе быть невидимой, но все еще прячешь от меня твои глаза, — прозвучал голос незнакомца в голове *Падмавати*.

— Не может этого быть! Ты до сих пор беседуешь со мной? Какой хитроумный даймон, нешто ты ослеп от вожделения и любви ко мне? Ну, да ладно, ха-ха! Ведь еще никто не научил тебя, что даже слепые прозревают от одного взгляда *Падмавати*!

Разгневанная, она развернулась и увидела перед собой обычного человека. Изображения таких людей до сих пор сохранились в храмах *Аурват-двинь*, но в действительности она давно потеряла веру в то, что человек может появиться в мире без людей. Даже брамины, которые ее в этом убеждали, не могли ответить на вопрос, каким образом в *аджана-локе* может появиться человек. И вот, спустя сотни тысяч лун, он стоял перед ней и смотрел в ее открытые глаза. Он видел ее, а она видела его, они смотрели друг на друга. Она не могла отвести взгляд, пораженная тем, что он не умирает, а Евгений не мог поверить в то, что видит ее, что это происходит с ним, а не с кем-то еще. Ведь это была Она...

Ее волосы были темнее, чем в мире людей, ее руки были покрыты узорами из хны, а ладони окрашены алой краской. Но это была Она, его богиня, приотво-

рившая ему однажды свои трансцендентные таинства. Даже здесь, в мистическом сновидении, она ничуть не щадила его, продолжая являться во всем своем разрушительном и живительном великолепии, обжигающем лучами десяти миллионов солнц.

— Ты человек? — спросила она, немного смягчившись.

— Всего лишь *прати-пхалин*, астральный двойник человека, который волей судьбы оказался на *Аурват-двипе*. Он взглянул на твое отражение в воде, и теперь его сердце не знает, как жить дальше.

— Так и будешь говорить в моей голове? — укоризненно подвигала она плечами.

— Но госпожа *Падмавати* обездвижила мой язык, — мысленно отозвался он.

— Если ты не даймон, можешь говорить как человек, — кивнула она. — Кто он? Отвечай!

— Его зовут *Джананутра*, царь *Нагарасинха* из благородного дома *Раджхаттов*.

Падмавати задумчиво отвела глаза. В женственной задумчивости ее лицо становилось еще загадочнее и милее. Она не воспринимала его за существо, наделенное чувствами, он был для нее лишь материализовавшейся иллюзией. Ее не волновало ни прошлое, ни будущее, ни имя этой астральной сущности, и Евгений был этому несказанно рад, потому что от одного общения с ней его душу уже переполняло счастье.

— Мои чары все равно убьют его, — с грустью призналась *Падмавати*. — Об этом гласит *Падмасутра*, составленная *маха-риши*. Лишь непорочные девы, обладающие *сиддхическим* зрением, пребывают в созерцании *Падмавати*, однако для них ее красота остается скрытой. Временно созерцать ее красоту могут слепые, но когда она сама устремляет свой взор, даже слепые находят смерть. Что касается тебя, про таких духов в *Падма-сутре* ничего не сказано.

— Твой отец не был бы *маха-риши*, если бы не знал, что недосказанное, не претерпевающее изменений, не происходящее ни до, ни после, не получаемое с помощью рассудка, важнее всего сказанного и претерпевающего изменения в рассудке. Видимо, было нечто такое, чего он не захотел тебе сказать.

Под цветочными гирляндами на пурпурно-белой коже *Падмавати*, подобной безупречному цветку лотоса, проступило странное свечение, хотя сама она, судя по всему, не ощущала в себе никаких изменений.

— Куда ты смотришь? — изумилась она его взгляду. — Что ты...

Не прикасаясь к *Падмавати*, он осторожно раздвинул лепестки орхидей, под которыми скрывалось еще одно ожерелье, мерцание которого напоминало жемчужную нить. Однако вместо жемчужных перлов на ожерелье были нанизаны ужасающие глаза! Их разноцветные зрачки вращались в разные стороны, испуская

потоки света. Они обладали сознанием, они были живыми!

— Эти глаза на твоей шее, откуда они? — спросил он, ужасаясь и восторгаясь ею одновременно.

— О чем ты говоришь? — не поняла *Падмавати*.

Она поднесла ладонь к шее, не почувствовав никаких глаз, потому что они с легкостью прошли сквозь ее тело, утонув в груди *Падмавати*, словно в молочном йогурте. А затем вынырнули обратно и, перестав хаотично вращаться, усталились на Евгения лазурно-радужными зрчками.

— На тебе висит ожерелье из невидимых глаз, от которых исходят чары *маха-риши*, — сказал он. — Если его снять, то чары спадут, и никто больше не будет умирать, посмотрев на тебя, *Падмавати*.

— Так сними его! — потребовала она. — Чего ты медлишь?

— Но, если я его сниму, время начнет питаться твоим телом, ты окажешься беззащитной перед влиянием темных гун, как все *джиwa-саттвы*...

— По-твоему, лучше быть причиной их смерти? Тебе не ведомо — каково это, скольких существ я уже погубила и скольких еще погублю, ты не знаешь, какие кошмары преследуют меня. Думаешь, этот дар, которым меня наделил мой отец, доставляет удовольствие? Говорят, он посвятил себя поискам перворожденных *сиддхов*, чтобы погрузиться в вечное блаженство, но он

также мог собирать глаза перворожденных для создания оберега *Дхарма-харам*, повелевающего временем и судьбой. Если это так, избавь меня от него, я приказываю тебе!

Она не была жестокой, нет. Тем не менее, каждое ее слово причиняло ему нестерпимые страдания. Под воздействием заклятья любая другая душа за тысячи лет могла бы утратить внутреннюю чистоту, пропитаться ненавистью к себе и ко всем окружающим, перестать чувствовать и дарить любовь, но она сохранила в себе все то, что делало ее особенной. И вот настал час, когда он должен был ее освободить, он знал, что это приведет к непредсказуемым последствиям и станет концом целой эпохи для безлюдного мира. Но разве он мог поступить иначе? Он всецело ей доверял, и если она не хотела нести эту ношу, значит, он должен был ее отпустить, и что он от этого испытывал не имело никакого значения. Их желания, как всегда, не совпадали, впрочем, у него никогда не было права желать от нее чего бы то ни было, даже во сне.

— Мне хочется тебе кое-что сказать. Возможно, я уже никогда не вернусь в этот мир, но я буду скучать по тебе. Прости, мне никогда не хватало слов, чтобы объяснить это чувство...

Он прикоснулся кистями рук к магическому ожерелью, отчего *сиддхические* глаза зашевелились и вновь попытались погрузиться в тело *Падмавати*. Однако его

руки охватило такое же свечение, и он беспрепятственно вынул оберег из ее груди.

— Теперь ты можешь идти, тебе не нужно больше скрываться. В саду тебя будет ждать *Джананутра*, он выглядит почти так же, только он — не бесплотный дух.

Она заглянула в его глаза, в точности, как тогда, и в точности, как тогда, она захотела ему что-то сказать, но ничего не сказала. Она просто выбежала в ночной сад, встретив там *Джананутру* — того единственного, кто спустя целую вечность увидел ее, кому она могла полностью открыться. Ее голова кружилась от радости, она глядела ему прямо в глаза, прижималась к нему всем телом. Она была влюблена и бесконечно счастлива, позабыв обо всех своих страданиях и муках. Она была свободна, как никто другой под светом *чатурчандрах*, и весь мир был влюблен в нее, весь мир смотрел на нее его глазами.

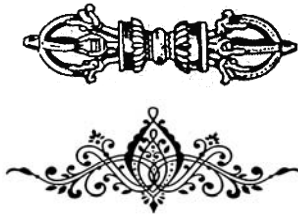
Перламутровая луна освещала дорожки прекрасного сада. Они прогуливались по берегам водных каналов, в которых распускались чашечки дымчато-голубых *кувалий*. Их лица и ладони соприкасались, окруженные со всех сторон длинными нефритовыми лианами, свисавшими с деревьев гиацинтовыми гроздьями. Мир четырех лун был совершенно уравновешен. В нем не было ничего, кроме красоты, в нем существовала только эта способность к запредельно чистой любви, а все остальное было обманом и наваждением. Порхание бабочек,

вскрикивание ночных птиц, шуршание трав и звуки падающих капель росы приглушали тихий шепот влюбленных. Огромная вселенная простиралась над ними рукавами фиолетово-розовых туманностей и осыпала дождем драгоценных звезд.

Где-то там, в темноте ночи, приняв невидимый облик *нашта-рупа*, медитировал дух первопредка ягуаров. Он пытался продлить время, чтобы ничто не могло нарушить эту всесовершенную гармонию. Из его сердечной чакры вырывались потоки космической праны, которые устремлялись на *Аирват-двину*, погружая обитателей острова в созерцание снов, от которых невозможно было оторваться. Он полностью выгорал изнутри, осознавая бессмысленность всей той энергии, которая была заперта внутри его сознания, ведь теперь она была не нужна *Падмавати*. Он сам был не нужен этому миру, и все же он продолжал оставаться в нем. Его сердце сжималось и разжималось, производя глубинные вибрации, от которых начинало вздрагивать эфирное тело вселенной.

Всю ночь *Джананутра* и *Падмавати* находились в тени сада. Они заснули только под утро, нежно обняв друг друга под ветвями распутившихся *бахиний*. Впервые *Падмавати* была счастлива, впервые ей не нужно было скрываться от смерти, ведь она познала любовь в своем сердце.

Дары Пурусинха. Восхождение

В полдень, когда лепестки *баухиний* стали осыпаться на землю ароматными хлопьями, облетая с ветвей подобно рою бабочек, глаза *Джананутры* устремились к *Падмавати*, чтобы встретиться с ней взглядом, чтобы вновь дышать ее неземной красотой, чтобы наслаждаться каждым мгновением, проведенным вместе с ней. Но ее не оказалось рядом. Он осмотрел весь сад, который выглядел поразительно тихим, не заметив никаких следов ее присутствия. Смахнув с себя лепестки *баухиний*, он вбежал во дворец, нисколько не сомневаясь, что *Падмавати* находится где-то здесь. Он обошел все залы, выкрикивая ее имя, заглядывая в роскошные палаты, где крепким сном спали прекрасные девы, но среди них не было его госпожи.

Наконец, он вошел в покои *Падмавати*, увидав лежавшую возле скамьи гирлянду из свежих орхидей. Он прикоснулся к цветам, но они тут же обратились в прах, который стал развеивать ветерок. Ничего не по-

нимая, царь *Джананутра* опустился на колени, нащупав на полу прозрачное покрывало, сброшенное ею. Он собрал его в охапку, глядя на собственные ладони, которых совершенно не было видно под тонкой материей. Затем выбежал из дворца и громко выкрикнул имя *Падмавати*, все еще надеясь, что она отзовется. Однако никто не отзывался на его крики, и даже кшатрии с косматыми львиными головами продолжали беззаботно дремать, развалившись прямо на ступенях.

— Что здесь происходит? *Пурусинх*, ты где?! — опомнился царь *Джананутра*.

Он спустился к водному каналу, обратив внимание на шатер в виде лотоса. Под его сводами сидел какой-то старик. Со спины было трудно определить, кто это, поэтому *Джананутра* вошел в шатер, чтобы взглянуть на него. Оказалось, пожилой риши был человеком!

— *Йуджин?* — произнес *Джананутра*, тряхнув старика за плече. — Эй, очнись, это ты, *Пурусинх?*

Морщинистое лицо человека затряслось, его отяжелевшие веки поднялись, и *Джананутра* с удивлением обнаружил поразительное сходство старца с самим собой.

— Так это правда, ты обратился в моего двойника? *Падмавати* рассказала, как ты снял с нее чары *махариши*. Но когда ты успел состариться? Ты постарел всего за одну ночь! — склонился над ним царь *Джананутра*.

— А ты думаешь, нельзя постареть за одну ночь? — попытался ему улыбнуться Евгений. — За одну ночь многое может измениться, *Джананутра*. Всего за одну ночь можно родиться и умереть, так почему тебя удивляет, что старость настигла меня так быстро? Лучше помоги подняться, для меня это была слишком долгая ночь.

— *Падмавати* пропала! Ее нигде нет, понимаешь? — вспылил *Джананутра*, показывая ему волшебное покрывало, скомканное в руке.

— Да-да, я знаю, знаю, *Джананутра*, — медленно отвечал старец. — Она всегда уходит от нас...

Джананутра вцепился в него взглядом, требуя разъяснений.

— Наверное, я должен был сразу сказать, что мы с тобой очень похожи, *Джананутра*. Только сознание мое пребывает в другом, несуществующем для тебя мире, а ты родился здесь, в *аджана-локе*. Мне удалось сделать то, что в подлунном мире никому бы не удалось, потому что я уже видел *Падмавати*, я видел ее в мире людей.

— В мире людей? — не поверил ему *Джананутра*.

— Да, возможно, она и сейчас находится там, — сказал старец дрожащим от слабости голосом. — Здесь я выгляжу древним старцем, но если бы ты проснулся в мире людей, откуда пришел я, ты бы почувствовал, что, скорее, это ты намного старше меня, древнее меня на

целую эпоху, на великое множество лун! Я знаю, что это трудно понять, но сказочное прошлое и далекое будущее могут меняться местами в нашем сознании.

Неописуемый холодный жар сковал сердце *Джананутры* — оно стало трещать и раскалываться как трещит и раскалывается первый лед, кристально чистый и хрупкий.

— Она говорила об этом! Она сказала, что ей всегда хотелось прожить обычную человеческую жизнь со всеми ее радостями и горестями, испытать смятение чувств, мимолетное счастье, жертвенное служение. Скажи, что я сделал не так, *Пурусинх*, почему она ушла от меня?

— Мы всегда ходим дорогами жизни, не ведая, куда они нас ведут. Никто не знает, почему она уходит, но однажды она вернется к тебе, *Джананутра*, вернется, чтобы остаться навсегда.

К ним приблизился птице-человек в желто-красных одеждах брамина. Он остановился перед ними, мрачно проговорив:

— Все-таки это произошло... О, горе нам! Океан скорби сомкнулся над миром *чатур-чандрах!*

— Святой мудрец, поведай, что случилось с *Падмавати*, прошу тебя! Нет такой преграды, которую бы не разрушила сила моей любви к ней.

Царь *Джананутра* с глубоким почтением поклонился брамину.

— Думаешь, она дорога только тебе? — спросил птице-человек. — Благодаря тебе госпожа *Падмавати* оказалась в круговороте событий, которые скрыты даже от браминов острова Аирват. Сотни тысяч лун хранили мы верность клятве, оберегая наитайнейшую тайну, и вот, когда все пророчества *маха-ршиши* исполнились, я вижу, что красота ее погубила нас всех. Вы оба, следуйте за мной!

Поддерживая дряхлого старика, царь *Джананутра* пошел за брамином.

— Вина за содеянное лежит на мне, — сказал он. — Прошу, скажи хотя бы свое имя!

— К чему соблюдать эти приличия? — вскинул руку брамин. — Сила твоей любви уже разрушила смысл жизни всех обитателей *Аирват-двипы*. Взгляни на них! Разве поклоняются пчелам, раздавив пчелиный улей?

После таких слов *Джананутра* смолк, наблюдая, как в цветущем саду начинали собираться браминские грифы, воинственные кшатрии, непорочные девы. Они все еще не могли отойти ото сна и с трудом воспринимали происходящее. Некоторые из них рыдали, прикрывая губы руками. Никогда еще *Джананутра* не чувствовал себя столь посрамленным. Он не мог смотреть им в глаза, он презирал себя, ненавидел свое человеческое тело, влечения своей души. Все самые светлые, чистые, благородные и нежные чувства, которые он испытывал, вдруг обрели иной смысл — теперь они каза-

лись ему нечестивыми, порочными, темными, постыдными, а ужаснее всего было то, что остальные *дживасаттвы* были точно такими же, как он. Они мечтали о любви в надежде избежать противоречий, но противоречия неизбежно возникали, потому что без них не было бы и самой любви, и лишь неизмеримо более глубокая, непостижимая любовь могла разрешить эти противоречия. Но как бы ни ухитрились, во что бы ни верили существа, они не могли ничего знать об этой любви.

— Он — царь *Джананутра*, наследник благородного дома *Раджхаттов*! Ты судишь о нем слишком строго, духовный учитель *Джагганта Тамтва Свами*, — заступился за *Джананутру* морщинистый старик.

— Подумать только, — покачал птичьей головой брамин. — Меня поучает попугай! Пожалуй, не следовало так усердствовать в твоём лечении.

— И ты бы послушался своей госпожи? — спросил у него старец. — Кто мы такие, чтобы противостоять запредельной любви, которая причина всего, что возникает и уничтожается? Поверь, *Джагганта*, не так просто быть человеком в мире без людей.

— В мире людей быть человеком еще труднее! Там совершаются непоправимые ошибки, притупляются чувства, оскверняется сознание, от неисчислимых страданий, причиняемых там существами, в душах рвутся самые тонкие струны. Вы даже не представляете, на что обрекли госпожу *Падмавати*, ибо в мире людей чело-

век чаще всего перестает быть человеком. Разве не знаете, почему люди — самые прекрасные и опасные существа? Они терзают любовью *Самого Бхагавана!*

Брамин подвел царя *Джананульф* и его двойника к пещерному храму, который разительно отличался от всех построек, возведенных на острове *Аирват*. Возможно, он был таким же древним, как сам остров, и он уже был прорублен здесь задолго до того, как риши *Девьянтар* облюбывал эти заповедные рощи. Подковообразный вход окружали мощные столбы с широкими капителями, высеченными в скале, а из полости храма доносился непрерывный гул, похожий на монотонное распевание священных мантр.

— В конце жизненного пути каждый из нас проходит *Шайла Риши*, чтобы вознестись на *Панча-Гири*.

Птице-человек указал им на вход в пещеру.

— Какой смысл теперь запирать нас в склепе? — обреченно спросил у него *Джананульфа*.

— Это не склеп, — возразил *Таттва Свами*. — Но вы не можете больше оставаться на *Аирват-двипе*, вы должны пройти через *Скалу Риши*, на этом пророчества *маха-риши* оканчиваются. Что будет дальше, никому не известно.

Они вошли под своды пещеры, в которой гулкое завывание ветра меняло тональность, подобно звукам трубы немислимых, галактических размеров. От этого напряженного гудения, заполнявшего здесь каждую

частицу времени и пространства, пещера вызывала мистические переживания, направляла разум в какие-то неведомые *локи* сознания. В темноте храма *Джананутра* не видел, куда идет. Да ему и неважно было, куда идти. Он чувствовал только, как от этого протяжного звука в жилах стынет кровь, а по плечам пробегает немая дрожь. Ему так не хватало любви *Падмавати*, нежности ее губ, ласковых слов, что каждый миг существования без нее становился для него все более и более невыносимым.

— Дальше вы пойдете одни. Идите всегда прямо, никуда не сворачивая, — дал им последние указания птице-человек.

— Святой мудрец, *Сатгуру!* — обратился к нему *Джананутра*. — Этот безупречный камень *Мани Хардха* принадлежит госпоже *Падмавати*. Она не успела взять его с собой, но он принадлежит только ей, и я верю, что однажды она за ним вернется. Пообещай, что будешь хранить его, как хранил тайну *маха-риши*.

В темноте храма засветился адамант, который царь *Джананутра* передал браминскому грифу.

— Мы будем хранить его, сколько бы времени ни прошло, пока госпожа *Падмавати* не вернется за ним. Тайна всегда должна оставаться тайной, даже если она кому-то открылась. Тысячи лет брамины острова были верны своей клятве, но подлинный смысл верности по-

знается тогда, когда кажется, что в ней больше нет никакого смысла.

— Прощай, духовный учитель *Джагатанта!* Твой урок был коротким, однако ты многому меня научил, — сказал на прощанье *Джананутра*.

— До этого дня я учил *брахмачарьев* только одному — расставанию, полагая, что это единственное, чему можно научиться в этой жизни. А теперь... теперь мне самому будет нужен учитель.

Так брамин *Таттва Свами* простился с ними в темноте пещерного храма, а *Джананутра* и его двойник пошли дальше. Они шли, никуда не сворачивая, слушая протяжное гудение ветра, и вскоре оказались у стены, отполированной с такой тщательностью, что *Джананутра* сумел различить в ней свое отражение.

— Почему ты остановился? — спросил у него дряхлый старец.

— Здесь пещера заканчивается, — отозвался он. — На стене мое и твоё отражение.

— Ты уверен? — переспросил *Пурусинх*, вытягивая трясущиеся руки вперед.

Джананутра тоже вытянул руки, чтобы нащупать стену, однако она оказалась очень теплой и жидкой, как вода. Он осмотрел всю зеркальную поверхность, которая была как бы натянута на дугу из неизвестного ему черного материала, и от удивления приоткрыл рот — он не мог понять, что это такое!

— *Пурусинх*, это не стена!

Он помолчал, пытаясь сообразить, что за странная жидкость могла висеть в воздухе перед ним.

— Не может быть... — вымолвил он, наконец.

— Это не стена? Говори, *Джананутра*, говори, что ты видишь.

— Кажется, это зеркало, — неуверенно произнес *Джананутра*. — *Пурусинх*, это же зеркало *сиддхов*! Тысячу раз читал про них в сказках, но чтобы увидеть самому...

— Зеркало? И что оно делает? Отражает нас, тебя и меня?

— Да, их использовали, чтобы отражать сознание. Перворожденные могли с их помощью перемещаться куда захотят. По преданиям, конечно! Но если мы пройдем через него, думаю, мы появимся в другом месте. Мы вознесемся на *Панча-Гири*, как сказал брамин *Джагатанта*.

— Ладно, *Джананутра*, веди меня туда, — вздохнул старец. — Мой разум не такой острый, как прежде. Знать бы еще, что это за *Пятигорье*, куда, как ты выразился, мы с тобой вознесемся.

Собравшись с духом, *Джананутра* перешагнул через зеркальную жидкость, но никаких изменений с ним не произошло, если не считать того, что зеркало *сиддхов* теперь оказалось у него за спиной.

— Довольно странно, но я ничего не почувствовал... — поделился он своим впечатлением, вернее, полным отсутствием такового.

— Ты хочешь сказать, *Джананутра*, что мы уже прошли через него? — уточнил старец, зрение которого не позволяло ничего разглядеть в темноте пещерного храма.

— Именно это я и хотел сказать, — ответил *Джананутра*, поднимая глаза кверху, потому что старческая медлительность *Пурусинха* начинала его тяготить.

— Ну, хорошо, значит, идем дальше, — прозвучал в темноте невозмутимый голос.

— *Пурусинх*, позволь мне спросить.

— Спрашивай, *Джананутра*, ты можешь спрашивать меня о чем угодно, но должен тебя предупредить, это не означает, что я смогу ответить на любые твои вопросы.

— Почему твое сознание не исчезает? Как ты обратился человеком, а до этого был ягуаром? Как тебе удалось переместиться в тело попугая? Я воочию видел, как твое тело проглатывал *Гуаттама*! Ни одно существо в подлунном мире не способно к таким превращениям.

— А ты очень наблюдательный, — похвалил его старец. — Взгляни себе под ноги, *Джананутра*. Ты видишь тень под своими ногами?

— Разумеется, нет, мы же в полной темноте! —
Джананутра махнул на двойника рукой.

Похоже, мысли уже путались в голове у старика, и он не мог связанно отвечать на сложные вопросы. Так что *Джананутра* решил больше ничего у него не спрашивать.

— Ты не замечаешь связи, — продолжал размышлять *Пурусинх*, — что тень твоя так же связана с тобой, как мой ответ связан с твоим вопросом. Тело совершенно необходимо для существования тени, без тела не может быть никакой тени, не правда ли? *Тело* первично — так думает тень, раз тело необходимо для ее существования, и с ней бесполезно спорить, понимаешь ты меня — нет?

— Если честно, то нет.

— Ну, это же тень, *Джананутра*! Какие мысли могут быть у тени? Плоские, только плоские... и у всех *джиwa-саттв*, как правило, одни и те же плоские мысли. И даже когда они думают о *Боге*, они думают о *Нем* как о первичном *Теле*, от которого зависит их существование. О чем бы ни спорили между собой тени, они всегда будут спорить об одном и том же *Теле*, о том естественном пределе, к которому стремится всякая плоскость. Знаешь, что я тебе скажу? Не ввязывайся в споры этих теней, ибо сознание теней темно.

— Хорошо, только ты ведь ничего мне не объяснил, — заметил *Джананутра*. — Для тебя все существа это-

го мира вроде отражений или теней, даже я, так получается? Но все *джи́ва-са́ттвы* обладают собственной волей, они почти всегда действуют независимо от более высокого сознания, от сознания наставника, учителя или йогина, наподобие тебя. По-твоему, выходит, тени могут действовать по собственной воле?

— О, тени могут расти, сокращаться, становиться ярче или бледнее! Они могут искажаться, совершать множество разнообразных *кармо*-движений, даже исчезать. Существуют очень небольшие промежутки времени, когда тень может мыслить независимо от *Тела*, повторяя его движения не сразу. И когда тень складывает такие промежутки в своем плоском уме, то ей начинает казаться, что она сама принимает все решения. А если *Тело* осветить с разных сторон, у него окажется сразу несколько теней! Все это так, *Джананутра*, и каждая — каждая будет думать, что она действует независимо! Но самое любопытное происходит с тенями ночью...

— А разве ночью тени не исчезают?

— Хе-хе, — то ли кашлянул, то ли по-стариковски усмехнулся *Пурусинх*. — Ночью весь подлунный мир становится одной великой тенью. Тени всех существ, зверей и птиц, тени дворцов, храмов и хижин, тени всей земли сливаются в одну неразличимую тень. Познав тончайшую сущность этой неразличимой тени, ты поймешь, что между всеми существами, четырьмя лунами и звездами вселенной, между всевозможными мирами,

локами пространства и *кальпами* времени пролегалта одна великая бесконечная тень.

Когда ты увидишь эту тень и ее движение, ты осознаешь, *Джананутра*, что перемещается вовсе не тень, а это ты — ты всегда перемещаешься между светом и тенью. Тебе может показаться, что *сиддхическое* сознание перемещается из одного тела в другое, но в действительности все существа для него слиты в одну тень, которая существует не благодаря *Телу*, а благодаря *Свету*. Да-да, не удивляйся! Всякое тело существует благодаря свету любви. От света любви падает всякая тень, и только светом любви всякая тьма озаряется. Взгляни себе под ноги, *Джананутра*, я спрошу тебя еще раз. Так ты видишь тень под своими ногами?

— *Пурусинх*, ты... ты просто невероятен, — признался *Джананутра*, догадавшись, что темнота в храме и была той тенью, о которой он спрашивал. — Знаешь, без тебя ведь ничего бы этого не было, я бы прожил всю свою жизнь изгоем, не узнав о госпоже *Падмавати*. Ты, в самом деле, позволил увидеть недостижимую мечту, вернул мне веру в нечто большее, чем я был готов принять, а я тебя даже ни разу не поблагодарил.

— Брось, *Джананутра*, это без тебя ничего бы этого не было, — ответил *Пурусинх*. — Посмотри-ка! Мне кажется, или в храме на самом деле стало светлее?

На стенах пещеры заблестели разноцветные блики изморози, а из темноты вдруг проступили очертания

колонн, покрытых толстым слоем льда. Поскольку расстояние между колоннами постепенно расширилось, храм казался короче, чем было на самом деле. Царь *Джананутра* и его астральный двойник продолжали идти и идти по залам, напоминающим теперь волшебные гроты ледяной пещеры. Так они подошли к высоким заиндевевшим воротам, из которых пробивались ослепительно белые лучи и веяло прохладным сквозняком.

— Ты был прав, по-моему, это горы, — согласился *Пурусинх*, кивая седой головой.

Не произнося ни слова, *Джананутра* вышел из храма, обозревая грандиозную, невиданную им никогда широту снежных склонов. Над ущельем, которое разверзлось у них под ногами, пламенели ярко-синие костры горных хребтов, застланные дымкой облаков. За ними громоздились багрово-палевые ледники, переливавшиеся на солнце чистым пурпуром, но даже они, эти неприступные и гордые гиганты, преданно склоняли свои головы перед слегка обнажившими себя вершинами *Панча-Гири*, вздымавшими нежно-лунные груди к небесам.

— Как долго пришлось тебя ждать! — эхом отозвался чей-то звучный благородный голос.

Хрустя по снежному насту, к престарелому двойнику *Джананутры* подошел крылатый барс с лицом как у человека. Почти такие же крылатые барсы, только из

камня, когда-то украшали изразцовые врата *Нагарасинха*. В детстве *Джананутра* к ним часто подбегал во время прогулок и рассматривал их лица. Рядом с ними он чувствовал себя не таким одиноким и представлял, что они тоже люди. А когда спрашивал у верховной жрицы *Наянадхары*, где они живут, она смеялась, гладила его по голове и говорила, что такие просветленные сущности жили очень-очень давно, во времена, когда ночь была такой же светлой, как день.

— Сколько бы времени ни прошло, ты все тот же, *Самадхана!* — бережно прикоснувшись к лапе барса, сказал старец. — Все тот же сфинкс, одиноко живущий в северных горах...

— Должен тебе сказать, это моя последняя йуга. Крылья давно обездвижили, да и лапы уже не те. Но ты, как я вижу, все-таки сдержал свое обещание, *Пурусинх*. Ты привел ко мне человека.

— Так это Северные горы? — *Джананутра* снова окинул взглядом снежные вершины. — Мы же только что были на *Аирват-двипе!* За южным морем, что намного южнее *Нагарасинха*. Мы что, в самом деле, прошли через зеркало *сиддхов?*!

— Если долго идти на юг, нигде не останавливаясь и никуда не сворачивая, ты всегда оказываешься на севере. Разве ты не знал об этом, человек? — столь же удивленно проговорил сфинкс. — *Сиддхические* зеркала лишь немного сокращают расстояние, только и всего.

— Вообще-то, его зовут *Джананутра*, — шепнул сфинксу *Пурусинх*.

— Мне известно, для чего ты здесь, царь *Джананутра*, — продолжал сфинкс *Самадхана*. — Ты хочешь узнать, куда исчезла прекрасная дочь риши *Девьянтаря*. Однако мой ответ не поможет тебе в твоих поисках. Давним желанием *Падмавати* побывать в мире людей воспользовался могущественный даймон, называющий себя *Сатанантой*. Приняв человеческое обличие, он явился к ней во сне и перенес туда, исполнив ее желание.

— Он похитил ее? — растерялся *Джананутра*, с трудом вникая в слова. — Выкрал из подлунного мира, но зачем? Знаете что, по-моему, вы оба спятили! Вот что, нет никакого *Сатананть*! Его нет ни в этом, ни в том другом мире, о котором вы тут говорите. Не хочу об этом ничего знать! Верните мне мою *Падмавати*, верните ее! Вы слышите?!

Джананутра страшно зарыдал, ему не хватало дыхания, чтобы громко кричать. Он рычал как раненный зверь, зажимая лицо руками. В его сознании произошла катастрофа, разрушавшая прежнюю жизнь, прежние чувства, разрушавшая его представление о самом себе. Он бился в конвульсиях от боли, которая безжалостно раздирала ему душу. Он снова и снова вспоминал *Падмавати*. Ее пречистый образ истязал остатки его разума. Он вспоминал слова *Пурусинха* и *Джага-*

танты о том, как порочен мир людей, вспоминал свой недавний сон, в котором его окружали совершенно пустые, бессердечные оболочки людей.

— *Пурусинх*, сделай так, чтобы я перестал существовать. Ты ведь можешь прекратить мои страдания, — прошептал *Джананутра*. — Душа моя умерла, так для чего поддерживать жизнедеятельность тела? Если бы она меня хоть немного любила, разве ушла бы она в какой-то там мир людей?

— Твое тело никто не пытал, тем не менее, ты содрогался от боли. Твоя душевная боль не зависела от тела, так скажи, почему ты решил, что, изменив состояние тела, ты избавишься от страданий? При потере тела или сознания, в глубочайшем трансе или во сне без сновидений не чувствуют страданий, но все это — временно, ибо со временем теряют даже потерю сознания, и даже потерю тела теряют со временем. Посмотри на меня, я не чувствую связи со своим телом, которое лежит неподвижно в мире людей. Кто знает, может, его, уже нет, однако мой дух продолжает свой путь, не так ли? Колесо, которое катится само по себе, не может катить повозку, но ни одна повозка не покажется без колеса. Так почему ты решил, что колесо души без драгоценной повозки тела потеряет свойство колесности? Вот так, пойдём, *Джананутра*, нам с тобой еще многое предстоит осмыслить.

Пурусинх помог подняться *Джананутре*, и они побрели за молчаливым сфинксом, который повел их к своему уединенному жилищу, построенному на краю скалистого обрыва. По плитам, на которых лежал хворост для совершения обрядов погребения, *Джананутра* догадался, почему брамины острова считали эту скалу своей последней обителью — она была их некрополем. Многие тысячи лет сфинкс *Самадхана* жил на этом уступе в полном одиночестве. Вероятно, он и сам забыл, сколько времени продолжалась его монашеская аскеза. По предместьям *Нагарасинха* до сих пор ходили слухи о том, что где-то на склонах северных гор обитает отшельник, способный читать Книгу судеб, созерцать отголоски будущего и прошлого. И *Джананутра* тоже ощутил, что время здесь текло как-то по-особенному. Вернее, оно казалось таким же застывшим и неподвижным, как эти горы и ледники, ведь ничего вокруг не менялось, кроме, разве что, наклонов теней и расположения снежных облаков.

— Вам надо пить больше жидкости, — поделился опытом *Самадхана*, отворяя лапой дубовую дверь ашрама. — Неподготовленные брамины на такой высоте начинают болеть — не хватает воздуха, чтобы дышать!

Крылатый барс предложил гостям взять чашки и поднял чайник с кипятком. В келье ашрама было светло и просторно. На полу лежали цветастые ковры с магическими узорами, на стенах виднелись замысловатые

рописи о неведомых существах, состояниях сознания и событиях, а из окна перед местом для медитаций открывался захватывающий вид на горные перевалы *Панча-Гири*.

Престарелый двойник *Джананутры* обхватил руками горячую чашку, поводил над ней носом и сделал небольшой глоток.

— Чудесный чай, *Самадхана!* — с наслаждением сказал он. — Пожалуй, лучший во всем Шикхирском ущелье.

— И единственный... — усмехнулся сфинкс, удерживая на лапе перед лицом дымящийся напиток. — Брамины *Аирват-двинь* веками снабжали меня всем необходимым. Даже не знаю, как бы я приглядывал без них за этими зеркалами. Но сейчас все изменится... Под светом *чатур-чанрдах* не осталось больше сил, способных сдерживать воинов *Сатананты*, ментальные границы были ими разрушены. Ты ведь понимаешь, *Пурусинх*, что это значит.

— Да, волна жестокосердия и пошлого веселья охватит душу каждого, затем даже дети полулюдинов перестанут чувствовать священство любви. Насилие и коварство будут превозноситься как высшее благо. Все будет как в мире людей, — устало раскачивал головой *Пурусинх*. — Вопрос лишь в том, когда *Сатананта* перейдет в наступление.

Сфинкс *Самадхана* печально подошел к окну, глядя на прекрасные горные выси.

— К сожалению, *Пурусинх*, это уже произошло. Темное воинство движется по вечным льдам через воды Безмолвного океана. Скоро они заполнят Шикхирское ущелье, и когда доберутся до меня, я не смогу защитить *сиддхические* зеркала, как бывало в прежние времена. Мне придется их разрушить...

В ашраме, стоявшем на самом краю обрыва, установилась звенящая тишина.

— Но ведь каждый из нас может что-то сделать! — предложил царь *Джананутра*. — Нельзя просто так сидеть и пить чай в ожидании конца света. Кажется, кто-то говорил, что если войны нельзя избежать, надо в ней побеждать!

— Ха-ха-ха-ха! — рассмеялся *Пурусинх*. — Ты прав, царь *Джананутра*! Это будет великая *сиддхическая* битва! А ты когда-нибудь принимал участие в битвах?

В ответ *Джананутра* лишь потупил взор. Он никогда не воевал, не убивал, не знал военных хитростей, ему никогда не приходилось отправлять воинов в битву, осознавая, что не все из них смогут вернуться. Всякая война казалась ему ужасной, а про *сиддхические* войны он и слыхом ничего не слыхивал.

— Для победы в *сиддхической* войне вам потребуется благословление. Однако я не могу вам его дать, я

не могу вам дать ничего, что бы помогло победить воинство *Сатананты*... Благословение в *сиддхической* битве способна дать лишь духовная вершина мира, *Сахасра-шира*! — крылатый барс приподнял голову, разглядывая за окном самую высокую из всех гор. — Если вы хотите победить, вы должны совершить духовное восхождение к *Ней*.

— Отлично! Так чего мы ждем? *Пурусинх*, мы ведь сможем туда подняться!

Джананутра был настроен очень решительно, ему уже не терпелось покинуть ашрам *Самадханы*.

— Нельзя вот так взять и взобраться на эту гору, — попытался его вразумить сфинкс. — Вершина эта сверхобычна, никто не достигал ее, а если достигал, то не возвращался. Неизвестно ни одного случая, чтобы кто-то оттуда вернулся. Но силы неравны! Никому не выстоять в грядущей войне без благословения *Сахасра-ширы*.

— Нам потребуется снаряжение и одежда, *Самадхана*, — задумавшись, произнес седовласый старец. — Мы совершим восхождение на *Сахасра-ширу*, даже если оттуда невозможно будет вернуться.

— *Пурусинх*, а как же твои способности *сиддхи*? — намекнул ему *Джананутра*. — Мы бы могли их использовать, чтобы подняться на эту гору.

— Духовная вершина — и есть источник *сиддхических* способностей. Нельзя использовать воду, чтобы

плыть по воде, — *Пурусинх* подвигал рукой, разбалтывая горячий чай в своей чашке.

— Но ты же сам говорил, что между силами *сиддхи* и силами живой природы не существует и крупницы различий, что различия существуют только в умах, которые думают об этих силах!

— Вот именно, — кивнул старец, слегка улыбнувшись под седой бородой. — Нельзя использовать воду, чтобы плыть по воде, но самый обычный лед плавает по воде, если он для этого достаточно крепок. Если никто никогда не достигал сверхобычной вершины, то откуда стало известно, что там можно обрести благословение *сиддхов*? А теперь отдохни, *Джананутра*, тебе нужен отдых.

Они провели в ашраме сфинкса-отшельника столько времени, что во всем безлюдном мире должна была наступить глухая ночь. Тем не менее, солнце продолжало все так же светить в Шикхирском ущелье, когда царь *Джананутра* и *Пурусинх*, одетые в теплые шкуры и меха, ступили на шаткий канатный мост, перекинутый над скалистой бездной.

— Прощай, сфинкс *Самадхана*, — поклонился старец крылатому барсу, — Не знаю, увидимся ли еще.

— Кто знает, может, увидимся, — ответил сфинкс. — Но это будет уже совсем другое время, не так ли?

— Да, совсем другое время... Береги зеркала, *Самадхана*, но не жди нас обратно!

Царь *Джананутра* и седовласый старец *Пурусинх*, хватаясь за канаты, стали переходить по мосту.

— И все же я буду ждать, слышишь, я буду ждать тебя, человек! — напутствовал сфинкс *Джананутру*.

Не оборачиваясь назад, *Пурусинх* поднял руку. Ветер то поднимал, то раскачивал из стороны в сторону перекидной мост над ущельем. Под ним, насколько хватало глаз, виднелась каменная стена, припорошенная кое-где снегом. Она казалась бесконечной. На самом краю этой бесконечной пропасти стояло последнее пристанище сфинкса, но еще более бесконечной казалась белоснежная высь *Сахасра-ширы*, нависавшая над всем подлунным миром. По тонкой ниточке, соединявшей и навсегда разъединявшей путников с *аджана-локой* переходили две крохотных точки, они почти скрылись, затерялись в потоках тумана, полностью исчезли из вида, а сфинкс все так же продолжал глядеть на них.

— *Пурусинх*, я постоянно думаю о *Падмавати*... — через какое-то время сказал *Джананутра*, тяжело дыша в разряженном воздухе. — Не могу ни о чем думать, кроме нее, мне кажется, еще немного — и я сойду с ума.

— Нет, *Джананутра*, пары дней еще недостаточно, чтобы по-настоящему сойти с ума от любви, — отозвался *Пурусинх*, осторожными шагами передвигаясь по хрустящему снежному насту. — Такое состояние может длиться годами, и чем дольше оно длится, тем больше

убеждаешься в том, что, на самом деле, безумны те, кто думает о чем-то другом, кроме любви.

— Прости, но что может знать старик, вроде тебя, о любви? Твое сердце давно бы разорвалось от чувств, которые я испытываю! Оно бы не выдержало моих безумных страданий.

— Каждый хочет любить, не испытывая страданий, ведь и всякое существо ищет избавления от чувства жажды и голода, чтобы жить, а не для того, чтобы снова и снова их испытывать. Но можешь ли ты вообразить себе, царь *Джананутра*, такое ненасытное существо, которое могло бы только питаться, не зная чувства меры? Только питаюсь и увеличиваясь в размерах, оно бы съело всех других существ, оно бы выпило океан, стало бы питаться землей и добралось бы до солнца, а затем оно бы проглотило все *сварги* Вселенной. Однажды оно бы разрослось до таких размеров, что стало бы питаться пространством, не замечая, что вместе с ним оно начинает поглощать самое себя. Его алчность привела бы в конце концов к тому, что оно разорвало бы и съело само себя полностью.

— Ты говоришь о времени?

— Да, *Джананутра*, я говорю о времени, о вечной любви, о страданиях, обо всем, что нас окружает.

— Мы страдаем, потому что испытываем безмерное чувство любви? — поразился *Джананутра* своему же вопросу. — И умираем, чтобы умерить это чувство?

— Нельзя умерить любовь, ведь все, что ты видишь вокруг, — старик остановился и обвел рукой небо и горы, — все было создано благодаря любви и ради любви. Но и страдания этого мира тоже нельзя умерить. Если кто-нибудь скажет, что навсегда избавит тебя от всех видов страданий умерщвлением плоти или прекращением мысли, знай, что это обманщик. Все, что останется после тебя, будет страдать, *Джананутра...* страдать, чтобы любить.

— Получается, что навсегда освободиться от страданий невозможно?

— Возможно лишь временное прекращение страданий, хотя это понятие весьма растяжимо. Ты можешь съесть нечто очень питательное, что надолго тебя насытит, приучить себя к ограничениям в еде, от которых со стороны будет казаться, что ты ничем не питаешься и не пьешь воду, не испытывая ни жажды, ни голода. Но в каждом из нас живет такое существо, которое съедает само себя. Поэтому время жизни временно, а каждый год кажется *джива-саттвам* короче предыдущего. Поистине только сверхсущая пища, ставшая насущной, способна насытить так, что существо времени внутри *джива-саттв* перестанет питаться самим собой.

Пурусинх открыл бутылку с чаем и сделал несколько глотков.

— Ты не забыл, о чем говорил сфинкс? Поднимаясь на эту гору, мы должны больше пить воды, иначе у нас

разовьется отек легких, и мы с тобой задохнемся, не достигнув вершины.

Он передал бутылку *Джананутра*.

— Так любовь — причина времени? — спросил он, утолив жажду чаем *Самадханы*.

— *Причина-следствие* всего, и времени, конечно, тоже, — согласился с ним *Пурусинх*. — Притяжение и разрушение тел, духовная близость, даже слова и мысли в твоей голове притягиваются друг к другу силой этой любви. Если бы безмерная любовь проявила себя в полной мере, *джиwa-саттвы* и вся материальная вселенная были бы уничтожены, бесконечная *Кала* вечности сжалась бы в одну *бинду*-точку мгновения. Вот почему каждая самость наделяется своим временем — не для того, чтобы эти существа страдали от саморазрушений, а чтобы существовала вечность любви. Не будь конечных чисел, называемых иначе *шеши-санкхья*, не было бы и чисел *санкхья-ананта*, которые никто не в состоянии записать до конца. Но помни, *Джананутра*, каждое *шеши*-число представимо числом *ананта*, ибо каждая живая сущность жива лишь потому, что в ней живет любовь вечная.

— Значит, и числа *ананта* тоже можно представить конечными *шеши*-числами? — прикинул в уме *Джананутра*.

— Бесконечная прямая на плоскости может выглядеть *бинду*-точкой из другой прямоугольно лежащей к

ней плоскости. То, что для плоской тени кажется вечностью, для астральной сущности может пролететь как одно мгновение. Выполнение таких *кармо*-действий всегда требует иной размерности сознания. Если же размерность остается прежней, то плоская тень начинает думать, будто она сама уже достигла «конца бесконечности», и это, несомненно, вводит ее в заблуждение. Именно так бесконечноголовый *Сатананта* обманывает *джива-саттв*, внушая им ложные мысли и действия, например, подталкивая к страшным жертвам во имя любви.

— И поэтому можно сказать «*ты есть Тот*», но говоря обратное «*Тот и есть ты*», можно прийти к ложному пониманию сути? — вспомнил царь *Джананутра* слова *Пурусинха*.

— Ты начинаешь понимать, — многозначительно взглянул на него *Пурусинх*.

Они проходили по ледяному полю, состоявшему из высоких бугров и скользких ложбин, куда стекали ручейки расплавленной воды. Больше всего эта картина напоминала гигантский лабиринт, созданный для того, чтобы сбить с толку, запутать каждого, кто посмеет в него войти. Блестящие ледяные наросты петляли, словно извилины фантастического головного мозга, из которого хотелось побыстрее выбраться, но *Джананутра* то и дело куда-то скатывался, хватался за прочную веревку, обмотанную вокруг тела *Пурусинха*, и снова ка-

рабкался вверх. Так они миновали испещренное льдами предгорье *Сахасра-ширы* и вышли к громадным ее склонам.

Глядя с этих склонов вниз, можно было подумать, что они уже взобрались на самую высокую вершину подлунного мира. Под ними развевался сверхъестественный, неизъяснимый пейзаж. Тысячи горных вершин уже лежали пред ними, сверкая миллионами хрустальных граней. Дымово-серый туман поднимался из ущелий и устремлялся вверх, подобно водопадам, текущим в обратную сторону. Всюду творилось нечто невероятное — с пространством начинали происходить немислимые метаморфозы! Границы дольного мира скруглялись — они искривлялись, как под выпуклой линзой, и вытягивались к горизонту, но горизонт этот находился где-то у тебя под ногами.

— Да-а, захватывающее зрелище! — подбадривая *Джананутру*, восхищенно произнес старец.

— Не думал, что *аджана-лока* может выглядеть вот так... — отозвался *Джананутра*. — А ведь мы еще не приступали к восхождению!

— Там мы находились еще на земле — здесь мы уже на небесах, а дальше будет еще сложнее...

Сделав небольшой привал, чтобы насладиться созерцанием неприступных хребтов и скал, выступавших из снега, они продолжили свой путь, который лежал еще выше, на сверхобычную вершину *Сахасра-ширы*.

— Знаешь, что самое трудное и самое страшное? — решил поделиться своими чувствами *Джананутра*. — Самое страшное — это когда ты начинаешь осознавать, что твоя любовь никому не нужна... Она не нужна *Падмавати*! Тысячи лун прожила она без меня и будет жить дальше, для этого совершенно не нужен я, понимаешь, *Пурусинх*? Ни подлунный мир, ни *сварги* Вселенной не перестали бы существовать, если бы не было моей любви к *Падмавати*.

— В этом и состоял смысл ее похищения, — объяснил *Пурусинх*. — Именно так *Сатананта* внушает мысль о бессмысленности любви. Он ненавидит любовь во всех ее проявлениях, но больше всего он ненавидит любовь вечную — любовь *Бхагавана* к *Той* запредельной *Истине*, которая утоляет всякую жажду и голод, даже голод времени. Какой бы ни была любовь, взаимной, безответной, возвышенной, безвозвратной, недостижимой, в ней всегда присутствует высший смысл. Ибо только любовь имеет смысл — лишь она наделяет смыслом жизни всех *джива-саттв* и существование самой Вселенной, даже если причиняет душевные муки и страдания.

— Без этих страданий, стало быть, не было бы и моей любви к *Падмавати*? Что ж, *Пурусинх*, теперь мне все ясно.

— В умозаклчениях, подобных этому, важно понимать тонкие различия, *Джананутра*. Если существа страдают от любви, это не означает, что страдание не-

обходимо для существования любви, ведь и жажда внутри существ возникает потому, что они живут, а не потому, что существует вода. Прежде чем говорить о связи любви и страданий, следует понимать, что и ненависть не возникает без страданий. Вот почему *Сатананта* использует ту же самую возможность страданий для достижения совершенно иных целей. Об этом тонком различии есть одна притча. Прошу тебя, выслушай ее, царь *Джананутфа*.

Однажды явился к царю мудрец, который сказал: *«Великий царь, вода наделяет всех жизнью, а царству несет благосостояние. Ты поступишь мудро, если сделаешь так, чтобы все реки земли потекли только в твое царство»*. Послушав того мудреца, царь приказал выкопать каналы, чтобы вода со всех рек потекла в его земли. Он захотел присвоить себе всю воду, но когда каналы были открыты, и вода потекла по ним, русла рек быстро обмелели и высохли. Вспыхнули бесконечные войны, горе охватило все царства, многие существа погибли, а земли того царя обратились в пустыню. Все утоляли жажду и могли жить, пока та же самая жажда не обернулась для всех бедою.

— Ты думаешь, помыслими того мудреца управлял *Сатананта*?

— Может он, а может, нет. Чтобы воздействовать на души существ, даймоны используют разные имена, зачастую имена богов. Ведь даймоны применяют тот же

самый закон, позволяющий перемещаться космической энергии *Шакти*: «Ничто не возникает для ничего, и ничто не существует без чего бы то ни было». Но не ради любви к *Истине* применяют они его, а для расширения ненависти и *Ажи*, благодаря которым существуют.

— Так для чего нужны имена богов? — по-прежнему недоумевал царь *Джананутра*. — К чему все эти верования, имена и названия, если ими может воспользоваться любая из асуров?

— А ты бы смог жить без имени? Не зная имени, можно обходиться с рабами, но не с богами, которым поклоняются *дживы*. Мы ведь уже говорили об этом — только глупец полагает, что, уничтожив все цветы и деревья в саду, можно избавиться от вредителей. Каждая вера, даже самая непритязательная, предлагает пути избавления от страданий в добродетели, в любви и в преданном служении. Чтобы утолить жажду, священная корова может пить из любого водоема, она может пить из лужи. Однако из этого еще не следует, что и в молоке у нее будет содержаться грязь. Поэтому каждый пастырь нахваливает молоко своей коровы, он добросовестно пасет лишь свое стадо, и каждый пастырь думает, что он важнее коровы, хотя молоко дает корова, а не пастырь. И вот тебе другая притча, *Джананутра*.

Пас один бедный пастырь корову, которая давала достаточно молока для всей его семьи. Как вдруг вошел

дух в корову, и она сказала: *«Сколько бы ты меня ни пас, одна корова не сделает тебя богатым, не избавит тебя и детей твоих от всех страданий. Видишь вон то стадо — уведи его этой ночью»*. Пастырь решил, что в корову вошел дух *Всевышнего*, и увел ночью чужое стадо. На следующий день корова сказала ему: *«Теперь ты стал богаче, но ты станешь богаче всех царей земли, если тебе будут принадлежать все коровы, и только ты будешь решать кому и как утолять жажду чистым молоком»*. Пастырь стал коровьим вормом и научил сыновей своих, чтобы они после его смерти продолжали уводить коров, пока все коровы не будут принадлежать одной семье. Прошло время, и однажды все коровы земли, действительно, стали принадлежать только сыновьям того пастыря. Однако, когда это произошло, они и не заметили, как стали красть коров друг у друга. Брат пошел на брата войной, и вся семья бедного пастыря погибла. Так чей дух вошел в ту корову, которая обещала избавить семья пастыря от всех страданий, а на самом деле всех погубила?

— То есть каждое верование предлагает пути избавления от страданий, но в каждое верование может вселиться дух, который со временем лишь усилит страдания *джиwa-саттв*?

— Как же иначе? Потоки энергии потому и текут, что они могут двигаться в любом направлении, — объяснил старец. — Скажу тебе больше, *Джананутра*, это

желание во что бы то ни стало избавиться от любых страданий ведет, порой, к возникновению деструктивных учений, разрушающих личность через прямое либо косвенное отречение от любви. Такие лжеучения не ведут к освобождению, они лишь сильнее поработают разум *джива-саттв*. Твоя мать, верховная жрица *Наьянадхары*, хотела просветить подданных, избавив их от веры в богов и асуров. Но когда существа перестают верить в богов и асуров, они начинают верить в материальные блага, в высшую власть толпы, в свою исключительность, в совершенство своей весьма ограниченной науки, в богатство, позволяющее, как им кажется, купить любую веру. Меняются только названия, а в сущности — это такие же лжеучения *дурбуддхи*, как учение о великом *Свабудже*. Не хотел бы тебя удручать, но весь мир людей теперь обращен в такого рода деструктивную секту.

— Почему же *Всевышний* вас не спасает? Почему *Бхагаван* не шлет вам на помощь *Своих Посланников* и великих *Сатгуру*, если у вас все так плохо?

— *Посланники*... — глубоко вздохнул *Пурусинх*. — Знал бы ты, сколько их было! Одна эпоха сменяла другую, великие *Учителя* создавали вероучения, но невежество... нет, оно никуда не исчезло! Не буду тебя обманывать, *Джананутра*, но пришествие тех *Посланников* едва ли оправдало ожидания, связанные со всеобщим просветлением и спасением. Праведные *джива-*

саттвы и без *Посланников Бхагавана* оставались бы светлыми душами, зато среди тьмы теней, считающих себя истинными последователями тех *Учителей*, возникло столько разногласий, столько безумия, что пришествие еще одного такого *Посланника*, несомненно, привело бы весь род человеческий к гибели.

— *Пурусинх*, твой мир людей обречен, — покачал головой *Джананутра*. — Если *Бхагаван* не шлет к вам *Своих Посланников*, то йуга невежества, в которой вы пребываете, никогда не окончится.

— Вот именно, не окончится, — согласился с ним *Пурусинх*, переходя на шепот. — Раскрою тебе одну тайну, на самом деле, эта йуга невежества — бесконечна, она бесконечна как бесконечно само время. Просто есть эпохи великих *Учителей*, способных нести в себе свет *Истины*, и такие беспросветные эпохи, когда в силу особо тяжелых кармических последствий невозможно пришествие ни одного *Посланника* для восстановления связи *джива-саттв* с *Той* запредельной *Истиной*. По правде говоря, *Джананутра*, в мире людей за такие слова меня бы разорвали на части. Но ты, надеюсь, не станешь со мной этого делать...

Царь *Джананутра* был ошарашен шуткой *Пурусинха*, которую воспринял буквально, взглянув на него, старик от души рассмеялся, а потом решил рассказать, что ему было известно про *Гуаттamu*:

— Тот браминский гриф *Гуаттама* был мне знаком, *Джананутра*. В свое время он был в мире людей очень известным мыслителем, которого звали *Кришнамурти*. Долгое время его считали одним из *Посланников*, просветленной сущностью, способной изменить мир людей к лучшему. Но когда случилась самая страшная и кровопролитная война, он отказался быть очередным духовным *Учителем*. Понимаешь почему, что произошло в его сознании? Он осознал, что, назвавшись в таком мире *Посланником*, он неизбежно введет всех в заблуждение, ибо само понимание этого слова давно было утрачено. Все привыкли ожидать *Посланника*, который когда-нибудь придет, принесет с *Собой* свет божественной *Истины*, после чего наступит вечное счастье и благоденствие. Но с такими вечно ожидающими *дживами* ничего никогда не наступит, как невозможно нести воду в решете. Прежде этого, они сами должны научиться добывать и нести в себе свет *Истины*.

Так говорил *Пурусинх* с царем *Джананутрой*, поднимаясь по снежному гребню *Сахасра-ширы*, как две неразличимые *бинду*-точки передвигались они вверх по резкой линии излома светотени — по одну сторону от них лежала холодная, камфарно-синяя тень, а с другой — сияла ледяная грань безжизненной пустоши. Вместе с ними вверх по склонам бежали струйки поземки, сначала очень медленно, а потом все быстрее и быстрее... И вот безбрежная волна снега, сдуваемого со склонов

Сахасра-шифы, неожиданно взметнулась над ее вершиной и, подобно чудовищной серой лапе, обрушилась на путников снежной пургой. Все заволокло непроглядной пеленой. Едва держась на ногах, они шли наугад под напором пронзительного ветра. Крупинки снега врезались им в кожу, царапали щеки, обжигали руки, словно языки пламени. Необходимо было срочно найти какое-то укрытие, чтобы переждать бурю.

— Спускайся за гребень! — крикнул старик *Джананутра*, прикладывая руку к обледеневшей бороде.

Джананутра, ни разу не видевший снежной бури, кивнул головой, и они стали торопливо спускаться в направлении небольшой скалы, почти целиком занесенной сугробами. За этой скалой ветер дул не так сильно. Пробравшись в горную расщелину, они оказались под низким каменным сводом.

— Еще немного, и нас бы точно замело снегом! — растирая руки, произнес *Пурусинх*. — Ничего! Сейчас мы тут с тобой обустроимся. Превосходное место, лучше всяких там дворцов, а?

Прислушиваясь к завываниям вьюги, *Джананутра*, поджал ноги и обхватил их руками, а старик взялся за вещевой мешок. Он развел в лампаде огонь и наломал в жестяной чайник снега. Тепла от масляной лампы было не так много, но *Джананутра*, по крайней мере, перестал стучать зубами, да и *Пурусинх* сумел отогреть свои кости. Ну, а когда подospel чай *Самадханы*, им

стало так уютно в этом крохотном убежище, находящимся невзсть где над облаками, что уходить отсюда уже не хотелось.

— Держи, царь *Джананутра*, похоже, наша с тобой пицца сделалась сверхсушной, — сказал *Пурусинх*, разломив замерзшую и твердую, как лед, хлебную лепешку. — Я знаю, о чем ты сейчас думаешь: «*Если завтра мы поднимемся на вершину, сил спуститься обратно никому не хватит*». Твои мысли читаются у тебя в глазах, тебе страшно, и я не удивлюсь, если ты сожалеешь о том, что мы с тобой забрались так далеко.

— *Пурусинх*, я ни о чем не жалею, — разомкнув обветренные губы, ответил *Джананутра*. — Просто на один миг, всего на одно краткое мгновение, когда ты готовил чай, я ощутил... Не знаю, как это сказать, но я ощутил, что ты мой отец.

Обняв *Джананутру* за плечи, *Пурусинх* крепко прижал его к себе:

— Ну, конечно, ты же мой сын, а когда сын и отец вместе, они непобедимы. Не бойся завтрашнего дня, *Джананутра*. Запомни эти слова — запомни навсегда, есть лишь один единственный смысл в существовании зла, и он заключается в том, что зло будет повержено.

Переживая бурю под каменным сводом скалы, они говорили о самом сокровенном, хотя слова их были такими обычными, что ничего сверхобычного в их разговоре не ощущалось. В мире людей так много говорили о

единстве *Отца-и-Сына-и-Святого-Духа*, так много пустословили об этом состоянии, что мало кто представлял, как такое возможно и возможно ли. Все размышления *вокруг-да-около* носили всегда отстраненный характер, как будто речь шла о *Сознании*, которое не имело и не должно было иметь ничего общего с человеческим сознанием. Между тем, потаенные смыслы этих и многих других слов предавались забвению, никем не открывались и не читались. Такая вера без внутренних поисков, без живого духовного опыта означала, что миллиарды верующих существ и веровали-то в бездуховного, в такого же отстраненного от них бога.

— Ты задыхаешься, потому что на этой высоте нет воздуха, пригодного для дыхания, — с сочувствием произнес *Пурусинх*, когда у *Джананутры* открылся удушливый кашель. — Здесь убивает каждое мгновение, но здесь ты можешь пройти одно испытание...

— Испытание? О каком испытании ты говоришь?

— Ты должен очиститься, *Джананутра*. Очиститься, чтобы ощутить, как в твоём сознании движется энергия, которая принадлежит не только тебе — она принадлежит всему, и все принадлежит ей. Но это не значит, что ты должен забыть все, отбросить все, что тебя связывало с этим миром. Очиститься — это значит оставить все самое чистое, что в тебе есть. Если этого не произойдет, ты не сможешь задействовать сию тон-

кую прану, а без нее ты не сможешь дышать на этой высоте.

— Ты хочешь сказать, что я могу дышать без воздуха? — усмехнулся *Джананутра* с горечью.

— Всякая рыба думает, что дышать можно лишь под водой. Оказавшись на берегу, она задыхается и не верит в реальность существ, которых видит вокруг, полагая, что они сверхъестественны, что это только сон, — прикрыв глаза, ответил *Пурусинх*. — Твой сон *нидра* и есть твои *недра*, и лишь открыв свой потаенный глаз *сва-нитра* ты откроешь глубочайшие *свои недра*. Ты знаешь, чем дышат существа там, в твоих сновидениях?

Джананутра задумался над его словами и, хотя глаза *Пурусинха* были прикрыты, он отчетливо осознал, что тот непонятным образом видит все, что с ним происходит, каждое движение его мысли. Пытаясь ответить на его вопрос, *Джананутра* тоже прикрыл глаза и догадался, что это была подсказка. Ведь для того, чтобы видеть сны, совсем не обязательно держать глаза открытыми. Для этого требовалось иное — сверхчувственное зрение, и он осознал, что на самом деле всегда обладал таким зрением, только раньше никогда не задумывался, для чего оно было ему дано.

Как только *Джананутра* об этом подумал — свист завывавшего снаружи ветра вдруг прекратился, а дышать в разряженном высокогорном воздухе, действительно, стало легче. *Пурусинх* тоже заметил, что снеж-

ный буран поутих. Он пробил дырку в огромном сугробе, которым замело расщелину, и они стали выбираться из укрытия. За время, пока они находились под небольшой скалой, свет и тень на гребне *Сахасра-шифы* успели поменяться местами. Лучи солнца по-прежнему светили ярко, правда, с другой стороны горного склона. Между днем и ночью не ощущалось никаких различий — солнце и вправду как будто обходило вокруг *Сахасра-шифы*, не опускаясь за кромку земли, но и не поднимаясь выше сверхобычной вершины. Дивясь такому непрестанным движению, *Джананутфа* произнес прекрасные слова, обращенные не к *Пурусинху*, а ко всему *Происходящему* на этой вершине:

— Как солнце не опускается ни днем, ни ночью, любуясь склонами *Сахасра-шифы*, так же и я созерцаю *Падмавати* неразлучно пребывающей в моем сердце. Как обогреть ее холодные склоны? Как? Где находится семя, способное здесь прорасти? Со всех сторон покрываю я поцелуями ее тело, но не могу растопить вечные льды. Мы переворачиваемся, обнимая друг друга, и пляшем в наших плясках, как тени от жертвенного костра любви.

— Да, *Джананутфа*, все так и есть! Когда-то и я мог говорить такими словами, — мечтательно отозвался старик. — Без любви мы просто пустое место... Посмотри, как близка к тебе сверхобычная вершина. Она так близка, что ты можешь коснуться ее! Она уже чув-

ствует твое приближение и начинает слегка вздрагивать. Но не спеши, *Джананутфа*, у этой вершины нельзя спешить! Требуется еще молчание, чтобы она могла тебя вполне слышать.

На каждом шагу к сверхобычной вершине время словно замирало, останавливалось, и возникало чувство, что невозможно подняться еще выше. Но каждый следующий шаг что-то менял, опровергая самое представление о возможном. И каждый следующий шаг казался чудом — самым настоящим чудом, от которого на глазах проступали и тут же леденели слезы. С трудом отрывая ноги от снега, они больше не могли говорить. Они отдавали восхождению все свои силы, не думая больше о том, что никогда не смогут вернуться. Ведь они уже возвращались к самым главным своим истокам — к истокам самих себя.

Не понимая, где он находится, не чувствуя под собой ног, *Джананутфа* приподнял голову и увидел, что гора куда-то исчезла — вместо нее над головой у него приоткрылся бутон бесконечно-синего неба, и он зарыдал. Зарыдал при виде этого неба, потому что на вершину *Сахасра-ширы* невозможно было подняться. По истине она была недостижима! Как бы высоко он ни поднимался, он всегда оказывался лишь ее частью. Он всегда был частью *Сахасра-ширы* — и даже на ней он оказался лишь частью той сверхобычной вершины, на которую все это время восходил.

Так стоял *Джананутра* на сверхобычной вершине, являясь ее продолжением и являясь продолжением самого себя, пока духовная вершина *Сахасра-шира* не впустила его в свои объятия. Она объяла его так крепко, что он упал на нее и прижался к ней обмороженными губами.

— *Джананутра*, у тебя все получилось! Величайшая из вершин мира покорила тебя, покорив тебя своей непокорностью, — возликовал, словно дитя, *Пурусинх*, заглядывая в обиндевшее лицо *Джананутры*.

— *Пурусинх*, я не чувствую ног, и у меня кружится голова. Неужели эта гора раскачивается от ветра?

— Ты чувствуешь это — ты чувствуешь ее танец под собой? — быстро растирая ему ноги, спросил риши, добавив. — Так раскачивается и танцует Вселенная! Ты еще будешь с ней танцевать, царь *Джананутра*! Вот увидишь...

Приведя *Джананутру* в чувства, *Пурусинх* заставил его прыгать и приседать, чтобы согрелись ноги. И только теперь, немного осмотревшись, *Джананутра* поразился тому, насколько высокой была *Сахасра-шира*. Где-то далеко внизу, под сверхобычной вершиной, кольцами кружили снежные тучи. Из этих титанических туч вырастали другие великие вершины *Панча-Гири*, а в разрывах джирозолевых облаков за Северными горами простирался покрытый льдами океан Безмолвия. Ему казалось, что если сделать всего один шаг вперед, то с

этой вершины можно было сразу перешагнуть через весь океан! Настолько величественной и возвышенной была духовная вершина подлунного мира.

Однако там, на льдах Безмолвного океана, что-то происходило — запутанные черные ручейки стекались к белоснежным горам, оставляя за собой темные разводы и полосы. *Джананутра* вспомнил слова крылатого барса о воинах *Сатананты* — и ужаснулся их числу. Их было такое бессчетное множество, что ни одно царство под светом *чатур-чандрах* не смогло бы собрать такую орду. Со всех земель стекались цари и могучие воины на брань под стягами *Сатананты*.

— Кто же сокрушит воинов тьмы? — спросил царь *Джананутра*, глядя на черные орды *Сатананты*. — Всех воинов *Нагафасинха* они сметут в первой же битве, и даже не заметят этого! *Пурусинх*, тут нужно не благословление *Сахасра-ширы*, а сошествие *Посланника Самого Бхагавана*! Взгляни же, как растекаются они, подобно спруту, по ущельям, как выжидают, притаившись в западне, как сливаются они с толпами *дживасаттв*, приобщая их к своим темным ордам!

— Ты знаешь, *Джананутра*, в мире людей тоже ожидают *Посланника*, последнюю аватару *Всевышнего*, *Майтрею*, *Машиаха*, ждут второго пришествия *Христа*, — пригладив бороду, сказал старец. — А тем временем там происходит то же самое, и толпы *дживасаттв* приобщаются к воинству *Сатананты*, полагая

как раз то, что они становятся воинами *Всевышнего*. Если бы ты обладал *сиддхическим* зрением и присмотрелся бы к этому темному воинству, ты бы заметил, что многие из тех орд вступают в битвы между собой, но всех их ведет один и тот же наместник *Сатананты*. Поэтому, как бы ни враждовали они меж собой, все орды движутся в одну и ту же сторону, и с высоты сверхобычной вершины это прекрасно видно.

— Что же ты предлагаешь? Собрать всех, кто способен держать меч, и дать отпор в решающей битве?

— Без благословения *Сахасра-шифры* все бы закончилось именно этим, — рассуждал *Пурусинх*. — Но в *сиддхической* битве происходит нечто другое. В этой войне темные силы всегда добиваются самоуничтожения *джива-саттв* всеми доступными средствами. Они управляют разумом существ через лжеучения, через подмену божественных имен, через создание иллюзий и ложных образов *рупа-дхарни*, изменяющих сознание, стирающих и без того тонкую грань между добром и злом. Но всякая тьма в сознании, прежде этого, должна быть побеждена самим сознанием. Великая битва, *Джанануптра*, должна произойти в сознании каждого!

— Но ведь для того и нужен *Посланник Бхагавана*, чтобы свет запредельной *Истины* вошел в сознание каждого, разве не так? — настаивал на своем *Джанануптра*.

— Добыв свет запредельной *Истины*, каждое существо осознает в себе *Того* непроявленного *Бхагавана*, благодаря *Которому* существует всякое сознание. Такая пробужденная, просветленная душа иногда называет себя *Посланником* или духовным *Учителем*, но лишь для того, чтобы возвестить о существовании *Истины*, а не для того, чтобы присвоить *Ее* себе. Думаешь ли ты, царь *Джананутра*, что эти вероучения об *Истине* могли бы существовать без пророчеств о следующем *Посланнике*? И знаешь ли, кому надлежит стать *Той* последней аватарой *Всевышнего*?

Пурусинх помолчал, наблюдая за тем, как черные плети воинства *Сатананты* расползаются по предгорьям северных гор. Он подумал о том, что изменилось бы в подлунном мире, если бы сфинкс *Самадхана* или брамин *Джагатанта* назвал себя *Посланником Всевышнего*? В темном сознании теней от этого совершенно ничего бы не изменилось...

— *Пурусинх*, ты хотел объяснить, почему во всех вероучениях говорится о следующем *Посланнике*... — напомнил ему *Джананутра*, заметив, что риши ушел в себя и стал впадать в забытие или, наоборот, в какое-то припоминание.

Чтобы сосредоточиться, старец приподнял руку, положив большой палец на полусогнутый указательный. Он закрыл глаза для удержания сознания в полной тишине, а затем сказал царю *Джананутре*:

— Потому что последний и есть следующий. Каждый, кто вполне осознает в себе *Того* непроявленного *Бхагавана*, и есть последняя аватара *Всевышнего*. Последняя — не потому, что другие воплощения невозможны, она будет последней лишь в конечном множестве *шеши*-чисел, а за ней, *Джананутра*, всегда будет следовать *Бесконечность*! Проявляя *Себя* конечным, в действительности *Он* не является конечным, и если кто-нибудь скажет, что он — истинный, последний *Посланик Бхагавана*, за которым нет и не может быть другого, знай, что это обманщик.

Последняя *Бхагаван-аватара* и есть смертная *джи-ва*, вполне осознавшая в себе светозарную вечность любви *Всевышнего* к *Истине*. Она — последняя, потому что смертная, и она — бесконечная, потому что вечная. Только так завершается йуга невежества — она существует и перестает существовать лишь в темном сознании. И душа, ожидающая света извне, еще будет блуждать впотьмах времени. Но душа побеждающая добывает свет во тьме своего сознания, и существо времени уже не будет питаться ею. Как с наступлением утра завершается ночь, как медитация прекращает путаницу мыслей, как меч, разрубающий узел противоречий, как праведный суд, изобличающий ложь, как выздоровление после опьянения, как прорастание и созревание после увядания, как вода, смывающая грязь, а затем сама себя очищающая, как влюбленные наедине, сбрасываю-

щие с себя жаркие одежды. Так наступает последняя *Бхагаван-аватара* в каждом сознании.

Закончив произносить эти слова, *Пурусинх* ощутил в своем теле необъяснимую легкость, как будто направление гравитации внутри него постепенно сменило направление — снизу вверх. После чего его тело отделилось от вершины *Сахасра-ширы*, приподнявшись над ней.

— *Пурусинх*, к тебе вернулись силы *сиддхи*? — обрадовался царь *Джананутра*. — Ты снова паришь в воздухе!

— Все это происходит спонтанно, — совершенно спокойно ответил старец. — *Джананутра*, я начинаю пробуждаться в другие миры и пространства.

— Подожди, *Пурусинх*, ты не можешь вот так уйти! Ты так и не изложил всей запредельной *Истины*, — спохватился *Джананутра*, пытаясь остановить пробуждение *Пурусинха*.

— Излагая истину, очень легко ее изолгать. Вот почему *маха-риши* не излагают всю *Истину*, а только поддерживают стремление к *Ней*. Для тех, кто достиг сверхобычной вершины, высшим смыслом становится не достижение, а поддержание.

Пурусинх медленно кружил возле *Джананутры*, он левитировал уже так высоко, что протянул ему свою руку, чтобы *Джананутра* мог удерживать его еще какое-то время.

— Но я не хочу, чтобы ты уходил! — вопиял *Джананутра*. — Не уходи, прошу тебя!

— На вершине этого мира я бы хотел попрощаться с тобой не как с царем, а как со своим сыном, как с частью самого себя. Часть своего пути ты должен будешь пройти без меня, *Джананутра*.

— Но я не готов к этому, я не знаю, куда идти. Не оставляй меня, отец!

— Не думай обо мне, *Джананутра*! Думай только о запредельной любви — лишь она имеет смысл.

Глядя вверх, на безмятежное лицо *Пурусинха*, висевшего над ним головой вниз, *Джананутра* все равно не хотел его отпускать:

— А как же воинство *Сатананты*? Кто с ним сразится? Мне не выстоять в *сиддхической* битве без тебя!

— Ты ведь не забыл, как произносить мантру, которой ты меня вызвал? — двинул бровями *Пурусинх*. — Когда мои силы потребуются тебе, ты всегда сможешь ее прочесть.

Пурусинх обозрел *сиддхическим* взглядом воинство *Сатананты*, которое просачивалось к сверхобычной вершине, мечтая захватить и присоединить *Ее* к темному царству. Он приблизил свой взгляд к каждому воину, вглядываясь в лица теней, поднимающих черные, растрепанные в клочья знамена, восседающих на зловонных, полумертвых лошадях. Он увидел вурдалаков, воинов с головами саранчи и кровожадных шакалов,

ощутив их желания, иллюзии и темные страхи, которые движили ими.

Среди них в окружении многочисленной рати царей-самозванцев неспешно ехал наместник *Сатананты* верхом на коне, извергающем из ноздрей клубы зеленого пара. Закованный в непробиваемые черные доспехи, он скрывал лицо под забралом, чтобы никто не мог его узнать, чтобы никто не догадался, кто на самом деле ведет темные орды по льдам океана Безмолвия. Но когда взгляд *Пурусинха* встретился с пустыми глазами наместника, он узнал его даже под забралом черного шлема. Он узнал глаза *Лючии* — падшего ангела *Света*, и она, ощутив на себе *сиддхический* взор, тоже как будто узнала его.

— Одной мантрой в *сиддхической* битве, конечно, не обойтись, — произнес старец, закатывая глаза.

Изо лба *Пурусинха* на вершину *Сахасра-ширы* излился поток света, в котором мчался лучисто-белый конь, окруженный сиянием защищавшей его мистической попоны. Он вырвался из потоков *сиддхического* света и встал на дыбы над океаном Безмолвия, попирая воинов *Сатананты* корундовым копытом, в котором мерцали звезды и *сварги* неисчислимых миров.

— Сей конь сверхобычен, *Джананутра!* Он не принадлежит ни мне, ни тебе, являясь *праджней* чистого восприятия — *предзнанием*, способным опережать самое время. Он будет нести тебя к тем незримым целям,

к тем *прайоджанам*, что избавляют существ от причин, порождающих бремя кармических следствий. Ничто не может его запятнать, кроме твоего же сознания, поэтому содержи его в чистоте, *Джананутра*.

— И он поможет сразиться со всем этим воинством?

— Да, но, похоже, ты будешь сражаться не один.

Над тучами, окружавшими *Сахасра-ширу*, со всех сторон света поднималось великое воинство. Тысячи тысяч высокогорных грифов летели в апитовых одеждах, удерживая в птичьих лапах молниевидные ваджры. На спинах они несли львиноголовых кшатриев, изготовивших к *сиддхической* битве тришулы, стрелы и луки. А за ними из туч поднимались могучие молодые сфинксы, размеренно взмахивая крыльями.

При виде всего этого воинства, возникшего неизвестно откуда, сердце *Джананутры* наполнилось духом победы. Оно стало биться в один такт со всеми ратниками, и он осознал, что все это *сиддхическое* воинство было единым духовным существом, неуничтожимым, тысячеруким, тысячеглавым, тысячеглазым, пребывающим не только в этом, но и во многих других мирах. Всех этих воинов призвала *Сахасра-шира* — она собрала их на эту битву, где бы они ни находились, и они отозвались на призыв сверхобычной вершины. Они прибывали к ней и прибывали, появляясь отовсюду через зеркала *сиддхов*, и не было им конца.

В тот миг, когда он достиг полного единства с призванным *Сахасра-широй* просветленным существом, тело *Пурусинха* истончилось настолько, что стало астральным и *Джананутра* не смог больше удерживать его в своей руке. Рука *Пурусинха* прошла сквозь руку *Джананутры* и отделилась от нее, при этом *Джананутра* продолжал ощущать в своей руке нечто холодное и сверкающее.

— Теперь, *Джананутра*, ты обладаешь всем, что тебе необходимо. Меч *Кхадакша* в твоей руке — это меч *сиддхической* мысли, которая пронзает и поражает темное сознание. Выкованный из времени, он разобьет мгновенно ложные образы внутри *джиwa-саттв*, не разрушая их тел. Так, царь *Джананутра*, ты победишь всех демонов *Сатананты* в этой битве.

Подняв меч *сиддхической* мысли над головой, *Джананутра* простался со своим отцом *Парамаджаной*, с *Пурусинхом*, первопредком ягуаров и царем Северных гор, с мудрым йогином, астральным двойником и обычным человеком по имени *Йуджин*. Он улыбнулся ему, хотя на глазах застывали слезы, и *Пурусинх* исполнил хасту благословения, прощаясь с ним, прощаясь со всем подлунным миром. Он улелал в джамбуловые небеса, где восходила индиговая, а за ней пинковая луна, где медленно парила полная перламутровая луна, а еще выше виднелась далекая лазурно-бирюзовая луна. Он

словно падал, но падал не вниз — а вверх, не чувствуя у себя за спиной совершенно никаких ограничений.

Вылетев за пределы *аджана-локи*, он все еще продолжал видеть под собой вершину *Сахасра-ширы*. Он видел, как с *Нее* сошел царь *Джанануптра* верхом на лучисто-белом коне. Он сошел на темное воинство, подобно снежной лавине, и тысячи воинов бились плечом к плечу в той великой битве, являясь разными, но едиными и неотъемлемыми *таттвами* одной и той же сверхобычной сущности. Падение вверх продолжалось, его ничем не нельзя было удержать — оно лишь ускорилося, и вскоре весь подлунный мир свернулся в хрустальный шар, в звезду, в чакру *сварги*, в разноцветные нити Вселенной, от которых он удалялся все дальше и все быстрее.

***

Пространство замелькало всеми цветами радуги, затем миллионами других неуловимых цветов, которые обычно не воспринимались, а иногда переходили в тончайшие звуки, создавали многомерную геометрию, которую могло созерцать только такое же многомерное существо, сотканное из колебаний внутреннего света. Тем светом, который не имел никаких отличий от праны, дышало его астральное тело, сотканное из него же. Дыхание праной являлось тождественным ее созерца-

нию, а зрительное восприятие являлось непрерывным продолжением звукового, звуковое — продолжением телесного, телесное — продолжением сознательного... Все эти и прочие восприятия воспринимались здесь неразлично друг от друга, они были различными видами преобразований глубинных полей энергии, в которые он падал. Они уносили его, притягивали сверхдальним взаимодействием.

А затем все прекратилось. Навсегда. Надолго. Навечно. С ним совершенно ничего не происходило, но с ним что-то длилось. Это было время — и оно было им. Он не мог понять, почему больше ничего не было. Даже тьмы не было, и это было самым непонятным! Чтобы свет мог рассеивать или изгонять тьму, а тьма могла догонять или поглощать свет, скорость тьмы должна была как-то отличаться от скорости света — она была выше скорости света. Но если не было даже тьмы, то что же это было?

Он должен был пробудиться, но куда и как пробудиться? Если он длился, обогнав скорость света и тьмы, то что должно было произойти, чтобы это произошло? Уничтожение тьмы? Ну, конечно, он ведь испустил часть души в открытую пору *Калиманаса*, а затем вернулся к моменту, когда аннигилировала его голова, точнее, одна из голов бесконечноголового *Сатананты*. Она была уничтожена силой *сиддхической* мысли, стало быть, пока он пребывал в чреве *Калиманаса*, все его

мысли каким-то образом складывались. Мысли обладали скоростью. Они могли вычитаться, если забывались, и они могли складываться, если длились дальше. Поэтому, когда скорость мысли превысила скорость света и тьмы, голова *Калиманаса* разорвалась — ее время перестало длиться. Так вот почему пробуждение не наступало — он застрял там, где уже не было тьмы! Он пребывал по ту сторону тьмы, где-то между *светом-и-тьмой* и чем-то еще, совсем уж *потусторонним*.

Чтобы выбраться из этого состояния, можно было либо замедлить дление времени, забывая и забывая мысли, и тогда бы он снова сравнялся со скоростью тьмы. Может, вернулся бы в пространство сна меньшей размерности. Либо можно было продолжить ускорять дление времени, чтобы таким образом увеличить свою размерность. Падая в эти глубинные поля энергии, он растянулся до бесконечности, приняв форму сверхтонкой грани. Он так разогнал мысль, что оказался на самом острие времени, стиснутого настолько плотно, что оно легко входило в любой интервал между светом и тьмой.

Когда все прежние его мысли снова сложились или, скорее, умножились, он просочился через острие той сверхтонкой грани в иное измерение, осознав, что это и был меч *сиддхической* мысли — тот самый меч, рукоять которого он передал *Джананупфе*! В неизвестной размерности, куда он вошел, продолжали извиваться ос-

тавшие черные головы *Сатананты*, но здесь они оказались не бесконечным объемом абсолютной тьмы, а многомерной тенью! Теперь оставалось разгадать тайну, откуда взялась эта бесконечноголовая тень, назвавшая себя *Сатанантой* — «истинно-бесконечной». Он решил разглядеть многомерное *Сверх-тело*, от которого отпал *Сатананта*, но размерности его сознания для этого было недостаточно. Столь же безуспешно пылинка, лежавшая на полу, могла оглядываться вокруг, пытаясь разглядеть другую страну, планету или галактику.

Он расширил свое *сиддхическое* зрение до предела — и за горизонтом искривленных потоков времени, в каком-то инобытии, проступили смутные кольцевидные очертания. Если змей *Сатананта* имел сходства с этим *Сверх-телом*, то это могли быть кольца *Ананта-шеши* в океане причинности. Но они, разумеется, меньше всего походили на плоские картинки из популярных заметок по индийской философии. Вне времени, где прошлые и будущие состояния становились видимыми — как кольца в кольцах — океан причинности и метафизическое тело *Ананта-шеши* были как бы одним и тем же. Всевозможные события, которые не входили в зримое *Сверх-тело* будущее-прошлого и прошло-будущего, перемешивались рядом с *Ним* же в зависимости от тех или иных положений колец.

В том инобытии, где можно было созерцать и перемещать потоки времени, свет был почти таким же,

как в сновидениях, только он был без примесей тьмы — или, быть может, тьма здесь была спектральной, а не темной. Его движение, как и движение света в сновидениях, происходило внутри *Сознания* при полной неподвижности внешних бесконечномерных пространств. От этого чистого света и отпадала многомерная тень *Сатананты*, мечтающая заместить собой *Анантадева*, но она не могла ворваться сюда из внешних миров. Так он созерцал движение световых колец времени, с трудом поддающееся запоминанию. Но что он очень отчетливо запомнил, так это то, как одно из циклопических вселенских колец стало приближаться к нему. Оно как бы по случайности захватило его, а затем прошло сквозь него волной, которую он ощутил каждой клеточкой.

Он вздрогнул всем телом и проснулся. События сна уплотнились настолько, что он почти мгновенно все позабыл, в его памяти отложились лишь какие-то мыслеобразы, между которыми сложно было восстановить логические связи. Господи, сколько же всего с ним произошло!

Он потерял свой висок и провел рукой по подбородку. Если бы он мог хоть что-то восстановить из тех впечатлений, которые в нем еще сохранялись! Как вообще такое могло присниться ему, обычному человеку, который никогда не занимался всякого рода духовными практиками или тренингами в йога-центрах? Возможно, все это было не так уж и нужно, чтобы ощутить в себе

нечто такое, что выходило за рамки обыденности, за рамки того, что демонические сущности в оболочках людей называли «*истинным знанием*». Они обманывали рассказами о «*правах*» и «*свободах*», нарушая все мыслимые права, развязывая кровавые войны, чтобы убивать, уничтожать целые народы под надуманными предложениями борьбы за освобождение их от чего-то ужасно нехорошего. Но самыми ужасными, самыми деструктивными существами были, несомненно, они сами — все те, кто с убеждением отстаивал свободу, ничего в ней не смысля и не зная того, что вот так никакого освобождения как раз не наступит.

Записав обрывки сновидения в тетрадь, он решил проверить значение некоторых слов, которые имели санскритские корни, и включил ноутбук. Но на экране всплыло сообщение: «*Недопустимое значение времени. Попробуйте настроить системное время*». Протрав глаза, он кликнул на панели задач по часам — и просто не поверил тому, что видит. На часах стояла дата: «*Январь. 12102 год*». Какие-то чудеса продолжали происходить с ним наяву, как в продолжении сна, но это была уже вполне объективная, проверяемая реальность. Он настроил время и пошел заваривать кофе. А когда вернулся, то решил снова набрать «*12102 год*», но ничего не получилось — на часах вводились только четырехзначные числа...

Размышляя над этим странным «*перемещением во времени*», он подошел к единственному на цокольном этаже окну и стал разглядывать в нем проезжую часть дороги, припорошенные снегом стволы деревьев. Он все еще надеялся что-то вспомнить. Но это уже казалось невозможным. Его память затуманилась, как само это окно, к которому прилипали белые снежинки. Они падали неравномерно, стекая каплями вниз и в бок — вниз и в бок. Он сделал шаг назад, чтобы отойти подальше, и наклонил голову, пристально их рассматривая. Взяв тетрадку, он повторил в ней знаки, которые вырисовывались на стекле каплями мокрого снега. Они были в точности как буквы деванагари — и первые несколько букв ему сразу удалось прочесть! Это была мантра, с которой все началось, которая звучала у него в голове. Он вспомнил ее, а она позволила вспомнить весь сон в мельчайших подробностях.

ॐ नमपुरुसिंहहुम्

Дэ Нирвакин

АИРВАТ.

Повесть о беззаветно
преданной любви

Изд. «Беркхаус».

Директор издательства

А. Колпак.

Оформление и компьютерная верстка

Д. Клещева.

Подписано в печать 01.05.2017 г.

Формат А5. Гарнитура «Minion Pro».

ИП Колпак А.Е.

Пятигорск,

2017 г.